

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Источник Вознесения

Рожденный
туманом

Книга 2

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Источник Вознесения

«Азбука-Аттикус»

2007

Сандерсон Б.

Источник Вознесения / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Звезды новой фэнтези)

После смерти Вседержителя империя погружается в хаос: аристократы рвутся во власть и три наиболее могущественных лорда приводят войска из людей и нелюдей под стены бывшей столицы. С неба по-прежнему сыплется пепел, а по ночам, как и раньше, приходит туман... Только вот теперь он иногда появляется и днем, забирая жизнь у тех, кому не посчастливилось оказаться под открытым небом. Если верить древней легенде, миру по-прежнему угрожает непостижимая Бездна, справиться с которой по силам лишь тому, кто разыщет Источник Вознесения и станет героем пророчества – Героем Веков. Но где же его искать и что за сила таится в нем?

© Сандерсон Б., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Благодарности	6
Часть первая	9
1	10
2	13
3	20
4	29
5	32
6	45
7	52
8	56
9	64
10	66
11	73
Часть вторая	82
12	83
13	91
14	104
15	111
16	116
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Брендон Сандерсон

Источник Вознесения

Рожденный туманом. Книга 2

Посвящается Филлис Колл, которая, быть может, так и не поняла моего фэнтези, но научила меня жизни – и, соответственно, писательству – в большей степени, чем предполагала. (Спасибо, бабушка!)

Brandon Sanderson
MISTBORN: THE WELL OF ASCENSION
Copyright © 2007 by Brandon Sanderson
All rights reserved

© Н. Осояну, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Если хотите почитать хороший книжный сериал, то «Рожденный туманом» Брендона Сандерсона для этой цели подойдет как нельзя лучше...
Захватывающее действие, запоминающиеся герои, великолепный слог.
Fantasy Book Review

В «Рожденном туманом» применена тщательно продуманная магическая система. А еще Сандерсон предлагает отличную подборку убедительных персонажей, правдоподобный мир, интригующее политическое устройство и очень удачные развязки романов. Настоятельно рекомендую всем любителям интересного чтения.
Робин Хобб

Мало кто из писателей-фантастов хорошо разбирается в том, как работает лидерство, как формируются общества и как в человеческих сердцах прорастает любовь. Сандерсон поразительно мудр!
Орсон Скотт Кард

Благодарности

Прежде всего, как обычно, высочайшей похвалы за свой труд заслуживают мой замечательный агент Джошуа Билмес и редактор Моше Федер. Эта книга потребовала особенно вдумчивой работы над черновиками, и они с задачей справились. Приношу свою благодарность также их ассистентам Стиву Манчино и Денису Вану.

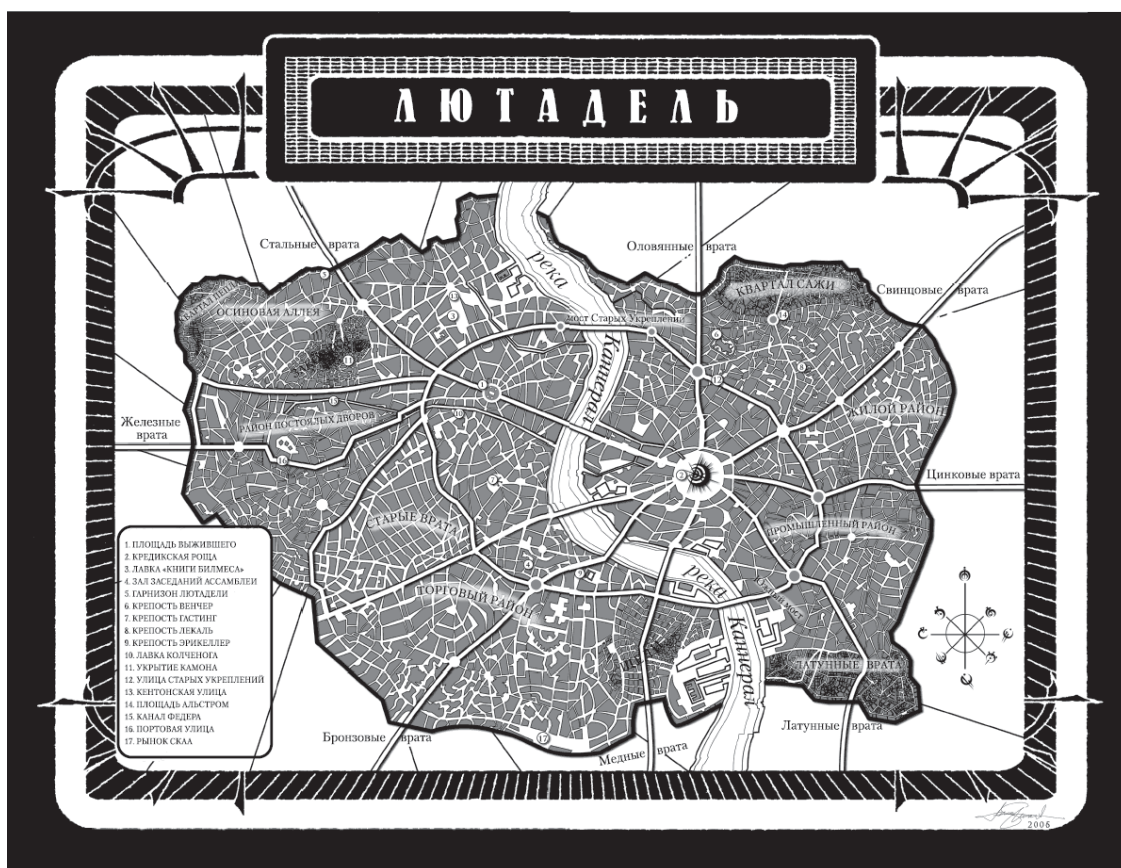
Есть в издательстве «Тор» и другие люди, которых я хотел бы поблагодарить. Ларри Йодер (лучший менеджер по продажам во всей стране) проделал отличную работу, продавая эту книгу. Сет Лернер, художественный редактор, настоящий гений в том, что касается поиска художников для книг. И, говоря о художниках, я считаю, что удивительный Кристиан Макграт нарисовал блестящую обложку. С другими его работами можно ознакомиться на сайте christianmcgrath.com. Айзек Стюарт, мой добрый друг и коллега-писатель, нарисовал карты и символы для заголовков. Его вы найдете на nethermore.com. Шон Бойлз – официальный лама-художник, рожденный туманом и вообще отличный парень. Больше можно узнать на моем веб-сайте. Наконец хочу поблагодарить отдел рекламы «Тора», в особенности Дот Лин, за усердный труд по продвижению книги и заботу обо мне. Огромное спасибо вам всем!

Следующая очередь благодарностей предназначена моим альфа-ридерам. Эти не знающие усталости ребята обеспечивают обратную связь на раннем этапе работы над романами, вылавливая ошибки, опечатки и несуразности до того, как я сам с ними разберусь. Вот они (в случайном порядке): Бен Олсон, Криста Ольсен, Натан Гудрич, Итэн Скарстедт, Эрик Дж. Элер, Джилена О'Брайен, С. Ли Плэйер, Кимбал Ларсен, Брюс Кандик, Дженси Паттерсон, Хизер Кирби, Салли Тейлор, Всемогущее Местоимение, Бредли Ринер, Холли Винэбл, Джимми, Алан Лэйтон, Джанет Лэйтон, Кейлин Зобелл, Рик Стренджер, Нэйт Хэтфилд, Дэниэл Э. Уэллс, Стэйси Уитман, Сара Байлунд и Бенджамин Р. Ольсен. Особо хотелось бы поблагодарить людей из «Прово Уолден букс» за их поддержку. Стерлинг, Робин, Эшли и убийственный дуэт Стив «Парень-из-Книжной-Лавки» Даймонд и Райан Макбрайд (которые были также альфа-ридерами). Еще я должен выразить признательность моему брату Джордану за работу над моим веб-сайтом вместе с Джеффом Криром. На плечах Джордо лежит еще и почетная обязанность не давать мне зазнаваться, поэтому он потешается надо мной и моими книгами.

Мать, отец и сестры, как всегда, поддерживали меня. Если я забыл кого-то из альфа-ридеров, простите! В следующий раз упомяну дважды. Заметь, Питер Альстром, тебя я не забыл – просто решил приберечь напоследок, чтобы ты немного понервничал.

И наконец, я благодарю свою прекрасную жену – мы поженились, когда книга готовилась к печати. Эмили, я тебя люблю!

Часть первая

Наследница Выжившего

1

Я чеканю эти слова на стали, ибо тому, что не врезано в металл, нельзя доверять.

Армия надвигалась, словно темное облако.

Король Эленд Венчер неподвижно стоял на крепостной стене, ограждавшей Лютадель, и смотрел на вражеские войска. Крупные хлопья неторопливо падали с неба – не белые, что лежат на остывших углях, а грязно-серые, почти черные. Пепельные горы в последнее время вели себя особенно активно.

Эленд чувствовал, как пепел покрывает его лицо и одежду, но не обращал на это внимания. Клонившееся к закату кроваво-красное солнце освещало армию, которая пришла, чтобы отнять у него королевство.

– Сколько их? – спросил Эленд негромко.

– Пятьдесят тысяч, по нашим подсчетам. – Ручищи Хэма покоились на парапете, могучая грудь упиралась в крепостную стену, всю в черных отметинах, оставленных неисчислимыми годами дождей из пепла.

– Пятьдесят тысяч солдат... – повторил Эленд и смолк.

Несмотря на отчаянную вербовку, ему с трудом удалось собрать под своим командованием двадцать тысяч человек, да и те были крестьянами, за спиной у которых лишь неполный год тренировок. Средств едва хватало на содержание даже такого малочисленного войска. Если бы они сумели отыскать атиум Вседержителя, возможно, все пошло бы по-другому. Но этого не случилось, и королевство Эленда находилось теперь в опасной близости от экономической катастрофы.

– И что ты об этом думаешь? – снова обратился он к Хэму.

– Не знаю, Эл. Кельсер у нас был провидцем.

– Но ты помогал ему строить планы. Ты и все остальные, кто входил в его команду. Вы придумали, как свергнуть империю. И свергли!

Хэм не ответил, но Эленд догадывался, о чем тот думал: «Это все Кельсер. Это он воплощал в реальность идеи, рожденные безудержным мозговым штурмом. Он был лидером. И гением».

Но Кельсер умер. Год назад, в тот самый день, когда народ – и это тоже являлось частью его секретного плана – поднялся, чтобы свергнуть божественного императора. Эленд взошел на трон в последовавшем хаосе. Теперь вот-вот он потеряет все, чего Кельсер и его соратники столь долго и трудно добивались. Отдаст тирану, который может оказаться намного хуже Вседержителя. Мелочному, хитрому хвастуну в благородном обличье. Человеку, который привел армию к стенам Лютадели.

Его собственному отцу, Страффу Венчеру.

– А что, если... – Хэм на секунду замялся, – тебе удастся отговорить его от атаки?

– Не исключено. – Эленд не очень-то в это верил. – Если Ассамблея просто не сдаст город.

– А они собираются?

– Честно говоря, не знаю. Думаю, да. Эта армия их напугала, Хэм.

«И не случайно», – добавил про себя Эленд.

– В любом случае у меня есть предложение, которое я выскажу на собрании через два дня. Попытаюсь отговорить от поспешных действий. Я слышал, Доксон сегодня вернулся?

– Незадолго до того, как появилась армия, – кивнул Хэм.

– Нужно созвать всех, – продолжал Эленд. – Посмотрим, вдруг мы сможем что-то придумать.

– Нас слишком мало, – потирая подбородок, вслух рассуждал Хэм. – Призрака не будет еще неделю, и только Вседержитель знает, куда подевался Бриз. От него уже несколько месяцев ни слуху ни духу.

– Больше мне ничего не приходит в голову, Хэм.

Эленд смотрел на усыпанный пеплом ландшафт. Армия разжигала походные костры, солнце садилось. Скоро должен был спуститься туман.

«Надо вернуться во дворец и обдумать речь...»

– А где Вин?

– По правде говоря, – Эленд с трудом оторвался от созерцания пейзажа, – понятия не имею.

* * *

Вин мягко приземлилась на влажную брусчатку, наблюдая за тем, как вокруг собираются клубы тумана. Он оживал с приходом темноты, разрастаясь, словно полупрозрачная лоза, чьи ветви переплетались и цеплялись друг за друга.

В великом городе Лютадель царила тишина. Даже сейчас, через год после смерти Вседержителя и прихода к власти Эленда, чье правление стало началом свободной эпохи, простые люди по возможности старались оставаться ночью дома. Привычке бояться тумана было больше лет, чем законам Вседержителя.

Будучи начеку, Вин осторожно скользнула вперед. Внутри нее, как обычно, горели олово и пьютер. Олово обостряло чувства, позволяя видеть в темноте, пьютер делал тело сильнее и легче. Эти два металла и еще медь, которая скрывала использование алломантии от тех, кто жег бронзу, Вин не гасила почти никогда.

Некоторые считали ее одержимой – Вин же стремилась быть готовой ко всему. Так или иначе, привычка уже не раз спасала ей жизнь.

Приблизившись к тихому перекрестку, Вин остановилась, осторожно заглянула за угол дома. Она по-прежнему не знала, как именно ей удавалось поджигать металлы, но помнила, что делала это всю сознательную жизнь, используя алломантию инстинктивно еще до того, как Кельсер взялся учить ее по-настоящему. Какая разница? Она не Эленд – она не ищет закономерностей во всем подряд. Достаточно знать, что, проглотив частицы металла, можно воспользоваться их силой.

Силу Вин ценила, поскольку хорошо знала, каково быть слабой. Даже сейчас она совсем не походила на воина. Худощавая, едва ли пяти футов ростом, с темными волосами и бледной кожей, Вин казалась хрупкой. Она уже не выглядела вечно голодным ребенком, как во времена беспризорного уличного детства, но все-таки ни один мужчина не счел бы ее серьезным противником.

Вин это нравилось. Это давало преимущество, а дополнительное преимущество никогда не помешает.

Еще ей нравилась ночь. Днем в Лютадели, несмотря на ее огромные размеры, было душно и тесно. Но ночью темным облаком опускался туман. Он ослаблял, смягчал, затенял. Массив-

ные башни погружались в тень горных вершин, а скученные бараки сливались друг с другом, подобно бракованным свечам в ящике лавочника.

Продолжая наблюдать за перекрестком, Вин присела у стены здания. Очень осторожно потянулась мыслью внутрь себя и подожгла сталь – еще один металл, проглоченный заранее. Тотчас во все стороны разбежались полупрозрачные голубые лучи. Невидимые для остальных, они брали начало у груди Вин и указывали на ближайшие источники металла – любого: будь то дверные замки из бронзы или гвозди из необработанного железа, скреплявшие доски. Толщина линий зависела от размера металлических предметов, к которым они вели.

Пока что ни один из лучей не двигался. Горящая сталь позволяла легко определить, перемещался ли кто-то поблизости. Если на человеке имелись кусочки металла, они оставляли красноречивый след из движущихся голубых лучей. Конечно, главное предназначение стали заключалось в другом. Запустив руку в кошелек на поясе, Вин аккуратно вытащила одну из переложённых кусочками войлока монет – исходивший из центра голубой луч немедленно уперся ей в грудь.

Вин подбросила монету, мысленным усилием ухватила луч и, поджигая сталь, толкнула. Металлический кругляшок взвился в воздух, подгоняемый силой толчка, дугой пролетел сквозь туман и звякнул о мостовую.

Туман продолжал клубиться. Даже Вин ощущала, до чего он густой и загадочный. Гуще, чем обычный туман, устойчивее, чем любое нормальное природное явление, он тек тысячей юрких ручейков. Глаза словно пронзали туманную завесу, поскольку олово делало зрение острее. Ночь становилась светлее, а туман – прозрачнее, хотя и то и другое оставалось прежним.

Тень шевельнулась на городской площади: монета, которую толкнули алломантией, была сигналом. Прокравшись вперед, Вин увидела Ор-Сьера, кандру. Год назад он играл роль лорда Рену и носил другое тело, но Вин уже успела привыкнуть к его новому облику лысоватого и невзрачного мужчины.

Ор-Сьер приблизился.

– Вы нашли то, что искали, госпожа? – За вежливым тоном, как обычно, пряталась легкая враждебность.

Вглядываясь в темноту, Вин покачала головой:

– Возможно, я ошиблась и никто за мной не следит.

Признание подпортило настроение: этой ночью Вин ждала новой схватки с Наблюдателем. Она по-прежнему не знала, кто он такой, – в первую ночь по ошибке приняла за наемного убийцу. Может, так оно и было на самом деле. Хотя Наблюдатель почти не обращал внимания на Эленда, зато не спускал глаз с нее, Вин.

– Надо вернуться к стене, – решила она, выпрямляясь. – Эленд будет беспокоиться.

Ор-Сьер кивнул. И в ту же секунду туман взорвался горстью монет, нацеленных на Вин.

2

Я начал сомневаться, остались ли в мире, кроме меня, здравомыслящие люди. Неужели они не видят? Они так долго ждали героя, о котором говорилось в террисийских пророчествах, что теперь решили, будто все истории и легенды относятся именно к этому человеку.

Вин отпрыгнула в сторону с такой невероятной скоростью, что плащ из лент закрутился, когда она скользнула по влажной брусчатке. Монеты ударились где-то сзади, взметнув осколки камня, отрикошетили и унеслись прочь, взвихряя туман.

– Ор-Сьер, беги!

Но он уже несся прочь к ближайшему переулку.

Вин кружилась, припав к мостовой, руки касались холодных камней, алломантические металлы полыхали в желудке. Она жгла сталь, наблюдая за появившимися вокруг полупрозрачными голубыми лучами, и напряженно ждала...

Когда же новая порция монет голубым шлейфом вылетела из тумана, Вин немедленно подожгла сталь и оттолкнула монеты назад, во тьму.

Ночь снова затихла. По обеим сторонам вздымались многоэтажные бараки, но по меркам Лютадели улица была широка, а оба ее конца терялись в дымке лениво кружившегося тумана. Неудивительно, что группа из восьми мужчин появилась внезапно; Вин только улыбнулась: значит, за ней действительно следили. Правда, ни один из восьми не обладал свойственной Наблюдателю уверенной грацией и аурой силы. Эти люди казались намного грубее и проще.

Наемники.

Логично: если бы сама Вин прибыла с армией, чтобы завоевать Лютадель, то первым делом подослала бы к Эленду алломантов-убийц.

От внезапного толчка, когда кошелек вдруг рванулся с пояса, Вин едва не потеряла равновесие. Выругавшись, оторвала шнурок, позволяя вражескому алломанту забрать монеты. Судя по всему, среди убийц был как минимум один стрелок – туманщик, умеющий поджигать сталь и толкать металлы. Впрочем, сразу двое наемников оставляли голубые следы, указывающие на их собственные кошельки. Вин уже подумывала, не оказать ли ответную услугу, но решила не торопиться. Не стоило так быстро открывать свой главный козырь. Эти кошельки ей еще пригодятся.

Без монет Вин не могла атаковать издалека. Впрочем, если перед ней хорошая команда, подобная атака не имела смысла: их стрелки и хвататели легко ее отразят. Бегство тоже не было выходом из положения. Наемники пришли не только за ней и, если сейчас сбежать, начнут преследовать свою настоящую цель. Никто не подсылает убийц к телохранителям. Убийцы приходят к важным людям – к таким, как Эленд Венчер, король Центрального доминиона. Мужчина, которого любит Вин.

Стоило поджечь пьютер, и тело мгновенно напряглось, наполняясь опасной силой.

«Четверо громил идут первыми, – наблюдая за передвижениями противников, размышляла Вин. Поджигатели пьютера отличались нечеловеческой силой: им ничего не стоило перенести хорошую трепку и остаться в строю. В ближнем бою они были особенно опасны. – А тот, у которого деревянный щит, конечно, хвататель».

Сделав ложный выпад, Вин заставила приближавшихся громил отпрыгнуть назад. Восемь против рожденной туманом – не такой уж плохой для простых туманщиков расклад. Правда, лишь при условии, что они будут внимательны. Стрелки расположились по обеим сторонам улицы. Последний бандит – вероятно, курильщик, чья задача скрывать команду от враждебных алломантов, и потому не особенно важный боец – неподвижно замер позади хватателя.

Восемь туманщиков. Кельсер бы с ними справился, он ведь смог убить инквизитора. Только Вин не Кельсер. И она еще не решила для себя, хорошо это или плохо.

Если бы у нее было побольше атиума... Вздохнув, Вин подожгла железо и притянула ближайшую монету – одну из тех, которыми выстрелили в нее. Бросила, затем оттолкнулась при помощи стали и взлетела. Однако один из стрелков перенаправил монету. Поскольку алломантия позволяла отталкивать или притягивать предметы только в одном направлении, Вин потеряла подходящий якорь. Оттолкнувшись сейчас от монеты, она бы улетела в другую сторону. Пришлось опуститься на землю.

«Пусть вообразят, что загнали меня в ловушку, – решила Вин, пробираясь в центр улицы. Осмелевшие громилы приближались теперь заметно увереннее. – Знаю я, о чем вы думаете: „Это и есть рожденная туманом? Это тощее существо убило Вседержителя? Неужели такое возможно?“ Сама удивляюсь».

Первый громила бросился в атаку – Вин понеслась навстречу. Блеснули выхваченные из ножен обсидиановые кинжалы, и черная кровь брызнула в темноту, когда, увернувшись от посоха, рожденная туманом полоснула нападавшего по бедрам.

Ночную тишину нарушили крики и ругательства.

Еще один головорез, явно благодаря пьютеру, атаковал с такой скоростью, что почти превратился в размытое пятно; посох его оторвал полосу от плаща Вин. Рожденная туманом бросилась на землю, отпрыгнула, избегая встречи с третьим громилой, и тут же в нее полетел целый веер монет. Вин оттолкнула их, однако и стрелок продолжал толкать. Некоторое время противники, прикладывая собственный вес, удерживали монеты в воздухе... В конце концов обоих отбросило: более тяжелый стрелок упал на землю, а легкая Вин полетела мимо одного из громил. И сразу точно внезапный ливень из металла обрушился с другой стороны. Продолжавшая кувыркаться в воздухе Вин подожгла сталь. Голубые лучи перепутались друг с другом, однако совсем не обязательно было знать местоположение отдельной монеты, чтобы оттолкнуть все. Второй стрелок выпустил свои заряды, как только ощутил прикосновение Вин. Кусочки металла полетели куда-то в туман.

Ударившись плечом о брусчатку, Вин откатилась, продолжая жечь пьютер, – это помогло восстановить равновесие, – а оказавшись на ногах, немедленно подожгла железо и изо всех сил потянула к себе исчезающие монеты. Отпрыгнув в сторону, Вин бросила их в приближающихся громил, однако тут вмешался хвататель. Как все туманщики, он обладал только одной алломантической силой – силой железа, – позволявшей притягивать металлы. Притянуть-то он мог, а вот оттолкнуть... Защищая громил, хвататель поднял щит и охнул от удара, когда монеты ударились в него и отскочили.

А Вин уже бежала к беззащитному стрелку слева от себя – к тому, который упал. Тот вскрикнул – напарник попытался отвлечь Вин, но не успел.

Стрелок умер от удара кинжалом в грудь. Он не был громилой, не мог жечь пьютер, чтобы придать телу дополнительную силу. Вин вытащила кинжал и сдернула кошелек. Издав тихий булькающий звук, стрелок повалился на мостовую.

«Один», – подумала Вин, поворачиваясь; капли пота летели со лба.

Теперь ей противостояло семеро. Вероятно, они ожидали бегства – вместо этого Вин атаковала.

Подобравшись поближе к головорезам, она прыгнула и бросила на землю отнятый у противника кошелек. Оставшийся стрелок вскрикнул, отталкивая летящий снаряд. Однако Вин сумела воспользоваться подъемной силой, которую ей дали монеты из кошелька, и взмыла в воздух над головами громил.

Один из них, раненый, был, к несчастью, достаточно сообразителен, чтобы остаться позади и защищать стрелка. Он занес дубину для удара, как только Вин приземлилась, но она успела уклониться, подняла кинжал и...

Голубой луч мелькнул в поле зрения.

«Быстро!»

Изогнувшись, Вин оттолкнулась от дверного замка и ушла в сторону. Упала, потом одной рукой подбросила себя в воздух и снова приземлилась, скользя на влажных от тумана подошвах.

Позади стукнулась о землю монета, запрыгала по брусчатке. Мимо! Более того, монета, похоже, была направлена на оставшегося в живых наемника-стрелка. Видимо, ему пришлось ее оттолкнуть.

Кто же ее выпустил?

«Ор-Сьер? – изумилась Вин. – Вряд ли».

Кандра не владел алломантией, кроме того, он бы ни за что не вмешался в бой по собственной инициативе. Ор-Сьер делал лишь то, что ему приказывали.

Наемник-стрелок выглядел столь же удивленным. Разжигая олово, Вин посмотрела вверх и обнаружила темный силуэт на крыше ближайшего здания.

«Наблюдатель», – догадалась Вин.

Он даже не пытался прятаться. Не покинул Наблюдатель свой насест и когда громилы ринулись на Вин. Увидев три одновременно приближающихся посоха, она невольно выругалась. Поднырнула под первый, увернулась от второго и вонзила кинжал в грудь державшего третий. Громила споткнулся, но оружие не выронил: сила пьютера удержала на ногах.

«Почему Наблюдатель вмешался? – отпрыгивая, думала Вин. – Зачем метнул монету в стрелка, которому ничего не стоило ее оттолкнуть?»

За размышления о Наблюдателе она едва не поплатилась: не замеченный ранее громила набросился сбоку. Тот самый, который получил по ногам. Вин отреагировала как раз вовремя, чтобы уклониться от удара, но поневоле приблизилась к оставшимся троим противникам. Все они разом бросились в атаку.

Вин сумела увернуться от двух ударов, однако пропустила третий. Ее швырнуло через улицу, прямо на деревянную дверь магазина. Раздался треск – трещали, к счастью, не кости, а всего лишь дверь, – и рожденная туманом сползла на землю, выронив кинжалы. Обычный человек был бы уже мертв, но усиленное пьютером тело могло вынести и не такое.

Судорожно вздохнув, Вин заставила себя подняться и подожгла олово. Металл усилил чувства, включая боль, и от внезапного шока разум очистился. Останавливаться было нельзя: навстречу летел громила с занесенным над головой посохом.

Не отходя от двери, Вин припала к земле, разожгла пьютер и поймала посох обеими руками. Зарычала и одним ударом кулака перерубила прочнейшее дерево. Громила споткнулся – Вин обрушила на него свою половину посоха. Оглушенный, противник все же остался на ногах.

«Мне с ними не справиться! Надо двигаться...»

Вин метнулась в сторону. Громилы ринулись следом, но рожденная туманом была легче, тоньше и – самое главное! – быстрее, поэтому запросто обошла их, вернувшись к стрелку, курильщику и хватателю. Однако раненый громила вновь отступил, чтобы защитить своих

товарищей. А когда Вин приблизилась, стрелок бросил сразу две пригоршни монет. Оттолкнув их, рожденная туманом потянулась к его кошельку. Стрелок только охнул, когда привязанный к поясу короткой веревкой мешок рванулся к Вин и потащил своего обладателя за собой. Громила схватил стрелка, удерживая его на месте.

Поскольку ее якорь теперь не двигался, Вин потянуло вперед. Летя по воздуху, она подожгла железо и занесла кулак. Стрелок вскрикнул и дернул за веревку, пытаясь освободиться от мешка, – поздно: Вин по инерции неслась вперед, и ее кулак на полном ходу врезался в скулу туманщика. Голова крутанулась, шея хрустнула. Приземлившись, Вин ударила изумленного громилу локтем в челюсть и отбросила назад. Последовавший удар ногой обрушился на его шею.

Ни один из троих не поднялся. Ненужный кошель с монетами валялся на земле открытый, и выкатившаяся из него сотня медных кругляшков поблескивала на мостовой. Не обращая внимания на пульсирующую боль в локте, Вин повернулась к хватателю: тот стоял с поднятым щитом и выглядел до странности спокойным.

И тут позади раздался треск. Вскрикнув от неожиданности, Вин зажала уши. Она совсем забыла о курильщике, который держал в руках деревянные трещотки. Горящее олово многократно усиливало издаваемые ими звуки.

Движения и реакции, действия и последствия – такова сущность алломантии. Олово позволяло видеть сквозь туман, давая преимущество перед наемниками, но то же самое олово делало уязвимой из-за слишком чуткого слуха. Курильщик вновь поднял трещотки. Вин зарычала и бросила в него горсть монет с брусчатки. Хвататель, конечно, потянул их к себе; удравшись в щит, те отскочили. Однако, пока монеты еще находились в воздухе, Вин осторожно подтолкнула одну так, чтобы она упала позади хватателя.

Не подозревая, что во власти рожденной туманом оставалась одна монета, хвататель опустил щит. Вин резко потянула ее на себя – прямо в спину противнику. Тот рухнул, не издав ни звука.

«Четыре».

Все стихло. Громилы, собиравшиеся напасть на рожденную туманом, остановились на бегу, а курильщик опустил трещотки. У противников не осталось ни стрелков, ни хватателей – никого, чтобы толкать или тянуть металлы, – а Вин стояла посреди целого поля монет. Если бы она их использовала, не устояли бы даже громилы. Стоило лишь...

Еще одна монета промелькнула в воздухе – ее метнули с крыши, где находился Наблюдатель. Выругавшись, Вин увернулась – монета попала курильщику с трещотками точно в лоб, и туманщик повалился на спину мертвый.

«Что такое? – уставившись на труп, недоумевала Вин. Опомнившиеся громилы снова ринулись в атаку, но растерянная Вин отступила. – Зачем убивать курильщика? Он же не опасен».

Разве что...

Она погасила медь и зажгла бронзу – металл, который позволял чувствовать других алломантов, использовавших свою силу где-то рядом. Вин не ощутила, как громилы жгут пьютер, значит их продолжали окуривать, их алломантия была скрыта.

Кто-то еще жег медь.

Внезапно все приобрело смысл. Стало ясно, почему группа рисковала, атакуя ее, настоящую рожденную туманом, и почему Наблюдатель бросил монету в стрелка, и почему убил курильщика. Вин угрожала серьезная опасность.

У нее оставалась лишь секунда, и Вин приняла решение чисто интуитивно: для той, что выросла на улице, чутье оставалось куда важнее логики.

– Ор-Сьер! Беги во дворец!

Это был, конечно, сигнал. Вин отпрыгнула назад, на мгновение забыв о громилах; слуга тут же показался из переулка. Снял с пояса и бросил ей маленький стеклянный пузырек – в таких алломанты обычно хранили металлические стружки. Она поймала, но тут с ругательствами поднялся на ноги притворявшийся мертвым второй стрелок.

Одним быстрым глотком Вин осушила пузырек. В нем находилась лишь одна частица металла. Атиум. Держать его при себе во время сражения слишком рискованно, поэтому Ор-Сьеру было приказано оставаться поблизости и передать фиал, если возникнет необходимость.

Выхватив из ножен стеклянный кинжал, тот, кто притворялся стрелком, понесся к Вин быстрее громил, которые находились уже близко. Вин потеряла несколько секунд, но что подлаешь: рожденный туманом способен, как и она, поджигать все десять металлов, и он только и ждал подходящего момента, чтобы атаковать, застать врасплох. И у него наверняка тоже есть атиум – совершенный алломантический металл, который с легкостью определял исход битвы. Каждая частица стоила целое состояние – но к чему состояние, если Вин умрет?

Она подожгла атиум.

Мир вокруг немедленно изменился. Каждый движущийся предмет – качающиеся ставни, кружащийся пепел, нападающие громы, даже завихрения тумана – произвел на свет прозрачного двойника. Двойники двигались прямо перед своими реальными прообразами, подсказывая Вин, что произойдет через несколько мгновений.

Только рожденный туманом вместо одной тени отбрасывал десятки – значит жег атиум, и промедлил он лишь мгновение. Тело Вин также окружали сбивавшие с толку атиумные тени. Теперь она могла видеть будущее – то, что собирался предпринять противник и что, в свою очередь, меняло ее собственные предполагаемые действия. Но это меняло и планы противника. Словно отражения в двух стоящих друг против друга зеркалах, вероятности множились до бесконечности. И ни у кого не было преимущества.

Рожденный туманом приостановился, однако четверо незадачливых громил продолжали атаковать, не имея понятия, что Вин жгла атиум. Развернувшись, она ударом ноги подбросила в воздух трещотки.

Приблизившийся громила замахнулся. Атиумная тень удара посохом прошла сквозь прозрачное тело Вин – сама же рожденная туманом ушла в сторону, а настоящий посох просвистел над ухом. Благодаря атиуму, маневр был несложен. Подхватив одну из падающих трещоток, Вин заехала громиле по шее. Крутанулась, ловя другую трещотку, и обрушила ее на противника. Громила со стоном упал навзничь, а Вин снова закружилась, легко уходя от взмахов еще двух посохов. В руках у нее по-прежнему оставались трещотки, которые разлетелись вдребезги с глухим, похожим на барабанную дробь звуком, когда Вин ударила ими с двух сторон по голове второго громилу. Череп противника тоже не выдержал.

Наемник упал и больше не шевелился. Вин подбросила его посох, выкинула сломанные трещотки, поймала посох. Развернувшись и вращательным движением опрокинула обоих оставшихся громил. Два быстрых и сильных удара по их лицам были не лишены изящества.

Покончив с этими двумя, Вин припала к земле, держа в одной руке посох, а другой касаясь влажной брусчатки. Рожденный туманом отступил. В глазах его промелькнуло сомнение: сила не всегда являлась решающим фактором, а два главных преимущества – внезапность и атиум – были сведены на нет. Притянув несколько монет с земли, противник все же выстрелил, только не в Вин, а в Ор-Сьера, который все еще стоял у входа в переулок. Рассчитывал, вероятно, что она, испугавшись за слугу, отвлечется и это позволит ему сбежать. Ошибся.

Не утратив сосредоточенности, Вин ринулась вперед, а когда Ор-Сьер закричал от боли – его пронзили десятки монет, – бросила посох в голову рожденного туманом. Тот мастерски ушел от удара, однако Вин успела сократить дистанцию. Атаковать следовало быстро: частица атиума, которую она проглотила, невелика и должна быстро выгореть. Как только это случится, противник приобретет абсолютную власть. Он поднял кинжал...

Атиумная тень противника стала вдруг четкой и единственной. Его атиум закончился.

Хищнические инстинкты Вин сработали мгновенно: замахнулась – заслоняясь от удара, рожденный туманом поднял руку, но Вин это предвидела и, изменив направление атаки, ударила в лицо. Наконец, ловко подхватив на лету стеклянный кинжал, одним взмахом перерезала противнику горло.

Тот упал без единого звука.

Тяжело дыша, Вин оглядывала перебитых наемников. Атиум давал ошеломляющую силу. С его помощью можно наносить удары и уклоняться от них, не оставляя шансов ни одному врагу. С ним она была непобедима.

Атиум выгорел.

Внезапно все вокруг потускнело. Боль в боку вернулась, и Вин, скорчившись, застонала. Будут здоровенные синяки. Возможно, несколько ребер сломано, но она снова победила. Едва-едва сумела. А если когда-нибудь проиграет? Окажется недостаточно внимательной или будет драться неумело?

Эленд умрет.

Вин со вздохом посмотрела вверх. Наблюдатель все еще был там, на крыше. Полдесятка погонь за несколько месяцев пока что ничего не дали: Вин так и не сумела его поймать. Ничего, однажды ночью она загонит его в угол.

Но не сегодня. Сегодня больше не осталось сил. В глубине души Вин опасалась, не нападет ли Наблюдатель сейчас.

«Хотя... – размышляла она, – он же меня спас. Если бы я приблизилась к этому замаскированному под стрелка рожденному туманом... С атиумом ему хватило бы одной секунды, чтобы вонзить кинжалы мне в грудь. Я бы даже не поняла, что произошло».

Как всегда облаченный в вихрящийся туман, Наблюдатель задержался еще на несколько секунд, потом развернулся и скрылся в ночи. Преследовать его Вин не стала: ей нужно было разобраться с Ор-Сьером.

Она заторопилась – и вдруг замерла. Монеты буквально изрешетили тело кандры. Кровь сочилась из множества ран.

– Что? – спросил он, глядя на нее снизу вверх.

– Не думала, что у тебя есть кровь.

Ор-Сьер фыркнул:

– О том, что я могу испытывать боль, вы тоже вряд ли подумали.

Честно говоря, Вин и впрямь об этом не задумывалась. Она открыла было рот, но ничего не сказала.

«Да кто дал право этой твари меня отчитывать?»

Впрочем, Ор-Сьер доказал свою полезность.

– Спасибо, что бросил фиал, – сказала Вин вслух.

– Это мой долг, госпожа. – Кандра охнул от боли, когда она потащила его израненное тело на обочину. – Мне поручил вашу защиту мастер Кельсер. Я всегда исполняю Договор.

«О да! Великий Договор...»

– Идти сможешь?

– С трудом, госпожа. Монеты раздробили несколько костей. Мне понадобится новое тело. Может быть, кто-то из этих убийц?

Нахмурившись, Вин оглянулась на трупы, и желудок мгновенно скрутило при виде столь отвратительного зрелища. Их убила она – всех восьмерых! Причем с ужасающей эффективностью, которую воспитал своими тренировками Кельсер.

«Убийца – вот кто я такая. Как и они».

Но что поделаешь: кому-то приходилось защищать Эленда. И тем не менее мысль, что Ор-Сьер мог съесть одного из убитых – сначала проглотить тело, а потом благодаря уникальным способностям кандры в точности воспроизвести, – заставила Вин вздрогнуть от отвращения.

В глазах Ор-Сьера мелькнула насмешка. Он прекрасно знал, что думала Вин о поедании человеческих трупов, а она в свою очередь догадывалась, как кандра относится к подобному предубеждению.

– Нет, – покачала головой Вин. – Мы их трогать не будем.

– Тогда вам придется найти мне новое тело. Согласно Договору меня нельзя заставить совершить убийство.

Желудок Вин опять свело судорогой.

«Я что-нибудь придумаю», – сказала она себе.

Нынешнее тело Ор-Сьера принадлежало казненному убийце, и Вин все еще волновалась, что кто-нибудь в городе мог обратить внимание на знакомое лицо.

– Ты сумеешь вернуться во дворец?

– Попытаюсь, – ответил Ор-Сьер.

Кивком отпустив слугу, Вин снова повернулась к трупам. Она не сомневалась: эта ночь станет особенной – поворотной точкой в судьбе Центрального доминиона. Наемники Страффа наделали вреда больше, чем могли себе вообразить: та частица атиума была последней. Если нападет еще один рожденный туманом, Вин будет беззащитна.

И скорее всего, умрет столь же быстро, как погибший сегодня от ее руки.

3

Мои братья ничего не замечают. Они не понимают, что происходящие вокруг странности связаны друг с другом. Они глухи к моим возражениям и слепы к моим открытиям.

Со вздохом уронив перо на стол, Эленд откинулся на спинку кресла и потер лоб.

Еще совсем недавно он полагал, что знает о политике побольше многих. Он ведь столько читал об экономике, изучал правительства былых эпох, участвовал в стольких политических дебатах! В теории Эленд прекрасно представлял, как сделать государство стабильным и справедливым, но когда попытался применять все это на практике...

Ему даже и в голову не приходило, сколько разочарований может принести парламент.

Эленд поднялся и отошел от стола, чтобы налить немного охлажденного вина, но приостановился, глядя в открытую балконную дверь. В тумане виднелось далекое мерцающее зарево – походные костры армии отца.

Пить вино Эленд не стал: вряд ли оно снимет усталость.

«Я не должен спать, пока не закончу!» – подумал он и заставил себя вернуться к столу.

Ассамблея соберется завтра, и осталась всего одна ночь, чтобы дописать законопроект.

Придвинув к себе испещренный пометками листок, Эленд просмотрел написанное. Собственный почерк показался ему корявым, а перечеркнутые строки и примечания – символом бессмысленно потраченного времени.

О приближении армии было известно давно, но даже сейчас, когда она подошла к городу, Ассамблея продолжала уклоняться от принятия окончательного решения. Одни ее члены предлагали мирный договор, другие считали достаточным просто сдать город. Правда, нашлись и такие, кто предлагал атаковать без промедления. Эленд подозревал, что фракция сторонников сдачи набирала силу, поэтому и собирался выдвинуть собственное предложение. Если ход окажется удачным, он выиграет немного времени. Король обладал преимущественным правом вести переговоры с иноземным властителем. Законопроект имел целью предотвращать какие-либо поспешные действия со стороны Ассамблеи до тех пор, пока Эленд хотя бы не встретится с отцом.

В состав Ассамблеи входило всего двадцать четыре человека, но добиться от них согласия по какому-либо вопросу было еще сложнее, чем решить саму проблему, являвшуюся предметом спора.

Эленд со вздохом выронил лист. Через открытые балконные двери, мимо одинокой лампы на столе молодой король смотрел на далекие огни. Торопливые шаги по крыше заставили его с нежностью улыбнуться: Вин совершала обычный ночной обход. Однако даже мысли о ней не смогли вернуть хорошее расположение духа.

«Убийцы, с которыми Вин дралась сегодня ночью. Не могу ли я это как-то использовать?»

Возможно, если не скрывать покушения, члены Ассамблеи вспомнят, до какой степени Страфф презирает человеческую жизнь, и у них поубавится желания сдавать город. Хотя...

нельзя исключать, что, побоявшись стать новыми мишенями для убийц, они сдадут город еще быстрее.

Иногда Эленду начинало казаться, что Вседержитель прав. Не в притеснении народа, конечно, а в том, что всю власть держал при себе. Последняя империя была очень стабильна. Она продержалась тысячу лет и с каждым подавленным мятежом будто становилась крепче.

«Вседержитель был бессмертен. Такого преимущества у меня точно никогда не будет, зато Ассамблея...»

Эленд подарил своему народу парламент. Теперь у людей есть совет, состоявший из равных им представителей, которые могут говорить о том, что их беспокоит. И есть король – воплощение непрерывности, символ единства; человек, обладающий реальной правовой властью и не испорченный заботой о переизбрании. Тем самым Эленд надеялся обеспечить стабильность в королевстве. Теоретически все казалось безупречным. Осталось лишь пережить следующие несколько месяцев.

Эленд потер глаза, макнул перо в чернильницу и продолжил работать.

* * *

Вседержитель был мертв.

Даже через год Вин иногда ловила себя на мысли, что ей трудно в это поверить. Вседержитель был... всем. Король и бог, законодатель и верховный судия, он казался вечен и всемогущ. И вот он умер. И его убила она – Вин.

Конечно, слухи все преувеличивали. Императора она победила почти случайно. Догадалась, что за трюк тот использовал, чтобы сделать себя бессмертным, и воспользовалась его слабостью. И дело здесь не в какой-то особенной храбрости, героизме, мистической силе или уме – Вин просто повезло.

Синяки еще пульсировали от боли. Ничего, бывало и похуже. Сидя на крыше дворца (когда-то крепости Венчер), прямо над балконом Эленда, Вин размышляла, что пусть ее репутация и незаслуженна, зато именно благодаря ей до сих пор жив Эленд. И хотя десятки военачальников грызлись между собой на землях, принадлежащих когда-то Последней империи, ни один из них не пошел войной на Лютадель.

До недавнего времени.

За городом горели костры. Нынешней ночью наемники провалили задание, о чем скоро узнает Страфф. И что потом? Штурм городских стен? Хэм и Колченог предупредили: Лютадель не выстоит в случае целенаправленной атаки. И Страффу Венчеру наверняка об этом известно.

Пока что Эленд в безопасности. Вин неплохо научилась отыскивать и устранять убийц; не проходило и месяца, чтобы она не поймала кого-то за попыткой пробраться во дворец. Большинство из них были простыми шпионами, и лишь некоторые – алломантами. Тем не менее обычный стальной нож мог убить Эленда с той же легкостью, что и стеклянное лезвие алломантического оружия.

Вин не позволит этому случиться. Что бы ни произошло, какие бы жертвы ни понадобились, Эленд должен остаться в живых.

С внезапно охватившей ее тревогой Вин скользнула к световому люку, чтобы проверить, как он там. Эленд спокойно сидел за столом, царапая какой-то новый закон или указ. Удивительное дело, королевская корона почти его не изменила. В свои двадцать с небольшим Эленд почти все силы тратил на науку и практически не обращал внимания на собственную внешность – утруждал себя лишь тем, чтобы причесаться перед важным собранием, и умудрялся даже в идеально сшитых нарядах выглядеть одетым небрежно. Впрочем, Вин он казался лучшим из людей, которых она когда-либо знала. Искренний, решительный, умный, заботливый.

И почему-то Эленд ее любил. Временами это выглядело еще более странным, чем собственная роль в смерти Вседержителя.

Вин посмотрела вверх, потом снова на военные костры. Огляделась по сторонам. Наблюдатель не вернулся. Часто в такие ночи, как сегодняшняя, он дразнил Вин, приближаясь на опасное расстояние к комнате Эленда, а потом исчезая в городе.

«Конечно, если бы он хотел убить Эленда, он бы это сделал, пока я дралась с другими...»

Невозможность следить за каждым движением молодого короля беспокоила Вин. На ее взгляд, он оставался незащищен пугающе долгое время.

Конечно, у Эленда были и другие телохранители, в том числе и алломанты. Правда, толку от них... Наемники, с которыми встретила Вин этой ночью, оказались самыми умелыми и опасными из всех, кого ей доводилось видеть. Она содрогнулась, вспомнив о рожденном туманом, что прятался среди них. И хотя на проверку он оказался не очень-то хорош, особых умений бы и не потребовалось: стоило лишь поджечь атиум, а потом нанести смертельный удар Вин.

Туман продолжал беспокойно кружиться. Присутствие армии нашептывало неприятную истину: правители соседних земель начинали укреплять свои владения и подумывать об их расширении. Даже если Лютадель каким-то образом устоит против Страффа, придут другие.

Все еще обеспокоенная тем, что Наблюдатель – или любой другой алломант – может находиться поблизости и, возможно, планирует напасть на Эленда, Вин закрыла глаза и подожгла бронзу. Большинство рожденных туманом считали ее относительно бесполезным металлом: слишком уж легко эффект от бронзы сводился на нет. Использование алломантии обычно прятали с помощью меди, не говоря уже о том, что для защиты от воздействия на эмоции поджигали цинк или латунь. Большинство рожденных туманом считали глупостью не жечь медь постоянно.

Медное облако походило на безжизненный воздушный карман, который скрывал от поджигателей бронзы. Однако Вин почему-то видела сквозь медные облака. Этого не мог даже Кельсер – самый могущественный из известных ей алломантов.

Сегодня, впрочем, Вин не ощутила ничего.

Она открыла глаза. Что и говорить, сила казалась странной, сбивающей с толку, но такой способностью обладали и другие. Марш подтвердил, что Стальные инквизиторы видели сквозь медные облака и, вне всякого сомнения, видел Вседержитель. Но инквизиторы и Вседержитель ладно... почему она? Девчонка, в которой дар рожденного туманом пробудился меньше двух лет назад?

И это еще не все! Когда она сражалась со Вседержителем, произошло нечто, о чем Вин из опасений подтвердить легенды и слухи не рассказывала никому. Непостижимым образом ей удалось притянуть туман и использовать его для подпитки алломантии вместо металлов. И только эта сила – сила тумана – позволила победить Вседержителя. Ни понять, как и почему такое произошло, ни повторить Вин была не способна.

Она покачала головой. Слишком мало еще известно об алломантии. Да и не только о ней. Те, кому выпал жребий вместе с Элендом управлять молодым королевством, старались изо всех сил, но без руководства Кельсера они были слепы. Планы, успехи и даже цели напоминали тени в тумане, бесформенные и едва различимые.

«Как ты мог нас бросить, Кел? Ты спас мир, но тебе не стоило для этого умирать».

Кельсер, Выживший в Хатсине, человек, который задумал и осуществил падение Последней империи. Вин его знала, работала с ним, была его ученицей. Легенда и герой. Но и всего лишь человек, который мог ошибаться и, как все люди, не являлся совершенством. Скаа с легким сердцем ему поклонялись, а потом обвиняли Эленда и остальных во всем, что создал Кельсер.

От этих мыслей, как, впрочем, и всегда, стоило подумать о Выжившем, сделалось тяжело на душе. Возможно, причина в том, что Вин ощущала себя брошенной или просто было неприятно осознавать, что и Кельсер, и она сама не заслуживали своей репутации.

Продолжая жечь бронзу, Вин снова закрыла глаза. Вечернее сражение лишило сил, и она начинала бояться часов, которые еще предстояло провести наблюдая. Будет сложно оставаться начеку, когда...

Она что-то почувствовала.

Вин распахнула глаза, подожгла олово и замерла, припав к крыше. Поблизости жгли металл. Бронза пульсировала слабо, тускло, почти неощутимо – будто кто-то тихонько играл на барабане. Алломанта, несомненно, укрывало медное облако, и он, конечно, был уверен, что медь его спрячет.

До настоящего момента Вин не оставляла в живых людей, узнававших о ее странной силе, за исключением Эленда и Марша.

Пытаясь определить направление, откуда раздавался алломантический пульс, рожденная туманом кралась вперед; пальцы рук и ног холодила медная кровля. Странно... сейчас Вин с трудом определяла металлы, которые жег противник. Быстрое, ритмичное биение пьютера? Или ритм железа? Пульсирование было нечетким, как зыбь на густой грязи.

Он приближался... он находился где-то здесь, прямо на крыше...

Вин застыла. Подгоняемая ночным ветерком, на нее двигалась стена тумана. Где же он? Бронза утверждала, будто что-то есть, но глаза не соглашались. Вглядываясь в темный туман, Вин на всякий случай посмотрела наверх, потом выпрямилась.

«Бронза обманула меня в первый раз...» – нахмурившись, подумала Вин.

А потом увидела это.

Не что-то в тумане, а что-то из тумана. Фигура находилась на расстоянии нескольких футов, но заметить ее было непросто: контуры едва проступали сквозь туман. Вин судорожно сглотнула, невольно делая шаг назад.

Фигура не двинулась с места. Неясная, точно размытая, очерченная хаотическими завихрениями тумана. Такие призрачные образы порой мелькают среди облаков. Или само облако иной раз принимает форму животного или птицы. Вот вроде они есть – а вот уже и исчезли без следа. Эта же фигура никуда не девалась, – наоборот, каждый новый виток тумана добавлял определенности тонкому телу и удлиненной голове. Она была хаотичной, но устойчивой. Существо напоминало человека, но ему не хватало плотности. Оно казалось... неправильным.

И вдруг туманный дух двинулся прямо на Вин.

Она тотчас же бросила горсть монет, толкнула... Кусочки металла прошли сквозь туман, оставляя за собой борозды следов... и исчезли.

Дух на миг застыл, а потом просто растворился в беспорядочных завихрениях тумана.

* * *

Последнюю строчку он завершил росчерком, несмотря на то что собирался поручить писцу переписать документ начисто. Эленд гордился собой: наконец-то ему удалось подыскать доводы, которые должны убедить Ассамблею не сдаваться Страффу просто так.

Король машинально глянул на стол, где поверх стопки документов лежало сложенное в несколько раз невинного вида письмо – на желтоватой бумаге, со сломанной кроваво-красной восковой печатью. Письмо было коротким, и Эленд помнил его наизусть.

Сын,

я полагаю, ты достаточно развлекся, управляя делами семьи Венчер в столице. Я навел порядок в Северном доминионе и вскоре вернусь в нашу

*крепость в Лютадели. Власть над городом ты сможешь передать мне, когда
я прибуду на место.
Король Страфф Венчер*

Из всех захватчиков и тиранов, что тревожили Последнюю империю со дня смерти Вседержителя, Страфф являлся самым опасным. Эленд знал это лучше, чем кто-либо другой. Отец, настоящий имперский аристократ, видел смысл жизни исключительно в соревновании с другими лордами за право превзойти друг друга в известности. Блестяще владея этой игрой, он сделал Дом Венчер самым влиятельным из всех знатных семей, что существовали до Крушения.

Для отца Эленда смерть Вседержителя не стала ни трагедией, ни победой – просто возможностью. Страффа, должно быть, несказанно веселило, что сын, которого он считал дурачком, провозгласил себя королем Центрального доминиона.

Покачав головой, Эленд вновь вернулся к законопроекту.

«Еще несколько раз перечитаю, кое-что исправлю и наконец-то пойду спать. Только...»

Не успел он додумать, как за спиной послышался глухой удар.

Вскинув бровь, Эленд повернулся и увидел фигуру в плаще, припавшую к полу прямо под световым окном в крыше.

– Знаешь, Вин, – сказал он, – я оставляю балкон открытым не просто так. Ты могла бы входить через него, если пожелаешь.

– Знаю.

Со свойственным алломантам неестественным проворством Вин метнулась через всю комнату. Проверила под кроватью, распахнула дверцы чулана – с напряженностью бдительного зверя отпрыгнула, но, похоже, не нашла внутри ничего, что заслуживало бы ее неодобрения. Потом перешла к двери, ведущей в остальные комнаты Эленда, и заглянула туда.

Эленд наблюдал за ней с нежностью. Ему понадобилось время, чтобы привыкнуть к... особенностям характера Вин. Иногда он даже дразнил ее за одержимость – Вин же твердила, что соблюдает осторожность. Как бы то ни было, половина времени, что она проводила в его покоях, уходила на проверки под кроватью и в чулане. Иногда Вин пыталась сдерживаться, но Эленд частенько замечал, как она недоверчиво поглядывает туда, где, по ее мнению, кто-то мог прятаться.

Вин слегка расслаблялась, только когда можно было особенно не беспокоиться об Эленде. Однако он уже начал понимать, что под маской некогда известной ему Валетт Рену прятался очень сложный человек. Эленд полюбил ее изысканную сторону, не имея понятия о беспокойной, тайной стороне рожденной туманом. Пока что было непросто воспринимать этих двоих как одного человека.

Закрыв дверь, Вин ненадолго замерла, глядя на Эленда круглыми темными глазами. Тот почувствовал, что улыбается. Несмотря на ее странности – или, точнее, благодаря им, – он любил эту тоненькую женщину с решительным взглядом и резким нравом. Женщин, подобных ей – наделенных безыскусной, но истинной красотой и умом, – он еще не встречал.

Впрочем, бывало, что она заставляла его поволноваться.

– Вин? – Эленд поднялся из кресла.

– Ты видел что-нибудь странное этой ночью?

– Кроме тебя? – после некоторой паузы уточнил Эленд.

Нахмурившись, Вин быстрым шагом снова пересекла комнату. Фигурка в черных брюках и мужской рубашке на пуговицах ступала с гибкой грацией – бессознательной элегантно-стью человека, в котором горел пьютер. При каждом ее движении разлетались в стороны ленты плаща.

«Сосредоточься! – приказал себе Эленд. – Ты и в самом деле устал».

– Что-то случилось, Вин?

Она глянула в сторону балкона:

– Тот рожденный туманом, Наблюдатель, опять в городе.

– Уверена?

– Да, но... я не думаю, что он придет за тобой сегодня ночью.

Через все еще открытые балконные двери проникали и точно крались по полу, постепенно растворяясь, волны тумана. За дверьми была... тьма. Хаос. Эленд нахмурился.

«Это просто туман, – сказал он себе. – Водяной пар – и бояться нечего».

– Почему ты думаешь, что рожденный туманом не придет за мной?

– Просто чувствую.

Обычный для нее ответ. Вин выросла на улице и, что было совершенно естественно, доверяла инстинктам. Правда, сегодня в ее позе чувствовалась странная неуверенность. Что-то еще беспокоило Вин.

Их взгляды встретились, но миг спустя она отвернулась.

– Что? – спросил Эленд.

– Я видела... кое-что еще. Или мне показалось. Что-то в тумане... человеческая фигура, будто из дыма. Почувствовала алломантией. А потом она исчезла.

Эленд нахмурился сильнее. Подошел к ней и обнял:

– Ты слишком устала, Вин. Ты не можешь рыскать по городу всю ночь, а потом весь день оставаться на ногах. Даже алломантам нужен отдых.

Она лишь кивнула. В объятиях Эленда Вин совсем не походила на могущественного воина, сразившего самого Вседержителя. Сейчас это была просто женщина – смертельно уставшая и потрясенная последними событиями.

Вин позволила себя удержать. Сначала в ней ощущалась некоторая скованность. Будто тело, которое подчинялось примитивным инстинктам, продолжало опасаться боли и словно не желало осознавать, что можно прикасаться к человеку из любви, а не из ненависти. Но потом Вин расслабилась. Эленд являлся одним из немногих, с кем она себе это позволяла. Более того, держалась за него, и в ее хватке было что-то отчаянное, граничившее с ужасом. Поразительно, но Вин, могущественный и упрямый алломант, оказалась страшно ранимой. Она не могла без Эленда. Впрочем, как и Эленд без нее. Случалось, он расстраивался, но все же считал себя счастливчиком. Они не обсуждали отказ Вин стать его женой, хотя Эленд никогда об этом и не забывал.

«Женщин и так тяжело понимать, – думал он, – а я умудрился выбрать из них самую загадочную».

Но Эленд не жаловался. Они друг друга любили, и он умел мириться с ее причудами.

Когда Вин, наконец полностью расслабившись, подняла глаза, Эленд наклонился и поцеловал. Поцелуй продлился долго, а потом голова Вин замерла у него на плече.

– У нас еще одна проблема, – сказала она негромко. – Сегодня я использовала последний атиум.

– Дралась с убийцами?

Вин кивнула.

– Что ж, мы знали, что рано или поздно это произойдет. Наши запасы небеспредельны.

– Запасы? – переспросила Вин. – Кельсер оставил нам всего шесть крупинок.

Эленд лишь вздохнул и крепче прижал ее к себе. Его новое королевство должно было унаследовать атиумный резерв Вседержителя – его предполагаемый тайник, где хранилось впечатляющее сокровище. Кельсер до последнего вздоха уповал на то, что им достанутся эти богатства. Только вот беда, атиума пока никто так и не нашел. Им перепали лишь крупинцы: наручи Вседержителя – ферухимические батареи для хранения возраста, – да и эти крохи ушли на закупку продовольствия для города. А между тем где-то скрывалось целое состояние, превосходившее те наручи в тысячи раз.

– Мы с этим справимся, – твердо сказал Эленд.

– Но если рожденный туманом нападет на тебя, я не смогу его убить.

– Только если у него будет атиум, а он становится все более и более редким. Сомневаюсь, что и у других королей его в достатке.

Кельсер уничтожил Ямы Хатсина – единственное место, где добывали атиум. Но если Вин и в самом деле придется сражаться с тем, у кого он будет...

«Не думай об этом, – приказал себе Эленд. – Просто продолжай искать. Может быть, мы сумеем немного купить. Или найдем тайник Вседержителя. Если он, конечно, существует...»

Вин посмотрела на него снизу вверх и все поняла. Но что делать? Она ведь растягивала запас атиума как могла. Эленд же, когда вернулся к своему столу, невольно продолжал размышлять о том, что сожженная сегодня крупинка атиума равна по стоимости запасу продовольствия на всю зиму.

«Однако, продав металл, мы бы передали самое опасное в мире оружие алломантов в руки наших врагов».

Нет, не стоило жалеть, что Вин его использовала. Она все еще была здесь и, когда Эленд вернулся к работе, заслонив свет, заглянула ему через плечо:

– Что это?

– Законопроект, блокирующий Ассамблею до тех пор, пока я не воспользуюсь правом на переговоры.

– Опять? – Вин сощурилась, чтобы разобрать его почерк.

– Ассамблея не приняла последнюю версию.

– Почему бы тебе просто не приказать его принять? – нахмурилась Вин. – Ты же король.

– Послушай, но ведь именно это я и пытаюсь доказать всеми своими действиями. Я просто человек, Вин, и очень может быть, что мое мнение окажется не самым лучшим. Над законопроектом не должен работать один человек.

– Слишком слабо, – возразила Вин. – Беззубо. Тебе надо больше доверять самому себе.

– Дело не в доверии, а в том, что так надо. Мы тысячу лет боролись со Вседержителем, и если я буду поступать подобно ему, в чем тогда разница?

– Вседержитель был злым – ты добрый. Вот и разница.

Эленд улыбнулся:

– Для тебя все так просто?

– Да.

Прежде чем возразить, Эленд не удержался и поцеловал Вин.

– Что ж, кому-то из нас приходится немного все усложнять, а кому-то – привыкать. А теперь мне надо работать. Будь добра, отойди в сторону, ты заслоняешь свет.

Вин фыркнула, но встала и обошла стол, оставляя за собой легкий аромат духов. Эленд замер. Когда это она успела надушиться? Многие Вин делала так быстро, что он не успевал заметить.

Духи – еще одно из видимых противоречий, из которых состояла женщина по имени Вин. Она не душилась, когда уходила в туман, но для Эленда делала исключение. Предпочитая быть незаметной, любила тем не менее разные ароматы и раздражалась, если он не замечал, что она попробовала новый. Подозрительная, даже одержимая, Вин доверялась друзьям с фанатичной преданностью. По ночам, чтобы не привлекать к себе внимания, одевалась в черное и серое, но Эленд видел ее год назад на балах: в вечерних платьях она держалась столь же естественно. Почему-то Вин больше не носила платьев...

Возвращаясь к законопроекту, Эленд уже в который раз подумал, что рядом с ней политика представлялась несложной. Наблюдавшая за его работой Вин зевнула.

– Тебе надо отдохнуть, – погружая перо в чернильницу, заметил Эленд.

Вин помедлила, но все же кивнула. Затем сняла свой туманный плащ, завернулась в него и легла на коврик возле стола.

От удивления Эленд даже не сразу нашелся что сказать.

– Я не имел в виду здесь.

– Где-то там, снаружи, рожденный туманом. – Видимо, от усталости голос Вин прозвучал непривычно глухо. – Я тебя не оставляю.

Она поменяла позу, и Эленд успел заметить мелькнувшую на лице гримасу боли. Вин явно берегла левый бок. Она нечасто рассказывала подробности своих сражений – не хотела беспокоить. Будто бы он ничего не замечал...

Усилием воли Эленд заставил себя вернуться к работе. Однако закончить ему не дали. Раздался стук в дверь, она приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Хэма.

– Еще не спишь? – подавляя невольное раздражение, спросил Эленд.

– К несчастью.

– Мардра убьет тебя, если узнает, что ты опять работал допоздна, – откладывая перо, продолжал молодой король. Можно сколько угодно жаловаться на причуды Вин, но она, по крайней мере, разделяла его ночные привычки.

В ответ на замечание Хэм только закатил глаза. Он был в своих обычных брюках и жилете – согласился стать капитаном гвардии Эленда лишь при условии, что ему не придется носить униформу. Приоткрыв один глаз, когда громила вошел в комнату, Вин снова расслабилась.

– Ладно, – смягчился Эленд. – И что же стало причиной твоего визита?

– Я подумал, ты захочешь узнать, что мы установили личности убийц, которые напали на Вин.

– И вероятно, я их знаю.

Большинство алломантов происходило из знатных семей, и Эленд был знаком со всеми в окружении Страффа.

– Сомневаюсь, – возразил Хэм. – Они с запада.

Пока Эленд медлил с ответом, подняла голову Вин:

– Ты уверен?

Хэм кивнул:

– Непохоже, чтобы их подослал твой отец – если только он не провел всеобщую вербовку в Фадрексе. Они большей частью из Домов Гардре и Конрад.

Эленд откинулся на спинку кресла. Его отец устроил базу в Урто, наследном имении семьи Венчер. Однако Фадрекс находился совсем в другой части империи, в нескольких месяцах пути от Урто. Маловероятно, что отец смог отыскать и нанять целую группу алломантов с запада.

– Ты слышал про Эшвезера Сетта? – спросил Хэм.

– Один из самопровозглашенных королей Западного доминиона. Но я о нем мало что знаю. – Эленд покосился на проснувшуюся Вин. – Считаешь, его работа?

– Скорей всего. Они, должно быть, ждали шанса проникнуть в город, и суматоха у ворот в связи с прибытием армии Страффа им этот шанс предоставила.

Эленд пристально посмотрел на Вин. Судя по выражению лица, она не очень-то верила, будто Страфф не подсылал убийц. Эленд же не был настроен столь скептически. Если чуть не каждый тиран в округе пытался убрать его тем или иным способом, то чем этот самый Сетт отличается от остальных?

«Все из-за атиума», – с раздражением подумал Эленд.

Он так и не нашел тайник Вседержителя, но это не мешало деспотам по всей империи считать, что атиум просто перепрятали.

– Что ж, по крайней мере, это не твой отец, – со свойственным ему оптимизмом подытожил громила.

– Поверь мне, наше родство его не остановит, Хэм.

– Но он твой отец.

– Для Страффа это ничего не значит. Вероятно, он не посылал убийц только потому, что не принимает меня всерьез. Но если мы продержимся достаточно долго, он их подошлет.

– Слыхал я о сыновьях, которые убивают отцов, чтобы занять их место... – недоверчиво проговорил Хэм, – но чтобы отцы убивали сыновей... хотел бы я знать, что за человек этот старик Страфф, раз он хочет тебя убить. Ты думаешь, что...

– Хэм? – перебил Эленд.

– Да?

– Знаешь, я, вообще-то, люблю хорошую беседу, но прямо сейчас не совсем подходящее для философии время.

– А, точно, – спохватился громила, – Мардра наверняка заждалась.

Он быстро поднялся – Эленд в очередной раз взялся за перо:

– Позаботься о том, чтобы собрать всех на встречу. Мы должны организовать наших союзников, Хэм. Если мы ничего не придумаем, это королевство обречено.

– Звучит невесело, Эл.

– В Ассамблее бардак, – горячо заговорил Эленд. – Полдюжину военачальников с восходящими армиями дышат мне в затылок: месяца не проходит, чтобы кто-то не подсылал ко мне убийц, а женщина, которую я люблю, медленно сводит меня с ума.

Когда он договорил, Вин фыркнула.

– И это все? – поинтересовался Хэм. – Видишь? Не так уж и плохо. А если бы мы столкнулись с бессмертным богом и его всемогущими священниками?

Не в силах сдержаться, Эленд рассмеялся.

– Спокойной ночи, Хэм, – пожелал он, возвращаясь к своему законопроекту.

– Спокойной ночи, ваше величество.

4

Возможно, они правы. Возможно, сошел с ума именно я. Или ревную к чужой славе, или просто поглупел. Меня зовут Кваан. Я философ, ученый и предатель. Я тот, кто нашел Алэнди, и тот, кто первым провозгласил его Героем Веков. Тот, из-за кого все началось.

Открытых ран на теле не было, и оно все еще лежало там, где упало, – обитатели деревни боялись к нему прикоснуться. Руки и ноги неестественно вывернуты, грязь вокруг еще хранит следы предсмертных судорог.

Сэйзед наклонился, провел кончиками пальцев по одной из отметин. Почва в Восточном доминионе была скорее черной, чем коричневой, хотя по сравнению с северными районами содержала намного больше глины. Дожди из пепла шли и здесь, но местная почва, очищенная от пепла, промытая и обогащенная удобрениями, считалась роскошью и использовалась для декоративных растений в садах знати. Остальному миру приходилось как-то обходиться необработанной.

– Говоришь, когда он умер, никого рядом не было? – Сэйзед повернулся к маленькой группе деревенских жителей.

– Все верно, мастер Террисиец, – подтвердил человек с обветренным лицом. – Он просто стоял здесь. Один. А потом замер, упал и начал дергаться. А потом просто... остановился.

Сэйзед снова вернулся к труп, рассматривая скрюченные мускулы, лицо, на котором застыла маска боли. Медицинская медная метапамять – металлический наруч охватывал правое плечо террисийца. Мысленно потянувшись к ней, Сэйзед выудил несколько хранившихся там книг. Да, существовали болезни, сопровождаемые лихорадочным ознобом и судорогами, ведущие к смерти. Правда, они редко забирали человека столь внезапно. Если бы это произошло при других обстоятельствах, Сэйзед не уделил бы подобной смерти много внимания.

– Пожалуйста, повтори еще раз, что ты видел, – попросил Сэйзед.

Возглавлявший крестьян человек с обветренным лицом – его звали Теур – слегка побледнел. Желание оказаться в центре внимания подстегнуло рассказать об увиденном, но суеверные односельчане могли теперь перестать ему доверять.

– Я просто шел мимо, мастер Террисиец, – все же заговорил Теур. – По дороге в двадцати ярдах отсюда. Старый Джек работал у себя на поле – он всегда много работал. Некоторые из нас расслабились, когда ушли лорды, но старый Джек продолжал, как и раньше. Понимал, что припасы на зиму нам понадобятся, лорды там или не лорды.

Теур помолчал, глядя в сторону.

– Я знаю, что люди говорят, мастер Террисиец, – продолжал он, – только я видел что видел. Был день, но в долине собрался туман. Я остановился. Никогда не хожу в тумане – моя жена подтвердит. Хотел повернуть назад и тут увидел старого Джеда. Он продолжал работать, словно и не замечая тумана. Я собирался его окликнуть, но не успел, он просто... ну, как я вам сказал. Я видел его стоявшим там, вдруг он словно застыл. Туман покрутился вокруг него

немного, и Джед вдруг начал дергаться и дрыгаться, будто кто-то очень сильный схватил его и начал трясти. А потом упал и больше не поднялся.

Все еще стоя на коленях, Сэйзед снова посмотрел на труп. Теур, похоже, был мастер рассказывать небылицы. Но все же тело являлось леденящим душу подтверждением – не говоря уже о том, что сам Сэйзед видел несколько недель назад.

Туман, приходящий днем.

– Пожалуйста, принесите мне лопату, – повернувшись к деревенским жителям, попросил террисиец.

Никто не помогал ему копать могилу. Это был изматывающий труд, вдвойне тяжелый из-за южной жары, по-прежнему сильной, несмотря на приближение осени. Глинистая земля поддавалась неохотно, – к счастью, Сэйзед мог почерпнуть из пьютерной метапамяти немного отложенной про запас физической силы. Собственной вряд ли хватило бы, поскольку долго-вязый, длиннорукий и длинноногий ученый вовсе не был атлетом. Он все еще носил цветное одеяние террисийского дворецкого и, следуя тем же правилам, которым подчинялся сорок с лишним лет – всю свою жизнь, – продолжал брить голову. Единственно, не носил теперь украшения – не хотел искушать бандитов с большой дороги; но в вытянутых мочках ушей виднелись многочисленные дырки от серег.

Почерпнутые из метапамяти силы придали мышцам крепости, но даже это не очень-то помогло: к моменту, когда яма была готова, одеяние дворецкого пропиталось потом и грязью. Сэйзед закатил труп в могилу и некоторое время постоял над ним молча: умерший был достойным фермером.

Поискав в медной метапамяти указатель религий, Сэйзед выбрал подходящую и вытянул детализированные воспоминания о соответствующих обрядах. Теперь он знал их, словно только что выучил наизусть. Воспользовавшись ими, террисиец собирался поместить сведения обратно в медную метапамять. Таков уж удел хранителя – метод, с помощью которого его народ удерживал огромное информационное богатство.

На этот раз Сэйзед выбрал воспоминания о Ха-Да, южной религии с сельскохозяйственным божеством во главе. Как и большинство религий, которые во времена Вседержителя безжалостно преследовались, Ха-Да исчезла тысячу лет назад.

Следуя предписаниям похоронной церемонии, Сэйзед подошел к ближайшему дереву – точнее, одному из низких кустов, заменявших деревья в этой области. Под любопытными взглядами крестьян отломал длинную ветку, вернулся к могиле и, наклонившись, воткнул ее в землю на дне ямы в изголовье трупа. И только после этого начал закапывать.

«Они совсем пали духом», – глядя в тусклые глаза крестьян, думал Сэйзед.

Восточный доминион был самым хаотичным и беспокойным из всех пяти внутренних провинций. Для мужчин в толпе время расцвета давно миновало. Банды вербовщиков поработали на славу: мужья и отцы этой деревни, скорее всего, пали во время какого-нибудь сражения, о котором уже все и забыли.

Трудно поверить, что существовали вещи похуже тирании Вседержителя. Сэйзед верил, что когда-нибудь боль этих людей пройдет и они познают процветание. Но он видел, как убивают друг друга фермеры, как умирают от голода дети – из-за того, что какой-то захватчик «реквизировал» весь продовольственный запас деревни. Видел, как бесчинствуют воры, потому что войска Вседержителя уже не патрулируют каналы. Видел хаос, смерть, ненависть и беспорядок. И он не мог не признать, что в случившемся есть отчасти и его вина.

Сэйзед продолжал заполнять яму. Ученый и домоправитель, он был террисийским дворецким – самым полезным, самым дорогим и самым престижным из слуг в Последней империи. Теперь это почти ничего не значило. Он никогда не копал могил, но старался из уважения к телу, на которое сейчас сыпалась земля. Удивительно, но, когда половина работы была уже сделана, крестьяне начали помогать, сталкивая землю из насыпи в яму.

«Может быть, для них еще осталась надежда», – с благодарностью позволяя одному из людей взять лопату, чтобы завершить дело, подумал Сэйзед.

Скоро лишь самая верхушка ветви Ха-Да пробилась сквозь грязь у изголовья могилы.

– Зачем ты это сделал? – кивком указав на ветку, спросил Теур.

– Это религиозная церемония, хозяин Теур, – улыбнулся Сэйзед. – Если не возражаешь, я прочту молитву, которая должна сопровождать ее.

– Молитва? Как в Стальном братстве?

– Нет, друг мой, – покачал головой Сэйзед. – Это молитва из старых времен – времен задолго до Вседержителя.

Крестьяне смотрели друг на друга и хмурились. Теур тер морщинистый подбородок. Однако все они молчали, пока Сэйзед читал короткую молитву. А когда закончил, повернулся к крестьянам:

– Эта религия называется Ха-Да. Думаю, ее наверняка соблюдали ваши предки. Если кто-то захочет, могу научить.

Толпа хранила молчание. Их было немного – десятка два: большей частью женщины средних лет, несколько мужчин постарше и всего один юноша, да и тот с деревянной ногой. Удивительно, как он выжил на плантации: большинство лордов убивали калек, чтобы не переводить на них съестные припасы.

– Когда вернется Вседержитель? – спросила вдруг одна из женщин.

Сэйзед покачал головой:

– Не думаю, что это случится.

– Почему он бросил нас?

– Пришло время перемен. Наверное, это также время, когда надо узнавать о других истинах и других путях, – попытался объяснить Сэйзед.

Толпа слабо заволновалась. Террисиец лишь вздохнул: похоже, крестьяне связывали любую веру со Стальным братством и поручителями. О религии скаа беспокоились, лишь когда от нее нужно было держаться подальше.

«Хранители потратили тысячу лет, изучая умирающие религии мира, – с горечью думал Сэйзед. – Разве они могли предположить, что сейчас, когда Вседержителя нет, никто не будет стремиться к тому, чтобы вернуть утраченное?»

Но он не сердился. Люди пытались выжить, а их и без того суровый мир стал непредсказуемым. Люди устали. Стоило ли удивляться, что разговор о давно забытой вере их не интересовал?

– Идемте. – Сэйзед повернулся к деревне. – Есть многое другое и гораздо более полезное, чему я могу вас научить.

5

И я тот, кто предал Аленди, потому что теперь уверен: нельзя допустить, чтобы он завершил свои поиски.

Повсюду в городе Вин замечала тревожные знаки. Беспорядочное движение толпы, суматоха на рынках, граничившая с отчаянием загнанного в угол грызуна. Страх, неуверенность в будущем. Обреченность от осознания, что бежать некуда.

За последний год многие аристократы и торговцы покинули столицу – одновременно в Лютадель потянулись многочисленные скаа. Они прослышали о подаренной Элендом свободе и пришли с надеждой на лучшее, насколько еще способны были надеяться изнуренные работой, недоеданием и постоянными побоями люди. И, несмотря на предсказания, что Лютадель скоро падет, несмотря на слухи, что ее армия мала и слаба, они остались. Работали. Жили. Как делали всегда. Жизнь скаа никогда не отличалась определенностью.

Для Вин все же казалось странным видеть рынок таким оживленным. Одета в свои обычные брюки и рубашку, она прошла по Кентонской улице, вспоминая, как еще до Крушения гуляла по этим же местам. Здесь располагались исключительно портновские мастерские для особо важных клиентов.

Когда Эленд отменил ограничения на торговлю для скаа, Кентонская улица здорово изменилась: широкий проезд превратился в сумасшедший базар, где, кроме магазинов, появились ручные тележки и палатки. Чтобы привлечь новых покупателей из числа рабочих-скаа, которые теперь за свой труд получали деньги, хозяева магазинов изменили методы торговли. Раньше они привлекали клиентов льстивыми витринами, теперь же заманивали с помощью зазывал, торговых агентов и даже жонглеров.

Улица стала такой оживленной, что Вин обычно обходила ее стороной, – сегодня же было нечто особенное. Прибытие армии вызвало безумный переполох среди торговцев и покупателей, которые пытались приготовиться к грядущим событиям. Атмосфера казалась гнетущей: меньше уличных актеров, больше крикунов. Эленд приказал запретить все восемь городских ворот, так что бежать теперь было некуда. Вин попыталась представить, сколько людей пожалели о своем решении остаться.

Она деловито шла по улице, пряча нервозность за сцепленными руками. Даже в детстве, когда она бродяжничала на улицах разных городов, Вин не нравилась толпа. Не так просто уследить за большим количеством народа, трудно сосредоточиться, когда вокруг столько всего происходило. Ребенком она всегда держалась с краю, пряталась, высовываясь лишь для того, чтобы подобрать случайно упавшую монету или объедки, которыми пренебрегли.

Теперь все изменилось. Вин заставила себя выпрямить спину, не смотреть вниз или по сторонам в поисках укромных уголков, где можно спрятаться. Это помогло, но толпа все равно напоминала о том, какой Вин была раньше. И такой навсегда – по крайней мере отчасти – останется.

Словно в ответ на ее мысли пара уличных мальчишек стремглав пронеслась сквозь толчею – дородный мужчина в переднике пекаря кричал им вслед. В новом мире Эленда все еще

существовали беспризорники. То, что скаа начали получать за работу деньги, немного облегчило уличную жизнь маленьких бродяг. Стало больше карманов, которые можно обчистить; больше людей, с помощью которых легче отвлечь хозяев магазинов; больше объедков, которые можно подобрать, наконец, больше рук, которые давали еду просто так.

Выросшей абсолютно в других условиях Вин с трудом верилось, что ребенку теперь не надо было учиться быть незаметным, прятаться и выходить лишь по ночам, чтобы порыться в мусоре. Раньше только самые храбрые из маленьких бродяг осмеливались резать кошельки: жизнь скаа ничего не стоила для большинства знатных людей. В детстве Вин знала нескольких беспризорников, убитых или ненароком изувеченных аристократами, которые сочли для себя их существование оскорбительным.

Законы Эленда не устранили бедность, но улучшили жизнь даже уличных бродяжек. За это – и за многое другое – Вин его и любила.

В толпе встречались и аристократы – те, кого доводы Эленда или обстоятельства убедили, что в городе их имущество будет в большей сохранности, чем за его пределами. Они делились на отчаявшихся, слабых духом или склонных к риску. Вин проводила взглядом человека, окруженного телохранителями. Тот не обратил на нее никакого внимания: простая одежда, которую бы ни за что не надел на себя знатный человек, являлась достаточной причиной, чтобы проигнорировать Вин.

«А разве я такая? – думала она, приостановившись возле витрины с книгами. Книжная торговля всегда приносила степенным аристократам империи маленький, но стабильный доход. Рассматривая собственное отражение, Вин заодно убедилась, что никто не крадется следом. – Разве я знатная женщина?»

А что, если это доказать, используя принцип подобия. Сам король любил ее – предложил выйти за него замуж; а учил Выживший в Хатсине. Кроме того, хоть мать и принадлежала к скаа, отец был аристократом. Вин подняла руку и кончиками пальцев коснулась простой бронзовой сережки – единственного напоминания о матери.

Не так уж много. Но Вин и не хотелось много думать о матери: в конце концов, эта женщина пыталась ее убить. Младшую дочь она действительно убила, и если бы не вмешался Рин, убила бы и старшую. Он выхватил окровавленную девочку из рук обезумевшей женщины, которая за несколько секунд до того воткнула ей в ухо серьгу.

И все же Вин хранила эту серьгу – чтобы помнить о случившемся.

По правде говоря, она не чувствовала себя знатной женщиной. Временами даже казалось, что у нее больше общего с безумной матерью, чем с аристократами из мира Эленда. Балы и вечеринки, которые Вин посещала до Крушения, напоминали спектакли. Они превратились в воспоминания, подобные снам. Им не было места в новом мире, где рушились королевства, а по ночам бродили убийцы. Кроме того, на балах Вин всего лишь играла роль – изображала юную Валетт Рену.

Она лишь притворилась. Притворилась, что она не та девочка, которая выросла на улице, умирала от голода и чаще получала побои, чем чью-то дружескую помощь. Со вздохом Вин отвернулась от витрины, однако следующий магазин против всех ожиданий привлек ее внимание.

Там продавались балльные платья.

Клиентов внутри не оказалось: немногие могли думать о нарядах накануне вторжения. Вин приостановилась возле открытой двери, чувствуя себя металлом, который алломантическое притяжение затягивало туда, где замерли манекены в роскошных платьях. Разглядывая облегающие корсажи и юбки в форме колокола, Вин представила себя на балу: на заднем плане играет музыка, на столах белые скатерти, Эленд на балконе листает книгу...

Она почти вошла. Только зачем все эти хлопоты? На город вот-вот нападут. Кроме того, наряды стоили дорого. А ведь одно дело тратить деньги Кельсера, и совсем другое – Эленда: его деньги составляли часть королевской казны.

Вин отвернулась от платьев и прошла мимо.

«Валетт бесполезна для Эленда – ему нужен рожденный туманом, а не девушка в громоздком наряде».

Раны предыдущей ночи, а теперь просто синяки напомнили о том, кем она является на самом деле. Весь день Вин усиленно жгла пьютер, поэтому заживали они хорошо, но еще некоторое время будет недоставать обычной ловкости.

Она ускорила шаг, направляясь к той части рынка, где продавали живой товар, и почти сразу заметила, что за ней следят.

Впрочем, слово «следят» не очень-то и подходило: у незнакомца в рыжевато-коричневой, покрытой пятнами пепла рабочей одежде, длинноволосого, но с сильно редющими на макушке волосами, никак не получалось оставаться невидимым.

«Великолепно!» – обозлилась Вин.

Вот еще одна причина, по которой она избегала появляться на рынке или в любых местах, где во множестве собирались скаа.

Вин пошла быстрее, но мужчина не отставал. Вскоре его неуклюжие попытки привлечь внимание, однако никто не злился, – наоборот, большинство почтительно останавливались. Постепенно к нему присоединились другие, и за Вин устремилась небольшая толпа.

В глубине души хотелось просто швырнуть на землю монету и ускакать прочь.

«Ну да, – подумала Вин с иронией, – покажи им алломантию при свете дня, если хочешь, чтобы тебя не заметили».

Остановившись, она повернулась лицом к преследователям. Ни один из них не выглядел угрожающе. Мужчины в тусклого цвета штанах и рубашках, некоторые в перепачканных пеплом робах, женщины – в скромных практичных платьях. Жрецы Выжившего.

– Леди Наследница, – приблизившись, один из них упал на колени.

– Не называй меня так, – негромко попросила Вин.

Жрец поднял глаза:

– Прошу тебя. Нам нужно наставление. Мы свергли Вседержителя. Что нам делать теперь?

Вин отступила на шаг. Понимал ли Кельсер, что делает, когда породил среди скаа веру в самого себя, а потом принял мученическую смерть, чтобы обратить их гнев против Последней империи? Думал ли он о событиях, которые произойдут позже? Мог ли предвидеть появление Церкви Выжившего? Догадывался ли, что скаа заменят Вседержителя на самого Кельсера и станут поклоняться ему как богу?

Проблема в том, что Кельсер не оставил последователям никакой доктрины. Его единственной целью было свергнуть Вседержителя. Отчасти отомстить, отчасти закрепить свое наследие. И еще в какой-то степени – во всяком случае, Вин очень на это надеялась – освободить скаа.

Ну и что теперь? Вероятно, эти люди, как и она сама, чувствовали, будто их бросили на произвол судьбы. И ничего похожего на путеводный огонек...

Вин не могла быть этим огоньком.

– Я не Кельсер, – тихо сказала она, отступая еще на шаг.

– Мы знаем, – ответил один из мужчин. – Но ты его Наследница – он умер, а ты выжила.

– Пожалуйста, – выступая вперед, попросила женщина с ребенком на руках. – Госпожа Наследница. Если рука, которая сразила Вседержителя, коснется моего дитя...

Вин попыталась отступить еще, но позади тоже собралась толпа. Женщина приблизилась, и Вин подняла руку и неуверенно коснулась лба младенца.

– Благодарю тебя.

– Ты ведь защитишь нас, госпожа Наследница? – осмелев, спросил молодой человек не старше Эленда, с грязным лицом, но честным взглядом. – Жрецы говорят, ты остановишь эту армию, солдаты не смогут войти в город, пока ты здесь.

Это уже было слишком. Вин промямлила что-то в ответ, затем повернулась и начала проталкиваться сквозь толпу. К счастью, верующие за ней не последовали.

Вин почти задыхалась, когда наконец оказалась в тихом переулке. Укрылась в тени между двумя магазинчиками и обхватила голову руками. Всю жизнь она училась быть незаметной и незначительной, и вот теперь все это стало недоступно.

Чего ждали от нее эти люди? Неужели действительно надеялись, что она сумеет в одиночку остановить целую армию? Рожденные туманом не были непобедимы – этот урок Вин усвоила еще в самом начале своего обучения. Одного противника она могла убить. Десять заставили бы ее попотеть. Но целая армия...

Чтобы успокоиться и прийти в себя, Вин несколько раз вдохнула и выдохнула и только тогда смогла вернуться на оживленную улицу, а вскоре показалась цель сегодняшней прогулки – маленькая открытая палатка, с четырех сторон окруженная вольерами. Возле нее скучал торговец – неряшливого вида человек, волосы у которого росли только на правой половине головы. Была ли странная прическа результатом болезни, ранения или причуды природы, оставалось только догадываться.

Мужчина оживился, увидев возле вольеров покупательницу. Отряхнулся, подняв небольшое облако пыли, и медленным шагом пошел навстречу, демонстрируя в улыбке остатки зубов. В общем, производил впечатление человека, который ничего не знал или просто не беспокоился об армии за городскими стенами.

– Юная госпожа желает приобрести щенка? У меня есть несколько маленьких шалунов, которых любая девушка точно полюбит. Вот, дайте-ка я покажу. Сами убедитесь, что это милейшее создание из всех, кого вам доводилось видеть. – И мужчина наклонился, чтобы взять из вольера щенка.

– Вообще-то, – заметила Вин, – мне нужен волкодав.

Торговец посмотрел на нее снизу вверх:

– Волкодав, госпожа? Это не игрушка для девушки вроде вас. Я хочу сказать, они настоящие зверюги. Давайте лучше подберу вам милого умного песика.

– Нет, – прерывая его болтовню, возразила Вин. – Ты приведешь мне именно волкодава. Мужчина смолк, разглядывая ее и почесываясь в самых непристойных местах.

– Ну, наверное, я могу кое-что вам показать...

Он побрел к самому дальнему вольеру. Сморщив нос – воняло здесь ужасно, – Вин осталась ждать, а торговец, то и дело покрикивая на животных, выбирал подходящий товар. В конце концов вернулся, ведя за собой собаку на привязи. Несомненно, это был волкодав, правда маленький, с красивыми послушными глазами и, очевидно, спокойным нравом.

– Последний в помете, – пояснил торговец. – Как по мне, так хороший зверь для юной девушки. Из него, возможно, получится превосходный охотник. У волкодава нюх лучше, чем у любого другого зверя.

Потянувшись было к кошельку, Вин вдруг приостановилась, глядя на умильную морду пса. Он как будто улыбался.

– Ох, ради Вседержителя... – отрывисто проговорила она, оттолкнув собаку с хозяином, и прошагала к дальнему вольеру.

– Юная леди? – Растерянный торговец поспешил следом.

Вин разглядывала волкодавов. Массивный черно-серый зверь на цепи у дальней стены смотрел на нее с вызовом, в глотке его нарастало низкое рычание.

– Сколько просишь вот за того, в углу?

– За кого? – переспросил пораженный торговец. – Милостивая госпожа, это же сторожевая тварь. Его воспитывали, чтобы бросаться на тех, кто пролезет без спроса на земли какого-нибудь лорда! Это одно из самых злобных существ, которых только можно вообразить!

– Отлично. – Вин достала деньги.

– Милостивая госпожа, я не могу позволить себе продать вам подобное чудище. Да я готов поспорить, что он весит в полтора раза больше вас!

Согласно кивнув, Вин открыла ворота и вошла в вольер. Торговец что-то крикнул, но она направилась напрямик к волкодаву, который, исходя пеной, залился яростным лаем.

«Извини», – зажигая пьютер, мысленно покаялась Вин и стукнула зверя кулаком по голове.

Пес зашатался и замертво свалился в грязь – торговец застыл позади с открытым ртом.

– Ремень, – скомандовала Вин.

Не проронив ни звука, торговец подал требуемое. Вин связала лапы волкодава и – с новой вспышкой пьютера – взвалила животное на плечи, лишь слегка поежившись от боли в боку.

«Надеюсь, это существо не зальет мне рубашку слюнями», – подумала она, вручая торговцу деньги и направляясь обратно во дворец.

* * *

Вин со стуком швырнула не подававшего признаков жизни волкодава на пол и отряхнула руки. Стражники глядели с любопытством, но к таким взглядам она уже почти привыкла.

– Что это? – поинтересовался Ор-Сьер.

Выглядел он ужасно. Мало того что не сменил с прошлой ночи окровавленную одежду, так еще и нарастил мышцы в тех местах, где у обычных людей их не было, чтобы поврежденный скелет не рассыпался.

– Это, – указала Вин на волкодава, – твое новое тело.

– Вот это? Госпожа, но это же собака.

– Собака, – подтвердила Вин.

– Но я человек!

– Ты кандра, – возразила Вин. – Ты умеешь имитировать плоть и мышцы. Кстати, как насчет шерсти?

Ор-Сьер выглядел недовольным.

– Я не могу ее имитировать – могу лишь использовать шерсть существа, как использую его кости. Однако я уверен, что...

– Я не стану убивать ради тебя, кандра, – перебила Вин. – А если и убью, то не позволю, чтобы ты его... сожрал. И вообще так мы вызовем меньше подозрений. Люди начнут болтать всякое, если я стану часто менять своих слуг. Уже несколько месяцев я говорила всем, что собираюсь дать тебе расчет. Теперь же смогу сказать, что наконец так и сделала, – никому и в голову не придет, что мой новый питомец на самом деле все тот же кандра.

Она кивком указала на тело пса и продолжила:

– Ты станешь полезнее, чем раньше. Люди гораздо меньше внимания обращают на собак, чем на себе подобных: сможешь спокойно подслушивать их разговоры.

Несмотря на все увещевания, Ор-Сьер только мрачнел.

– Это будет для меня непросто. Вам придется напомнить мне о Договоре.

– Прекрасно, – не стала больше препираться Вин. – Я приказываю. И сколько времени тебе потребуется?

– Для обычного тела достаточно нескольких часов. Для этого же, – Ор-Сьер кивнул в сторону собаки, – не знаю. Непросто сделать так, чтобы шерсть выглядела естественно.

– Так начинай.

Вин уже развернулась было к двери, но вдруг заметила на своем столе маленький сверток. Внутри была коробка вместе с небольшой запиской.

*Госпожа Вин,
посылаю следующий сплав из тех, что Вы просили. Алюминий найти
нелегко, но недавно одна знатная семья покинула город, и я смог приобрести
кое-что из их столовых приборов.*

*Не знаю, как этот сплав сработает, но думаю, попытаться можно.
Я смешал алюминий с пятью процентами меди, и результат показался мне
многообещающим. Я читал о таком составе, он называется дюралюминий.
Ваш покорный слуга Терион*

Вин улыбнулась и, отложив записку, вытащила содержимое коробки: мешочек с металлической пылью и тонкий серебристый слиток – оба предположительно из металла под названием дюралюминий. Терион был профессиональным металлургом, чьими услугами широко пользовались алломанты. Сам он, правда, алломантией не владел, но занимался созданием сплавов и металлической пыли для туманчиков и рожденных туманом большую часть своей жизни.

Положив в карман и мешочек, и слиток, Вин снова повернулась к Ор-Сьеру, который тут же устремил на нее унылый взгляд.

– Это пришло сегодня? – указывая на коробку, уточнила Вин.

– Да, госпожа, несколько часов назад.

– И ты промолчал?

– Простите, госпожа, но вы не приказали мне сообщать о посылках, которые приходят для вас.

Вин стиснула зубы: кандра знал, с каким нетерпением она ждала посылок от Териона. Все предыдущие опыты оказались сущей ерундой, но представлялось, вот-вот – и откроют еще один алломантический металл...

Ор-Сьер по-прежнему сидел на полу, тупо уставившись на тело бесчувственного волкодава.

– Да займись ты, наконец, им! – Развернувшись, Вин вышла из комнаты и отправилась на поиски Эленда.

* * *

Эленд оказался у себя в кабинете – просматривал книги счетов, – и не один.

– Докс! – обрадовалась Вин.

Тот прибыл накануне, но сразу же удалился в свои комнаты, поэтому она его почти не видела.

Доксон улыбнулся. Он выглядел как обычно – полноватый, но не толстый, с короткими темными волосами и такой привычной бородкой.

– Привет, Вин.

– Как там, в Террисе?

– Холодно, – засмеялся Докс. – Необыкновенно рад, что вернулся, хотя обнаружить тут армию было не слишком приятно.

– В любом случае мы рады тебя видеть, Доксон, – заметил Эленд. – Королевство без тебя практически разваливается.

– Я бы так не сказал. – Доксон закрыл и отложил грессбух. – С учетом всего, включая армию, клерки в мое отсутствие поработали неплохо. Не так уж я вам и нужен.

– Глупости! – возмутился Эленд.

Прислонившись к двери, Вин смотрела на двоих мужчин, которые продолжали разговор, держась с преувеличенной веселостью. Оба посвятили себя молодому королевству и ради этого были готовы притворяться, что хорошо относятся друг к другу. Доксон указывал на места в бухгалтерских книгах, рассказывал о финансах и о том, что обнаружил в отдаленных поселках, подконтрольных Эленду.

Вин вздохнула и окинула комнату взглядом. Солнечный свет струился сквозь витражное окно-розу, украшая grossesбухи и стол россыпью разноцветных пятен. Вин по-прежнему не могла привыкнуть к небрежной роскоши аристократического особняка. Редкостной красоты красно-лавандовое окно для аристократов не представляло собой ничего особенного, и потому место ему нашлось лишь в одной из дальних комнат, которую Эленд превратил в свой кабинет.

Как и следовало ожидать, кабинет заполняли книги. Полки громоздились от пола до потолка, но места все равно не хватало, и для Вин, мало уделявшей времени книгам, казалось странным, что такое количество полок не могло удовлетворить постоянно растущие потребности Эленда. Политические или исторические труды, посвященные темам, столь же замшелым, как и их собственные страницы... Многие из них были ранее запрещены Стальным братством, но каким-то образом старые философы превращали в скучотищу даже непристойные темы.

– Ну да ладно. – Доксон наконец-то захлопнул очередной grossesбух. – Я кое-что должен успеть до завтрашней речи, ваше величество. Кстати, Хэм говорил, вроде бы тем же вечером состоится собрание, посвященное обороне города?

– Если смогу убедить Ассамблею не сдавать город моему отцу, нам понадобится стратегия, чтобы справиться с армией. Я пришлю за тобой завтра.

– Договорились. – Кивнув Эленду и подмигнув Вин, Доксон вышел из загроможденной книгами комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, молодой король вздохнул и расслабленно откинулся на спинку огромного бархатного кресла.

– Он хороший человек, Эленд, – приблизившись, сказала Вин.

– О, я не сомневаюсь. Но «хороший человек» и «приятный человек» не всегда одно и то же, увы.

– Он милый, – продолжала Вин. – Стойкий, спокойный, решительный. На него всегда можно положиться.

Хоть Доксон и не был алломантом, он являлся правой рукой Кельсера.

– Я ему не нравлюсь, Вин, – возразил Эленд. – Очень... трудно ладить с человеком, который так на тебя смотрит.

– Ты не дал ему ни единого шанса, – упрекнула Вин, останавливаясь возле кресла Эленда.

В ответ Эленд лишь слабо улыбнулся. Его жилет был расстегнут, волосы взъерошены.

– Хм... – лениво пробормотал он, взяв ее за руку. – Мне нравится эта рубашка. Красный тебе явно к лицу.

Вин притворно закатила глаза, но позволила нежно утянуть себя в кресло и поцеловать. В этом страстном поцелуе будто сквозила просьба остаться. Вин расслабилась и прильнула к Эленду. Рядом с ним было так хорошо. Эленд прижал ее крепче и откинулся назад вместе с креслом, так что оно попало в полосу света из окна.

– Новые духи? – спросил он с улыбкой.

Вин только фыркнула, положив голову ему на грудь:

– Это не духи, Эленд. Так пахнет псиной.

– Отлично, а то я уж испугался, что у тебя проблемы с обонянием. Раз так, может, объяснишь, почему от тебя пахнет псиной?

– Я пошла на рынок, купила собаку, принесла ее сюда и скормила Ор-Сьеру.

На миг Эленд застыл:

– Вот это да! Потрясающе, Вин. Никто не заподозрит в собаке шпиона. Интересно, додумались ли до такого раньше...

– Кто-то должен был додуматься. По-моему, все очень логично. Только наверняка те, кому в голову пришла подобная идея, стали бы ею делиться.

– Точно подмечено. – И напрягшийся было Эленд снова расслабился.

Впрочем, Вин чувствовала, что не до конца.

«Завтрашняя речь, – подумала она. – Он беспокоится».

– Должен, однако, сказать, – медленно подбирая слова, снова заговорил Эленд, – что я несколько разочарован: песий запах вместо духов... Учитывая твоё социальное положение, можно предположить, что многие местные аристократки попытались бы подражать. Вот было бы забавно!

Слегка отодвинувшись, Вин посмотрела в его ухмыляющееся лицо:

– Знаешь, Эленд... иногда я просто ломаю голову, пытаюсь понять, дразнишься ты или просто говоришь глупости.

– Надеюсь, это делает меня хоть немного загадочнее. Нет?

– Вроде того, – снова прильнув к нему, согласилась Вин.

– Вижу, даже ты не понимаешь, насколько это умно с моей стороны. Если люди не могут понять, когда я веду себя как идиот, а когда как гений, возможно, они со временем придут к выводу, что мои промахи на самом деле представляют собой политические маневры.

– Лишь бы они не принимали твои истинные блестящие маневры за промахи, – парировала Вин.

– О, нет ничего проще! Боюсь, у меня слишком мало того, из-за чего люди могли бы совершить подобную ошибку.

Обеспокоенная интонацией, с которой были произнесены последние слова, Вин снова подняла голову, однако Эленд улыбнулся и сменил тему:

– Итак, Ор-Сьер стал собакой. Только сумеет ли он выходить с тобой по ночам, как раньше?

– Наверное, – пожала плечами Вин. – Вообще-то, какое-то время я не собиралась брать его с собой.

– Лучше бы ты его брала. Я волнуюсь: каждую ночь ты тратишь столько сил.

– Я справлюсь. – В голосе Вин прозвучало упрямство. – Кто-то должен тебя охранять.

– Да, но кто же охраняет тебя?

Ответ пришел мгновенно: «Кельсер».

Странно, Вин знала его меньше года, но впервые в жизни почувствовала себя защищенной. Однако Кельсер был мертв, и приходилось справляться без него, как и всем остальным.

– Прошлой ночью тебя ранил алломант, – продолжал Эленд. – У меня камень с души упадет, если я буду знать, что кто-то рядом с тобой.

– Кандра – телохранитель никудышный.

– Знаю, – кивнул Эленд. – Зато они невероятно преданные: я не слышал, чтобы кто-то из них нарушил свой Договор. Он поможет тебе со слежкой. Я волнуюсь, Вин. Ты удивляешься, что я не сплю допоздна, пишу законопроекты? Я не могу спать, зная, что ты с кем-то дерешься или, хуже того, лежишь где-нибудь посреди улицы и умираешь, потому что никого не оказалось рядом, чтобы позвать на помощь.

– Иногда я все же беру с собой Ор-Сьера.

– Иногда, – с усмешкой повторил Эленд. – И постоянно изобретаешь всевозможные предлоги, чтобы не брать. Кельсер купил для тебя невероятно ценного слугу. Не понимаю, почему ты так старательно его избегаешь.

– Эленд, – Вин даже зажмурилась, – он сожрал Кельсера!

– И что? Кельсер был уже мертв. И разве не сам он отдал такой приказ?

Вин со вздохом открыла глаза.

– Просто... – она запнулась, – просто я не могу доверять этой твари, Эленд. Она противоестественная.

– Знаю. У моего отца всегда был кандра. Но Ор-Сьер все же лучше, чем ничего. Прошу тебя. Обещай, что будешь брать его с собой.

– Хорошо. Только я не думаю, что ему это нравится больше, чем мне. Мы с ним не очень ладили еще в то время, когда он играл роль Рену, а я его племянницы.

– В любом случае, – пожал плечами Эленд, – он будет соблюдать Договор. И это важнее всего.

– Да, он соблюдает Договор. Правда, очень неохотно. Могу поклясться, ему нравится меня раздражать.

Вин была в отчаянии: Эленд никак не хотел ее понять.

– Кандра – отличные слуги, – упрямо повторил он. – Они просто не способны на то, о чем ты говоришь.

– Нет! – продолжала горячиться Вин. – Вот Сэйзед был отличным слугой. Ему нравилось находиться рядом, помогать и поддерживать. Ор-Сьер же делает все, что я прикажу, но он меня не любит и никогда не любил. Я в этом уверена.

Эленд потихоньку начал массировать ее плечо:

– Тебе не кажется, что ты говоришь странные вещи? Не существует логичной причины, по которой ты могла бы его так сильно ненавидеть.

– Значит, не существует? – вкрадчиво переспросила Вин. – Но тогда не существует и причины, по которой вы с Доксоном не переносите друг друга.

– Видимо, ты права, – не сразу, но согласился Эленд.

Продолжая массировать плечо, он глядел куда-то в потолок.

– Что? – дернулась Вин.

– Я не очень-то справляюсь, да?

– Глупости, ты превосходный король!

– Возможно, я сносный король, Вин, но я – это не он.

– Кто?

– Кельсер.

– Никто не ждет, чтобы ты стал Кельсером.

– Да? – В голосе Эленда послышалась явная ирония. – А ты не догадываешься, почему меня не любит Доксон? Он ненавидит знать! Это сквозит во всем, что он делает и что говорит. И учитывая жизнь, которую он прожил, я даже не могу его винить. В любом случае он считает, что королем должен быть не я, а какой-нибудь скаа или даже лучше Кельсер. Да и не только Доксон.

– Бред, Эленд! Полный бред!

– Серьезно? Если бы Кельсер был жив, стал бы я королем?

Вин молчала, поэтому Эленд продолжал:

– Видишь? Они принимают меня – скаа, торговцы, даже аристократы. Но в глубине души все они хотели бы видеть на моем месте Кельсера.

– А я? Этого не хочу я.

– Уверена?

Нахмурившись, Вин поднялась и уселась Эленду на колени. Кресло приняло горизонтальное положение, и их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга.

– Никогда больше не сомневайся, Эленд, – очень серьезно сказала Вин. – Кельсер был моим учителем, но я его не любила. Не любила так, как люблю тебя, – уточнила она.

Эленд посмотрел ей в глаза и кивнул. Вин его поцеловала.

– А почему, кстати? – спросил Эленд, когда она снова уютно устроилась рядом.

– Ну... Во-первых, он был старый.

Эленд фыркнул:

– Кажется, я припоминаю, ты когда-то и над моим возрастом потешалась.

– Это другое: ты всего на несколько лет старше, а Кельсер был совсем древний.

– Тридцать восемь, Вин, это не древность.

– Почти древность.

Эленд опять фыркнул, но Вин чувствовала, что ответ его не удовлетворил. Почему она выбрала Эленда, а не Кельсера, мечтателя, героя, рожденного туманом?

– Кельсер был великим человеком, – негромко заговорила Вин, когда Эленд начал гладить ее по волосам. – Но... в нем присутствовало нечто. Нечто пугающее. Напористый, дерзкий, даже немного жестокий, Кельсер не умел прощать. Он убивал тех, кто поддерживал Последнюю империю или работал на Вседержителя, без тени сомнения, не чувствуя вины. Я могла любить его как учителя и друга. Но не думаю, что смогла бы когда-нибудь полюбить по-настоящему. Я не виню его, мы же оба выросли на улице. Когда ты отчаянно борешься за жизнь, то становишься сильнее, но и жестче. Есть в этом его вина или нет, Кельсер слишком сильно напоминал мужчин, которые... которых я знала в юности. Келл был намного лучше их – он мог быть на самом деле добрым: он ведь пожертвовал своей жизнью ради скаа. И все-таки он был безжалостным.

Вин закрыла глаза, чувствуя тепло Эленда.

– Ты, Эленд Венчер, хороший человек. Действительно хороший человек.

– Хорошие люди не становятся легендами, – чуть слышно отозвался Эленд.

– Хорошим людям не нужно становиться легендами, – не согласилась Вин. – Они просто делают правильные вещи, что бы ни случилось.

Эленд лишь улыбнулся. Потом поцеловал ее в макушку и откинулся назад. Некоторое время они лежали молча, нежась в проникавших в комнату солнечных лучах.

– Он ведь и мою жизнь спас.

– Кто? Кельсер?

– Да, – кивнул Эленд. – В тот день, когда Призрака и Ор-Сьера поймали, когда Кельсер умер. Было сражение на площади: Хэм и несколько солдат попытались освободить пленных.

– Знаю. Я пряталась с Бризом и Доксом в одном из переулков.

– Правда? – с легким удивлением спросил Эленд. – Вообще-то, я искал тебя. Думал, тебя арестовали вместе с Ор-Сьером – он же притворялся твоим дядей. Попытался пробиться к клеткам, чтобы освободить.

– Попытался сделать что?! – так и подскочила Вин. – Эленд, та площадь стала настоящим полем боя! Ради Вседержителя, там же был инквизитор!

– Знаю, – улыбнулся Эленд. – Видишь ли, как раз инквизитор и попытался меня убить. Он поднял топор и все такое. И тут... появился Кельсер. Он врезался в инквизитора и повалил его на землю.

– Может, просто совпадение? – предположила Вин.

– Нет. Он сделал это не случайно. Он смотрел на меня все время, пока сражался с инквизитором. Я знаю, Вин, о чем говорю, и я не могу забыть его глаза. А ведь все постоянно твердят, что Кельсер ненавидел знать еще сильнее, чем Докс.

– По-моему... – Вин помедлила, видимо подбирая слова. – Мне показалось, Кельсер в конце концов начал меняться.

– И изменился до такой степени, что рисковал собой, защищая какого-то аристократишку?

– Кельсер знал, что я люблю тебя, – с легким смущением объяснила Вин. – Наверное, это пересилило его ненависть.

– Я и не подумал...

Эленд не успел договорить, когда Вин повернулась на какой-то звук. К кабинету явно кто-то шел. Вин выпрямилась, а через секунду в приоткрытую дверь просунулась голова Хэма. Заметив, что Вин сидит на коленях у Эленда, громила охнул и, извинившись, исчез.

– Нет, постой! – крикнула Вин. Голова Хэма появилась снова. – Вспомнила, зачем тебя искала: сегодня пришла новая посылка от Териона.

– Еще одна? – удивился Эленд. – Вин, когда же ты наконец сдашься?

– У меня нет выхода.

– А ты уверена, что это так уж важно? То есть я хотел сказать, раз все забыли, для чего нужен последний металл, значит он не очень-то полезен.

– Возможно, – согласилась Вин, – но нельзя исключить, что он дарует настолько впечатляющую силу, что братство постаралось сохранить его в секрете.

Она соскользнула с кресла и вытащила из кармана мешочек и слиток.

– Вот. – И Вин протянула Эленду, который остался в своем бархатном кресле, слиток.

Серебристый блестящий металл, как и алюминий, входивший в его состав, казался слишком легким и будто ненастоящим. Любой алломант, который случайно поджигал алюминий, чувствовал, как запасы любых других металлов мгновенно исчезали, оставляя его беззащитным. Алюминий был секретом Стального братства, о котором Вин узнала лишь той ночью, когда ее схватили инквизиторы и когда она убила Вседержителя.

Алломантические металлы всегда шли парами – железо и сталь, олово и пьютер, медь и бронза, цинк и латунь. Алюминий и... что-то. Что-то могущественное, как надеялась Вин. Ее атиум закончился, и требовался козырь, однако правильный алломантический сплав алюминия пока так и не сумели вычислить.

Эленд со вздохом вернул слиток:

– Последняя из этих штук, когда ты попыталась ее воспламенить, уложила тебя в постель на два дня, Вин. Я тогда здорово перепугался.

– Он меня не убьет, – поспешила успокоить Вин. – Кельсер говорил, что, поджигая плохой сплав, я рискую только заболеть.

– Даже Кельсер иногда ошибался. Разве не ты говорила, что он неправильно понимал, как работает бронза?

Вин задумалась. Беспокойство Эленда было таким неподдельным, что она почти позволила себя уговорить. Но все же...

«Когда армия пойдет в атаку, Эленду конец».

Городские скаа могут и выжить – ни один правитель не будет настолько глуп, чтобы перебить всех людей в таком важном городе. Но короля убьют точно. Вин не удержит целое войско, и от нее мало толку в подготовке к сражению, зато алломантия – ее стихия. Чем глубже она ее познает, тем лучше сумеет защитить того, кого любит.

– Я должна попробовать, Эленд, – тихо, но твердо сказала Вин. – Колченог говорит, Страфф не нападет еще несколько дней: ему нужно время, чтобы дать своим людям отдых и заслать шпионов в город для планирования атаки. Если мне и впрямь станет плохо, я как раз успею прийти в себя, чтобы помочь сражающимся, но только если я попробую его прямо сейчас.

Эленд помрачнел, но возражать не стал. Он знал, что это бессмысленно.

– Как ты считаешь, – поднимаясь из кресла, обратился он к Хэму, – это хорошая идея?

Громила кивнул. Он был воином и уважал риск. Кроме того, Вин попросила его остаться, потому что кто-то должен был отнести ее в постель, если дело пойдет плохо.

– Хорошо, – смирился Эленд.

Вин забралась в кресло, взяла щепотку дюралюминиевой пыли и проглотила. Закрыв глаза, она проверяла свои алломантические запасы. Обычные восемь металлов были на месте и в достаточном количестве. Отсутствовали лишь атиум и золото, равно как и их сплавы. Атиум

из-за его ценности использовали лишь в крайнем случае – оставшиеся три были слишком мало-значительны. И вот появился новый резерв. До сегодняшнего дня каждый раз, когда Вин поджигала сплав алюминия, у нее тотчас же начинался приступ ослепляющей головной боли.

«На ошибках учатся...» – подумала Вин.

Стиснув зубы, она потянулась внутрь мысленным усилием и подожгла новый сплав.

Ничего не произошло.

– Ты уже его попробовала? – опасливо спросил Эленд.

Вин кивнула:

– Голова не болит. Но... я не уверена, что сплав вообще что-то делает.

– Но он горит? – уточнил Хэм.

– Горит.

Знакомое тепло внутри – маленький огонек – подтверждало, что металл действительно горел. Вин попыталась пошевелиться, но не почувствовала никаких изменений. В конце концов она подняла глаза и пожала плечами.

– Если тебе не стало плохо, значит сплав правильный, – убежденно произнес Хэм. – У каждого металла есть лишь один действующий сплав.

– Или, – предположила Вин, – нас просто в этом убедили.

– Очень может быть. А что это за сплав?

– Алюминий и медь.

– Интересно, – задумчиво произнес Хэм. – И ты совсем ничего не чувствуешь?

– Нет, – покачала головой Вин.

– Тебе надо еще немного потренироваться.

– Похоже, мне повезло, – погасив дюралюминий, ответила Вин. – Терион предложил сорок разных сплавов, которые, как он думает, мы могли бы попробовать, когда у нас будет достаточно алюминия. Это был только пятый.

– Сорок? – недоверчиво переспросил Эленд. – Я не знал, что есть так много металлов, из которых можно делать сплавы!

– Не нужно два металла, чтобы сделать сплав, – с отрешенным видом объясняла Вин. – Только один металл и что-то еще. К примеру, сталь – это железо и уголь.

– Сорок... – повторил Эленд. – И ты собиралась пробовать все?

– Надо же с чего-то начинать, – пожала плечами Вин.

Подобная мысль Эленду явно не понравилась, но он не стал спорить:

– Ладно. Так зачем ты нас искал, Хэм?

– Ничего важного. Просто хотел узнать, согласна ли Вин на небольшую тренировку. Армейские дела действуют мне на нервы, и я подумал, что ей не помешало бы немного попрактиковаться с посохом.

– Конечно. Почему бы и нет?

– А ты пойдешь, Эл? Разомнешься чуть-чуть?

– Перед вами-то двумя? – засмеялся Эленд. – У меня еще осталось чувство собственного королевского достоинства!

– Тебе и впрямь не помешали бы тренировки, Эленд, – нахмурилась Вин. – Ты едва умеешь держать меч, а уж с дуэльной тростью ты просто ужасен.

– И зачем же мне об этом думать, раз меня защищаешь ты?

– Мы не можем всегда быть рядом, Эленд, – принялась горячо убеждать Вин. – Я тревожилась бы гораздо меньше, сумей ты за себя постоять.

Он улыбнулся и помог ей встать:

– Я займусь этим как-нибудь, обещаю. Но не сегодня – сейчас у меня слишком много других вопросов, требующих внимания. Лучше я просто приду посмотреть. Может, глядя на

вас, чему-нибудь и научусь. А что? Чем не метод? По крайней мере, в этом случае я не рискую потерпеть поражение от девчонки.

Вин тяжело вздохнула, но решила не настаивать.

6

Я пишу, чеканя слова на металлической пластине, и меня терзает страх. Я боюсь за свою судьбу, ибо я всего лишь человек. Если, побывав у Источника Вознесения, Аленди вернется домой, то не сомневаюсь, что моя смерть будет в числе дел, о которых он позаботится в первую очередь. Он не злой человек, но безжалостный. Слишком много испытаний выпало на его долю.

Эленд облокотился на перила, ограждавшие двор для тренировок. Вообще-то, он был не прочь попрактиковаться с Вин и Хэмом, только какой смысл?

«Убийца обязательно будет алломантом. Я могу тренироваться хоть десять лет, но мне никогда не справиться и с одним из них».

Хэм подал знак Вин, и она выступила вперед, держа посох на целый фут длиннее ее самой. Наблюдая за этой парой, Эленд не мог не отметить, насколько они разные. Могучий Хэм и Вин, казавшаяся особенно хрупкой без своего обычного плаща. Неравенство соперников только подчеркнули слова Хэма:

– Мы тренируем бой с посохом, а не умение толкать и тянуть, поэтому не используй ничего, кроме пьютера. Договорились?

Вин кивнула.

Именно так они частенько и упражнялись. Хэм твердил, что тренировки и практику заменить не может ничто, каким бы сильным ни был алломант. Он разрешал, однако, чтобы Вин использовала пьютер, потому что к силе и ловкости, который он придает, тоже надо привыкнуть.

Поле для тренировок располагалось рядом с дворцовыми казармами и было огорожено с четырех сторон галереями. Именно там, прячась под крышей от красного, слепящего глаза солнца, и стоял, скрестив на перилах руки, Эленд. Сюда не долетали также и редкие хлопья начавшегося легкого пепельного дождя. По галерее, торопясь по своим делам, то и дело проходили солдаты. Некоторые, правда, останавливались: тренировочные бои между Вин и Хэмом были одним из любимых развлечений дворцовых стражников.

«Я должен заниматься проектом, а не смотреть, как дерется Вин».

Но... похоже, сказывалось напряжение последних дней: Эленд никак не мог себя заставить вернуться в кабинет и еще раз вычитать речь. Ему необходимо отвлечься.

Сжимая посох двумя руками, Вин с опаской приближалась к Хэму. Еще недавно Эленд посчитал бы штаны и рубашку неподходящей одеждой для дамы, но он столько времени провел рядом с Вин, что больше не беспокоился о подобных пустяках. Бальные платья – это прекрасно, но Вин, одетая в простой наряд, выглядела правильно. Ей так было гораздо удобнее.

Да и молодому королю, честно говоря, нравилось, как на ней сидит облегающая одежда.

Вин обычно позволяла противнику ударить первым – не изменила она своих привычек и сейчас. Хэм атаковал, посохи со стуком соприкоснулись, но, несмотря на свой вес, Вин удержала удар. После короткого обмена выпадами оба отскочили и настороженно закружились.

– Ставлю на девчонку.

Эленд повернулся и увидел, как по галерее к нему ковыляет Колченог. Приблизившись, тот со стуком положил на перила монету в десять мер. В ответ на улыбку Эленда генерал лишь сердито зыркнул – считалось, что именно так он и улыбался. Эленд довольно быстро сумел найти общий язык со всеми членами шайки Вин, за исключением Доксона, хотя привыкать к Колченогу пришлось дольше, чем к остальным. Коренастый, с лицом, походившим на уродливый ядовитый гриб, он всегда смотрел с неудовольствием, точно искоса; да и интонация у него была под стать.

Талантливый ремесленник и алломант-курильщик, Колченог теперь нечасто использовал свою силу. Большую часть года он провел в качестве генерала у Эленда. Можно лишь предпологать, где он выучился командовать солдатами, но получалось у него отменно. По всей видимости, это произошло там, где Колченог получил шрам на ноге – шрам, ставший причиной хромоты, из-за которой его и наградили соответствующим прозвищем.

– Они просто тренируются, Колченог, победителя не будет.

– Все закончится всерьез, – возразил генерал. – У них всегда так.

– Ты просишь меня сделать ставку против Вин. – Эленд явно колебался. – Это может быть опасно.

– Ну и что?

Похоже, в присутствии короля Колченог все еще чувствовал себя неловко. Чтобы не обижать его, Эленд вытащил монету.

– Интересно, где мой бестолковый племянник? – наблюдая за боем, спросил Колченог.

– Призрак? – удивился Эленд. – Он вернулся? Как же он пробрался в город?

Колченог лишь пожал плечами:

– Этим утром он кое-что оставил у меня на крыльце.

– Подарок?

– Деревянная безделица работы одного мастера-резчика из города Йельва. – Колченог фыркнул. – И еще записка: «Просто хотел показать тебе, на что способны настоящие резчики, старик».

Эленд только усмехнулся.

– Раньше щенки себе такого не позволяли, – одарив его неприятным взглядом, пробормотал Колченог. – Это вы, ребята, его испортили.

Понять, шутил он или говорил серьезно, еще никогда не удавалось. Был ли Колченог жестким человеком или просто выбрал мишенью для своих остроумий именно Эленда?

– Как там наше войско? – перевел он разговор на другую тему.

– Ужасно, – проворчал Колченог. – Тебе нужно войско? Дай мне больше года, чтобы научить их всему. Пока что я бы этих мальчишек не выпустил и против толпы старух, вооруженных палками.

«Великолепно!»

– Прямо сейчас, однако, нам особо нечем заняться, – продолжал Колченог. – Люди Страффа строят укрепления, но большей частью просто отдыхают. В атаку они пойдут не раньше конца недели.

Поединок Хэма и Вин продолжался. Пока, правда, все происходило достаточно медленно: громила делал паузы и объяснял, в чем суть той или иной стойки. Однако постепенно тренировочный бой становился все более интенсивным. Раунды заметно удлинились, оба бойца начали потеть, их ноги вздымали облачка пыли на плотно сбитой, черной как сажа земле.

Несмотря на абсурдную разницу в весе, размахе рук и подготовке, Вин была достойным противником для Хэма; Эленд почувствовал, как против собственной воли улыбается. То, что Вин особенная, Эленд понял еще два года назад, когда впервые увидел ее в бальном зале Вен-

черов. Но только сейчас начинал осознавать, сколько на самом деле в ней крылось этих самых особенностей.

Еще одна монета со стуком легла на деревянные перила.

– Я тоже ставлю на Вин.

Эленд повернулся и сразу нахмурился: какой-то солдат посмел...

– Кто... – И тут же осекся: борода нелепая, осанка слишком прямая, но самое главное – человека этого Эленд прекрасно знал.

– Неужели Призрак?

Парнишка прятал улыбку под бородой – по всей видимости, фальшивой.

– Я уж подумал, крикнуть, шо ли, прямо в ихние уши?

– Вседержитель, никак ты опять болтаешь на своем диалекте? – У Эленда сразу разболелась голова.

– О, – засмеялся Призрак, – просто случайный приступ ностальгии.

В его речи еще и сейчас слегка ощущался восточный акцент, но в первые несколько месяцев знакомства с мальчишкой Эленд не понимал почти ни слова. К счастью, Призрак перерос уличное аргю, как перерос и почти всю свою одежду. Теперь шестнадцатилетний парень больше шести футов ростом почти не напоминал долговязого подростка, с которым Эленд познакомился год назад.

Облокотившись на перила рядом с Элендом, Призрак немедленно превратился из солдата в ленивого юнца.

– Ну и к чему этот маскарад? – нахмурился король.

– Я ведь не рожденный туманом. Мы, обычные шпионы, не летаем возле окон снаружи, чтобы подслушивать, – у нас другие способы собирать информацию.

– И как давно ты там стоял? – уставившись на племянника, поинтересовался Колченог.

– Незадолго до тебя, дядюшка Ворчун. И заодно отвечаю на второй твой вопрос: вернулся я пару дней назад. До приезда Доксона, вообще-то. Решил перед тем, как приступить к исполнению своих обязанностей, немного отдохнуть.

– На тот случай, если ты вдруг забыл, Призрак, у нас тут война, – заметил Эленд. – А она, как известно, мало располагает к отдыху.

Призрак пожал плечами:

– Просто я не хотел, чтобы меня опять отослали. Если начнется война, я лучше останусь здесь – хоть немного развлекусь.

– Форму-то где взял? – фыркнув, продолжил свой допрос Колченог.

– Э-э... ну... – Призрак отвел взгляд, превратившись на миг в застенчивого ребенка.

Колченог пробормотал что-то о неугомонных мальчишках, но Эленд только рассмеялся и похлопал Призрака по плечу. Парнишка заулыбался: не так-то легко было доказать, что ты являешься столь же ценным, как и любой другой член бывшей шайки Вин. Как ищейка – туманщик, который воспламеняет олово, чтобы обострить свои чувства, – Призрак мог издали подслушивать разговоры, не говоря уже о том, чтобы подмечать мелочи, находившиеся в отдалении.

– Как бы то ни было, я приветствую тебя здесь, – сказал Эленд. – Что нового на западе?

– Ненавижу говорить, как дядюшка Ворчун, – сразу перестал улыбаться Призрак, – но новости неважные. Вы ведь знаете о слухах, что атиум Вседержителя хранится в Лютадели? Ну так вот, они опять звучат повсюду. И на этот раз куда громче.

– Я думал, мы с этим разобрались! – воскликнул Эленд.

Бриз и его люди потратили почти шесть месяцев, распространяя слухи и манипулируя военачальниками, чтобы те поверили, будто атиум спрятан в другом городе, поскольку Эленд так и не нашел его в Лютадели.

– Видимо, нет, – покачал головой Призрак. – И еще... у меня ощущение, будто слухи кто-то распускает нарочно. Я достаточно много времени провел на улицах и уверен, что эти слухи с душком. Кто-то сильно хочет, чтобы захватчики со всех концов империи сосредоточили внимание на вас.

«Отлично», – подумал Эленд.

– А ты, случайно, не знаешь, где Бриз?

Вместо ответа Призрак пожал плечами, и Эленд заметил, что все его внимание переключилось на поединок. Вслед за Призраком повернувшись в сторону Хэма и Вин, Эленд увидел, что эта пара, как и предсказывал Колченог, перешла к более серьезным действиям. Больше не было инструкций, не было быстрых, повторяющихся ударов – теперь противники уже дрались по-настоящему, словно два вихря из посохов и пыли. Только пепел, поднятый взмахами оружия, летал вокруг, и все больше солдат подходили к окружающим двор галереям, чтобы посмотреть.

Эленд подался вперед. Вин попробовала атаковать, однако посох Хэма, ослепительно быстрый, словно взлетел. Каким-то образом Вин успела подставить оружие – силой удара ее отбросило назад. Она упала, ударившись плечом, вскрикнула, но тут же оттолкнулась одной рукой, подпрыгнула и приземлилась на ноги. Восстанавливая равновесие, замерла на миг с посохом наготове.

«Пьютер», – понял Эленд. Даже неуклюжий человек становился ловким с его помощью. Тот же, кто обычно был грациозен, как Вин...

Глаза ее сузились, губы упрямо сжались. Она не любила проигрывать, даже если противник попадался ощутимо сильнее.

Эленд уже выпрямился, собираясь предложить завершить тренировочный бой, но в этот момент Вин метнулась вперед.

Хэм поднял свой посох, выжидая, и замахнулся, когда Вин оказалась в пределах досягаемости. Увернулась, проскочив в каком-то дюйме от линии атаки, и обрушила свой посох на посох Хэма сзади, выведя его из равновесия. Снова нырнула, атакуя. Однако громила очень быстро очухался: позволил силе удара закружить себя и, используя инерцию, могучим взмахом направил посох прямо в грудь Вин.

Эленд закричал – Вин прыгнула.

У нее не было металла, чтоб оттолкнуться, но это, похоже, не имело значения. Вин взвилась на добрых семь футов, оказавшись над посохом Хэма; перевернулась, уходя от очередного замаха; собственный ее посох вращался, удерживаемый одной рукой. Когда Вин приземлилась, он просвистел в низком замахе; взметнув облако пепла, посох прочертил линию на земле и ударил Хэма сзади по ногам. Рухнув на спину, тот закричал – Вин вскочила ему на грудь и концом посоха легонько стукнула по лбу.

– Я выиграла.

Громила лежал, явно потрясенный; Вин, скорчившись, сидела у него на груди, а вокруг тихонько оседали пыль и пепел.

– Будь я проклят... – прошептал Призрак, озвучив, вероятно, то, что могли бы сказать с десятков наблюдавших за поединком солдат.

Наконец Хэм негромко рассмеялся:

– Ты победила, согласен, ну а теперь, будь добра, принеси мне что-нибудь выпить, пока я буду приводить в порядок ноги.

Улыбнувшись, Вин спрыгнула на землю и убежала прочь. Хэм затряс головой, поднялся. Он едва прихрамывал, и у него наверняка остались синяки, но ненадолго. Пьютер не только увеличивал силу, чувство равновесия и скорость, он также способствовал заживлению. Громила смог встать и отряхнуться после удара, который, вне всякого сомнения, раздробил бы ноги Эленду.

Подойдя к ним, Хэм кивнул Колченогу, по-дружески пихнул Призрака в плечо. Потом облокотился на перила и, слегка морщась, потер левую икру:

– Чтоб я сдох, Эл! Иногда тренировка с этой девчонкой похожа на сражение с порывом ветра. Ее никогда нет там, где она вроде бы должна находиться.

– Как она это сделала, Хэм? – спросил Эленд. – Я о прыжке. Человек на такое не способен, даже алломант.

– Это все сталь, да? – предположил Призрак.

– Не думаю, – покачал головой Хэм.

– Тогда каким образом?

– Алломанты черпают силы из металлов. – Громила со вздохом опустил на больную ногу. – Кто-то может выжать больше, чем остальные, но так или иначе, настоящая сила происходит из металла как такового, а не из тела человека.

– И что?

– А то, – продолжал Хэм, – что алломанту не обязательно быть физически сильным, чтобы сделаться невероятно мощным. Вот у ферухимиков все иначе: если увидишь когда-нибудь, как Сэйзед увеличивает свою силу, то заметишь, что его мышцы становятся больше. Но с алломантией вся сила идет прямо из металла. Правда, большинство громил, включая меня, считают, что если тело станет сильнее, то и алломантическая мощь возрастет. В конце концов мускулистый человек, воспламенивший пьютер, окажется намного сильнее человека с обычным телосложением, обладающего той же самой алломантической способностью.

Хэм потер подбородок, глядя в ту сторону, куда ушла Вин.

– Но... хм, я начинаю думать, что все обстоит по-другому. Вин малышка, но когда она поджигает пьютер, ее сила возрастает в несколько раз по сравнению с силой обычного бойца. Вся эта мощь уместается в маленьком теле, и ей не нужно беспокоиться о том, сколько весят ее мышцы. Она как... насекомое. Намного сильнее, чем можно было бы предположить по ее весу или росту. Поэтому когда Вин прыгает, то и прыгает выше.

– Но ты все же сильнее, чем она, – заметил Призрак.

– Да, – кивнул Хэм. – Но я смогу этим воспользоваться, если когда-нибудь сумею ее ударить. Что, я вам скажу, с каждым разом становится все труднее.

Вин наконец-то вернулась с кувшином охлажденного сока в руках – видимо, решила прогуляться до склада, а не довольствоваться теплым элем, который держали во дворе. Хэму она вручила флягу, а для Эленда и Колченога принесла кружки.

– Эй! – возмутился Призрак, глядя, как она наливает сок. – А мне?

– С бородой ты выглядишь глупо, – парировала Вин.

– И поэтому ты не дашь мне выпить?

– Точно.

– Странная ты девчонка, – не сразу нашелся что ответить Призрак.

Рожденная туманом посмотрела на стоявшую в углу двора бочку с водой, и тут же одна из лежавших рядом оловянных кружек, взметнувшись в воздух, пролетела через двор. Поймав кружку, Вин поставила ее на перила перед Призраком.

– Доволен?

– Буду доволен, когда нальешь, – проворчал Призрак.

Потягивавший свой сок Колченог фыркнул, потом протянул руку, зацепил две монеты из тех, что лежали на перилах, и положил себе в карман.

– А, точно! – спохватился Призрак. – Ты мне должен, Эл, так что давай плати.

– А разве я говорил, что согласен на пари?

– Ты заплатил невыносимому дядюшке. А мне?

Помедлив, Эленд все-таки вытащил монету в десять мер и положил напротив монеты Призрака. Мальчишка улыбнулся и схватил обе изящным жестом уличного вора.

– Спасибо, что выиграла схватку, – подмигнул он Вин.

Вин хмуро посмотрела на Эленда:

– Ты ставил против меня?

– Я не хотел – это все Колченог. – И Эленд со смехом перегнулся через перила, чтобы ее поцеловать.

Фыркнув в очередной раз, старый генерал опустошил кружку и потянулся за добавкой, но, поскольку Вин не отреагировала, глянул на племянника многозначительно и сердито. Тот вздохнул и, взяв кувшин, налил дядюшке сока.

Вин продолжала с неудовольствием смотреть на Эленда.

– Я бы на твоём месте поберегся, – усмехнулся Хэм. – Рука у нее ой какая тяжелая...

– И о чем я только думал, поставив против нее, – подыграл Эленд. – Когда вокруг столько оружия валяется, а?

– И не говори, – согласился Хэм.

В конце концов Вин тоже хмыкнула и обошла перила, чтобы встать рядом с Элендом. Притянув ее, молодой король заметил, как в глазах Призрака мелькнула искра чистой зависти. Эленд подозревал, что парнишка был некоторое время увлечен Вин, только как он мог его за это винить.

– Мне нужно найти себе подружку, – сокрушенно покачал головой Призрак.

– Ну, борода тебе в этом вряд ли поможет, – немедленно откликнулась Вин.

– Это же просто маскировка. Я так понимаю, Эл, никакого титула ты мне не дашь?

– Не думаю, что это имеет значение, Призрак.

– Но у тебя же получилось!

– О, я даже не знаю. По-моему, Вин полюбила меня несмотря на титул, а не благодаря ему.

– Но до нее-то, небось, были и другие, – подмигнул Призрак. – Знатные девчонки.

– Была парочка, – признался Эленд.

– Хотя у Вин привычка конкурентов убивать, – съязвил Хэм.

– Удивительно, но она такое сделала только один раз. И я уверен, Шэн получила по заслугам: она ведь как раз тогда пыталась меня убить. – Эленд с нежностью посмотрел на Вин. – Признаюсь, по отношению к другим женщинам Вин жестока, но рядом с ней все они кажутся пустыми.

– А мне вот больше по нраву, когда она их убивает. – Призрак умильно глянул на Хэма.

– Только Вседержитель знает, – тот плеснул парнишке еще сока, – что она сделает с тобой, если ты попытаешься ее бросить, Эл.

Вин сразу точно одеревенела и крепче прижалась к Эленду. Ее слишком часто бросали. Даже после того, что они вместе перенесли, даже после того, как он сделал ей предложение, Эленд должен был постоянно повторять Вин, что никогда ее не покинет.

«Пора менять тему», – решил Эленд, почувствовав, как испаряется веселость момента.

– Ну хорошо, – сказал он вслух. – Я собираюсь навестить кухню и раздобыть чего-нибудь съестного. Ты со мной, Вин?

Прежде чем кивнуть, она посмотрела на небо, видимо прикидывая, как скоро должно стемнеть.

– Я с вами! – радостно выпалил Призрак.

– Никуда ты не пойдешь, – хватая парнишку за шиворот, возразил Колченог. – Ты остаешься тут и расскажешь, откуда взял униформу.

Уходя вместе с Вин, Эленд продолжал невольно улыбаться. Несмотря на чуть подпорченное завершение беседы, он был рад, что выбрался посмотреть тренировочный бой. Просто удивительно, как члены шайки Кельсера умудрялись смеяться и находить светлые стороны, казалось бы, в самых безнадежных ситуациях. Благодаря им хоть ненадолго, но удалось забыть

о проблемах. Наверно, таково было наследие, доставшееся от Выжившего: Кельсер уверял, что смеяться надо, даже если дела совсем плохи. Видимо, и в этом тоже заключался его протест.

Разумеется, смех не избавлял от проблем. Королевству Эленда по-прежнему противостояло войско, в несколько раз превышавшее собственное, но если кто-то и мог в такой ситуации выжить, то лишь шайка Кельсера.

* * *

Когда, основательно подкрепившись, Вин и Эленд вернулись в свои покои, то обнаружили там точную копию волкодава, которого Вин принесла утром. Пес почтительно склонил голову и непривычно низким глухим голосом произнес:

– Наконец-то вы вернулись, хозяйка.

Эленд удивленно присвистнул, Вин, внимательно приглядываясь, обошла создание по кругу. Каждая шерстинка находилась в точности на своем месте. Если не знать, отличить эту «собаку» от настоящей было невозможно.

– Как же ты справился с голосом? – изумился Эленд.

– Голос строится из плоти, а не из костей, ваше величество, – начал объяснять Ор-Сьер. – Зрелые кандра умеют управлять телами, а не просто повторять их. Мне все еще нужно поглотить тело человека, чтобы запомнить и воссоздать его точные черты, однако я могу и импровизировать.

– Знаю, – кивнула Вин. – Поэтому воспроизведение этого тела и заняло больше времени, чем обычно.

– Нет, госпожа, – возразил Ор-Сьер. – Все дело в шерсти. Прошу прощения, что не предупредил, но размещение шерсти вроде этой требует аккуратности и дополнительных усилий.

– Ты говорил, я помню, – отмахнулась Вин.

– И что ты думаешь о своем новом теле, Ор-Сьер? – поинтересовался Эленд.

– Честно, ваше величество?

– Разумеется.

– Это оскорбительно и унижительно, – отрезал Ор-Сьер.

Вин удивленно приподняла бровь: «А ты, оказывается, умеешь быть прямолинейным, Рену. Решил объявить мне войну?»

Ор-Сьер смотрел прямо на нее, однако прочитать эмоции на собачьей морде было невозможно.

– И тем не менее, – продолжал Эленд, – ты все же будешь носить это тело, да?

– Конечно, ваше величество. Я скорее умру, чем нарушу Договор. Такова моя природа. Желая подчеркнуть важность прозвучавшего только что, Эленд повернулся к Вин.

«Любой может говорить о верности, – подумала она. – Если существует Договор, которым закрепляется честь, тем лучше. Когда нарушаются обещания – эффектнее сюрприз».

Эленд, очевидно, чего-то ждал. Вин вздохнула:

– Ор-Сьер, теперь мы будем проводить больше времени вместе.

– Как пожелаете, госпожа.

– Не уверена, что очень этого хочу, но придется, – прибавила Вин. – Насколько хорошо ты можешь двигаться в этом теле?

– Достаточно хорошо, госпожа.

– Тогда пошли. Проверим, сумеешь ли ты не отставать.

7

Еще я очень боюсь, что все, что я знал, – вся моя история – забудется. Боюсь грядущего нового мира. Боюсь провала своих планов. Боюсь злого рока, который будет даже хуже Бездны.

Сэйзеду и в голову не приходило, что когда-нибудь он оценит земляные полы. А они, между прочим, оказались очень полезными. Длинной палкой террисиец нарисовал несколько слов прямо на земле, и полдюжата учеников, подражая образцу, принялись старательно царапать собственные копии, переписывая каждое слово по нескольку раз.

Даже после года, проведенного среди разных групп скаа, Сэйзед все еще удивлялся их бедности. Во всей деревне не нашлось кусочка мела, не говоря уже о чернилах или бумаге. Половина детей бегала по округе голышом, а единственным убежищем являлись лачуги – длинные строения с одной комнатой под залатанными крышами. У скаа, к счастью, имелся кое-какой сельскохозяйственный инвентарь, однако и в помине не было луков или рогаток для охоты.

Сэйзед организовал экспедицию по сбору полезных вещей в заброшенном особняке бывшего хозяина плантации. Добыча оказалась мизерной. Террисиец предложил старейшинам деревни переселить людей на зиму в особняк, но сомневался, что они согласятся. Даже те, кто все же рискнул туда заглянуть, боялись далеко отходить от Сэйзед. Это место напоминало о лордах, а лорды практически у любого скаа ассоциировались с болью и страданиями.

Ученики продолжали рисовать каракули. Очень непросто оказалось объяснить старейшинам, почему научиться писать так важно. В конце концов все же выбрали нескольких учеников, однако Сэйзед не сомневался, что исключительно из желания сделать ему приятное. Он медленно покачал головой, наблюдая за тем, как они писали, – ни малейшего энтузиазма. Скаа пришли, потому что им приказали и потому что так пожелал «мастер Террисиец», а вовсе не из-за того, что у них было настоящее желание учиться.

В дни до Крушения Сэйзед часто пытался представить, каким станет мир без Вседержителя. Думал о хранителях, которые принесут забытое знание и истины взволнованному, благодарному народу. Воображал, как будет учить по вечерам, перед теплым очагом, рассказывать истории, а люди будут с жадностью слушать. Он и представить себе не мог нищую, лишенную работоспособных мужчин деревню, чьи жители слишком измотаны по вечерам, чтобы интересоваться сказками и легендами прошлого. И конечно же, не подозревал, что вместо благодарности станет вызывать почти раздражение.

«Надо терпеть», – строго сказал себе Сэйзед.

Прежние мечты теперь казались ему порождением гордыни. Сотни хранителей умерли ради безопасности собранных знаний и никогда не ждали благодарности или награды. Они творили свое великое дело, оставаясь в печальной безвестности.

Сэйзед поднялся и принялся изучать написанное учениками. Пока успехи выглядели скромно, но все же теперь эти скаа могли распознать буквы. Что ж, для начала сойдет. Кивком Сэйзед дал знать, что на сегодня урок закончен и можно расходиться по домам.

Ученики с поклоном разошлись. Террисиец вышел следом и только тут заметил, насколько стемнело: оказывается, он задержал их допоздна. Расстроенный, Сэйзед медленно шагнул между похожими на холмы лачугами. Он по-прежнему носил покрытые разноцветными узорами в форме буквы «V» одежды слуги и снова вддел в уши несколько серег. Старые привычки являлись символом угнетения, но они, по крайней мере, были знакомы. Интересно, как будут одеваться будущие поколения террисийцев? Станет ли образ жизни, навязанный им Вседержителем, неотъемлемой частью их культуры?

На краю деревни Сэйзед приостановился. Тропа вела в заполненную черной землей, пересеченную коричневыми лозами и кустарником южную долину. Никаких туманов, конечно, – туманы приходили только по ночам. Истории, которые слышал террисиец, не могли быть правдой. То, что он видел, разумеется, оказалось случайностью.

Да пусть даже и не случайностью – какая разница? Он не обязан расследовать каждое явление. Теперь, после Крушения, Сэйзед должен распространять знания, а не тратить время в погоне за глупыми байками. Хранители больше не были исследователями – они стали учителями. Сэйзед нес в себе тысячи книг – информацию о земледелии, санитарии, управлении и медицине, и все это требовалось скаа. Так решил Синод.

И все же глубоко в душе Сэйзед чувствовал себя виноватым: крестьянам необходимы его знания, и он горячо желал помочь им, однако... Террисийцу казалось, будто он что-то упускает. Вседержитель умер, но история, похоже, не закончилась. Неужели он, Сэйзед, что-то проглядел? Что-то более существенное, чем сам Вседержитель? Слишком огромное и масштабное, чтобы заметить?

«Или я просто хочу, чтобы было что-то еще? Большую часть своей зрелой жизни я сопротивлялся, рисковал – безумствовал, с точки зрения остальных хранителей. Я не смог довольствоваться содействием – мне представлялось необходимым принять участие в восстании».

Несмотря на успех, последнего собрата Сэйзеда так ему и не простили. Вин и остальные считали Сэйзеда смирным, однако по сравнению с другими хранителями он казался просто бунтарем. Безрассудный дурак, недостойный доверия, который своим нетерпением представлял угрозу для всего ордена. Ферухимики верили, что их долг – ждать того дня, когда уйдет Вседержитель; их ведь слишком мало, чтобы рисковать, принимая участие в открытом бунте.

Сэйзед же поступил по-своему, а теперь ему претила мирная жизнь учителя. Действительно ли он подозревал, будто люди по-прежнему в опасности? Или просто не мог смириться, что оказался на обочине?

– Мастер Террисиец! – В голосе явственно прозвучал ужас.

Сэйзед повернулся: «Еще одна смерть в тумане?»

Было жутко оттого, что остальные скаа оставались в своих лачугах. Несколько дверей скрипнули, но никто не выбежал в тревоге – или хотя бы из любопытства, – когда кричавшая женщина бросилась к Сэйзеду. Плотного телосложения, средних лет – одна из тех, кто работал в поле. Пока она приближалась, Сэйзед проверил свои резервы: хранившая силу пьютерная метапамять и очень маленькое стальное кольцо со скоростью. Как жаль, что он не надел сегодня еще хоть несколько браслетов...

– Мастер Террисиец! – женщина с трудом перевела дыхание. – Ох, он вернулся! Он пришел за нами!

– Кто? Человек, который умер в тумане?

– Нет, мастер Террисиец. Вседержитель.

* * *

Он стоял на краю деревни. Уже темнело, и женщина, позвавшая Сэйзеда, в страхе заби-лась в свою лачугу. Сэйзед мог только гадать, что чувствовали бедные крестьяне: с одной сто-

роны, ужас перед ночью и туманами, с другой – новая опасность, подстерегавшая сейчас снаружи.

Картина казалась и впрямь зловещей. Незнакомец, почти такой же рослый, как Сэйзед, весь в черном, ждал посреди дороги. У него была наголо обритая голова, а все украшения состояли – если, конечно, можно так выразиться – из пронзавших глаза массивных железных штырей.

Не Вседержитель – всего лишь Стальной инквизитор.

Сэйзед по-прежнему не понимал, как эти создания могли оставаться в живых. Штыри, ровно такой толщины, чтобы заполнить глазницы, заостренными концами выпирали из задней части черепа. И что самое странное – из ран не текла кровь.

К счастью, с этим инквизитором Сэйзед был знаком.

– Марш, – позвал он негромко.

Вокруг уже начал собираться туман.

– Тебя очень трудно выследить, террисиец, – откликнулся Марш, и звук его голоса потряс Сэйзеда.

Голос ощутимо изменился: стал более скрипучим, более жестким, словно у человека, страдающего кашлем. Впрочем, подобные голоса были у всех инквизиторов, которых доводилось слышать хранителю.

– Выследить? – переспросил террисиец. – Вот уж не думал, что кому-нибудь понадобится меня искать.

– Не имеет значения, – отрезал Марш, поворачиваясь лицом к югу. – Мне понадобилось. Пойдешь со мной.

– Что? – нахмурился Сэйзед. – У меня тут дела, Марш.

– Неважно, – вновь обратился на террисийца слепой взгляд инквизитор.

«Не только голос, а и сам он изменился с момента нашей последней встречи, или мне это только кажется?» – с невольным содроганием подумал Сэйзед, однако виду не подал.

– Что происходит, Марш?

– Обитель Серан опустела.

Обитель была крепостью братства на юге – местом, куда инквизиторы и высокие поручители Церкви Вседержителя удалились после Крушения.

– Опустела? – поразился Сэйзед. – По-моему, это невозможно.

– Но это правда. – Марш не двигался – ни единого жеста, сопровождавшего слова, ни единого движения мышц лица.

– Я... – Сэйзед отвернулся.

«Интересно, что за сведения, что за чудеса или секреты хранятся в библиотеках Обители?»

– Ты должен пойти со мной, – продолжал Марш. – Мне может понадобиться твоя помощь, если мои собратья вдруг нас обнаружат.

«Мои собратья. С каких это пор инквизиторы стали собратьями Марша?»

Он внедрился в их число, выполняя часть плана Кельсера по свержению Последней империи. Для инквизиторов Марш был предателем, а не собратом.

Сэйзед медлил. В тусклом свете профиль инквизитора казался... неестественным, сбивающим с толку. Опасным.

«Не будь дураком, он родной брат Кельсера», – отругал себя Сэйзед.

Как инквизитор, Марш обладал властью в Стальном братстве, и многие поручители прислушивались к нему, несмотря на его связь с бунтовщиками. Он столько сделал для юного королевства Эленда Венчера и, возможно, сколько еще сделает...

– Собирай вещи, – скомандовал Марш.

«Мое место здесь, – мысленно внушал себе Сэйзед. – Я должен учить людей, а не шататься по стране, ублажая собственное тщеславие».

И все же...

– Туманы приходят днем, – тихо проговорил инквизитор.

Террисиец повернулся. Марш смотрел прямо на него – головки штырей, словно круглые диски, блестели в последних лучах заходящего солнца. Суеверные скаа верили, что инквизиторы способны читать мысли, но Сэйзед знал, что это глупость: инквизиторы обладали силой рожденных туманом и потому могли влиять на эмоции людей, но читать мысли не умели.

– Почему ты это сказал? – спросил Сэйзед.

– Потому что это правда. Ничего не закончилось. Ничего еще даже и не начиналось. Все-держитель... был просто отсрочкой. Мелкой сошкой. Теперь, когда его нет, у нас осталось мало времени. Идем со мной в Обитель – мы должны обыскать ее, пока еще есть такая возможность.

Чуть помедлив, Сэйзед все же кивнул:

– Только сначала мне нужно все объяснить крестьянам. Думаю, к ночи мы сможем двинуться в путь.

В ожидании Сэйзеда Марш даже не шелохнулся – так и остался стоять в темноте, окутанный клубившимся туманом.

8

Мыслями я все время возвращаюсь к бедняге Аленди. Мне жаль его – жаль, что ему пришлось столько перенести. Жаль, что ему пришлось стать таким, какой он сейчас.

Вин бросилась в туман. Она парила в ночном воздухе, пронеслась над спящими домами и улицами. Случайный, едва заметный огонек светился внизу – дежурный патруль или, возможно, припозднившийся бедолага-путешественник.

Начав падать, рожденная туманом бросила монету, которая нырнула вниз, в тихие глубины. Однако как только кусочек металла коснулся мостовой, алломантический толчок поднял Вин и она вновь взмыла в воздух. Плавные прыжки были очень трудны, потому что, когда отталкиваешься, алломантическая сила подбрасывает, заставляя двигаться с ужасающей быстротой. Рожденные туманом не летали, словно птицы, а носились, как рикошетирующие стрелы.

И все-таки в таком передвижении присутствовала своя грация. Возносясь над городом, Вин глубоко вдыхала, точно пробуя на вкус холодный влажный воздух. Днем в Лютадели пахло кузницей, разогретым на солнце мусором и пеплом, что сыпался с неба, а вот ночью, с приходом тумана, воздух делался по-особому свежим, почти чистым.

Достигнув высшей точки прыжка, Вин зависла на краткий миг – и камнем ринулась вниз. Ленты туманного плаща развевались, путаясь с волосами. Она падала, закрыв глаза, и вспоминала первые недели в тумане, первые тренировки под спокойным, но обидительным руководством Кельсера. Это он подарил ей... свободу. И сейчас, два года спустя, Вин так и не утратила опьяняющего ощущения чуда, которое охватывало каждый раз во время парения в тумане.

Не открывая глаз, она подожгла сталь и даже сквозь опущенные веки увидела веер нитевидных голубых линий. Выбрав две из них, показывавшие на что-то внизу, во тьме, оттолкнулась и вновь взлетела по дуге.

«Как же я без этого жила?» – подумала Вин, открывая глаза и резко отбрасывая назад полы туманного плаща.

В следующий раз, начав терять высоту, она не стала бросать монету, а подожгла пьютер и опустилась на стену, окружавшую владения крепости Венчер. Бронза не показывала поблизости признаков деятельности алломантов, а сталь не открывала угрожавших крепости посторонних металлических объектов.

Нашупав пальцами ног каменный выступ, Вин присела на край стены. Олово делало кожу намного чувствительнее, поэтому скала показалась очень холодной. Кроме того, камень начал обрастать лишайником и явно нуждался в чистке. Неудивительно: ночная влажность и тень от ближайшей башни медленно, но верно делали свое дело.

Вин сидела неподвижно, наблюдая, как легкий ветерок играл облаками тумана. Внезапный шорох она уловила прежде, чем услышала. Напряглась, проверяя запасы металлов... Внизу среди теней мелькнул силуэт волкодава.

Перед тем как спрыгнуть со стены, рожденная туманом бросила монету и легонько оттолкнулась, чтобы замедлить падение. Ор-Сьер ждал внизу.

– Ты быстро двигаешься, – одобительно заметила Вин.

– Мне пришлось всего лишь обежать вокруг дворцовых владений, госпожа.

– И все же на этот раз ты не отставал от меня и держался лучше, чем когда бы то ни было.

Похоже, тело волкодава способно двигаться быстрее человеческого.

– Видимо, да, – с неудовольствием признал Ор-Сьер.

– Сумеешь догнать меня в городе?

– Возможно, но если я вдруг потеряюсь, то вернусь сюда, чтобы вы смогли меня забрать.

Развернувшись, Вин ринулась вперед – Ор-Сьер потрусил следом.

«Посмотрим, как он выдержит более жесткую гонку», – думала она, воспламеняя пьютер.

Как всегда босиком, Вин неслась по прохладной брусчатке. Обычный человек никогда бы не смог двигаться с такой бешеной скоростью. Даже тренированный бегун уже давно бы утомился и сбавил темп.

Благодаря пьютеру Вин, однако, могла бежать часами. Металл наделял силой, придавал нереальное чувство равновесия, и она почти летела по темной, утопающей в тумане улице в облаке лент туманного плаща.

Ор-Сьер не отставал. Тяжело дыша, он вприпрыжку бежал за рожденной туманом, полностью сосредоточенный на преследовании.

«Впечатляет», – сворачивая в переулок, заметила про себя Вин.

Она легко преодолела забор футов шесть высотой, пересекла сад какого-то маленького особняка. Развернувшись, скользнула на влажной траве, и замерла. Впрочем, ждать почти не пришлось.

Темный собачий силуэт вынырнул из тумана, взвился над деревянным забором и оказался перед Вин. Присев на задние лапы и вывалив язык, Ор-Сьер застыл в ожидании. В глазах его светился вызов.

«Ладно, – вынимая горсть монет, подумала Вин. – Побежали дальше».

Она бросила монету и, кувырнувшись спиной вперед, взлетела. Покружилась в тумане, затем оттолкнулась от колодезного вборта и унеслась в сторону. Приземлившись на крышу, бросила еще одну монету и перепрыгнула на другую сторону улицы.

Не останавливаясь, Вин прыгала с крыши на крышу, при необходимости бросая монеты. Временами оглядываясь, она видела темную фигуру, которая не отставала. Будучи человеком, Ор-Сьер редко следовал за Вин: обычно они встречались в условленных местах. Двигаться в ночи, прыгая сквозь туман, – это так естественно для рожденного туманом. Понимал ли Эленд, о чем он просит, когда требовал брать с собой Ор-Сьера? Оставаясь внизу, на улицах, она подставлялась под удар.

На одной из крыш Вин резко остановилась, ухватила за каменный выступ и зависла на высоте третьего этажа, балансируя на самом краю. Внизу клубился туман и царил тишина.

«Что ж, я потратила не так уж много времени, – размышляла Вин. – Придется просто объяснить Эленду, что...»

Додумать она не успела: где-то поблизости раздался глухой стук и вскоре Ор-Сьер подбежал к хозяйке.

Вин нахмурилась. Она не останавливалась добрых десять минут, передвигаясь со скоростью, на какую был способен лишь рожденный туманом.

– Как... как ты сюда добрался? – требовательно спросила она.

– Выбрал здание пониже, с него перебрался на бараки, госпожа. Они так близко расположены друг к другу, что перепрыгивать с одного на другой нетрудно.

Должно быть, недоумение Вин было заметно, потому что Ор-Сьер продолжал:

– Я немного... поторопился в оценке этих костей, госпожа. Потрясающее обоняние... да в общем-то, все чувства достаточно остры. Выследить вас, даже в темноте, оказалось удивительно легко.

– Что ж... понятно, – кивнула Вин. – Ну, это, пожалуй, хорошо.

– Могу ли я узнать, госпожа, о цели данной погони?

– Обычная для меня ночь, – пожала плечами Вин.

– Мне показалось, вы всячески пытались оторваться. Будет очень сложно вас защищать, если вы не позволите оставаться рядом.

– Защищать меня? – переспросила Вин. – Разве ты умеешь драться?

– Договор запрещает мне убивать людей, но я мог бы, например, побежать за помощью, если она понадобится.

«Или бросить мне немного атиума в момент опасности, – призналась себе Вин. – Он прав: он может быть полезным. Отчего же я так не хочу брать его с собой?»

Она оглядела Ор-Сьера, который сидел неподвижно, только грудь тяжело поднималась и опускалась от усталости. Раньше Вин как-то не задумывалась, что кандра тоже дышат.

«Он сожрал Кельсера...»

– Пойдем, – сказала она вслух.

Затем, оттолкнувшись от монеты, прыгнула вниз – не оглядываясь, чтобы проверить, следует ли за ней Ор-Сьер.

Падая, Вин достала еще монету, но передумала и оттолкнулась от пролетающей мимо оконной скобы. Как и все рожденные туманом, она часто использовала монеты помельче. Эти кусочки металла были идеальны по размеру и весу для того, чтобы прыгать или стрелять. Благо их навалом.

Для большинства рожденных туманом стоимость выброшенной монетки или даже целого кошелька была несущественна. Однако Вин отличалась от большинства. Когда-то горсть мелочи представлялась ей настоящим сокровищем. Затянув потуже пояс, на эти деньги она могла прожить несколько недель. Главное, чтобы другие воры не узнали, что кому-то так повезло. За горсть мелочи могли запросто убить.

Хоть Вин больше и не приходилось голодать, в ее комнате на всякий случай всегда лежал пакет сушеных фруктов. Это была скорее привычка, чем необходимость. Вин не знала, как относиться к переменам, произошедшим в жизни. С одной стороны, не нужно думать о еде и крыше над головой, с другой – новые заботы выглядели поистине устрашающе. Заботы о будущем целого государства.

О будущем... народа.

Вин приземлилась на городскую стену, которая была выше и внушительнее укреплений дворца Венчеров. Забралась в просвет между двумя оборонительными зубцами и, подавшись вперед, устремила взгляд на вражеские костры. Она ни разу не встречала Страффа Венчера, но того, что рассказывал Эленд, хватало для беспокойства.

Расстроенная, Вин оттолкнулась от зубца и спрыгнула на галерею. Стоя у одного из мерлонов, она краем глаза видела, как Ор-Сьер рысью взбегал по крепостным ступеням. Приблизившись, он, как обычно, уселся на задние лапы и стал терпеливо ждать.

К лучшему или к худшему, но в жизни Вин не осталось простых проблем вроде голода и побоев. Юное королевство Эленда находилось в серьезной опасности, а она сожгла последний атиум, пытаясь выжить, – оставила короля беззащитным не только перед вражеским войском, но и перед любым наемным убийцей, который мог попытаться его устранить.

Убийцей вроде Наблюдателя? Загадочной фигурой, вмешавшейся в сражение с рожденным туманом, которого подослал Сетт. Чего он хочет? Почему следит за ней, а не за Элендом?

После некоторого раздумья Вин сунула руку в кошелёк и достала пластинку дюралюминия. В желудке все еще хранился запас, проглоченный ранее.

Многие века считалось, что существуют только десять алломантических металлов: четыре базовых и их сплавы, да еще атиум и золото. Но если алломантические металлы всегда шли парами, почему тогда считали парой атиум и золото? Ни один из них не являлся сплавом другого. В конце концов выяснилось, что они и не были парой: у каждого имелся собственный

сплав. Один из них – малатиум, так называемый одиннадцатый металл, – и дал Вин ключ, с помощью которого удалось победить Вседержителя.

Интересно, откуда Кельсер узнал про малатиум? Если Сэйзед все еще не обнаружил сведений об одиннадцатом металле, каким образом это удалось Выжившему? И тем не менее именно Кельсер нашел металл, позволивший уничтожить Вседержителя.

Вин провела пальцем по гладкой поверхности дюралюминиевой пластинки. Когда она в последний раз видела Сэйзеда, он показался расстроенным. Или, правильнее сказать, неудовлетворенным тем, что не смог найти даже намеков на предполагаемые легенды Кельсера. Покидая Лютадель, Сэйзед уверял, будто отправляется учить людей Последней империи. Будто таков его долг хранителя. Однако от внимания Вин не ускользнуло, что террисиец ушел на юг. Туда, где Кельсер, по его словам, обнаружил одиннадцатый металл.

«Возможно, и об этом металле тоже ходят слухи? – потирая дюралюминий, предположила Вин. – И эти слухи могли бы мне подсказать, как он работает?»

Любой из металлов давал мгновенный видимый эффект. Кроме меди. Медное облако, наоборот, скрывало алломанта от его собратьев, поэтому распознать ее внешнее воздействие было невозможно. А вдруг дюралюминий на нее похож? Ощутят ли что-нибудь другие алломанты, если Вин его применит? Алюминий заставлял металлы исчезнуть, а дюралюминий ему противоположен. Значит, теоретически он может продлить действие других металлов?

Что-то шевельнулось.

Вин уловила едва заметный намек на движение среди теней. Неужели опять туманная фигура – призрак, с которым она повстречалась прошлой ночью?

«Тебе померещилось, – подавляя всплеск первобытного ужаса, сказала себе Вин. – Ты слишком устала».

В самом деле, слабый отблеск движения был слишком темным – слишком настоящим, – чтобы оказаться той самой призрачной сущностью.

Это был он.

Наблюдатель стоял на вершине одной из сторожевых башен, выпрямившись во весь рост и даже не пытаясь спрятаться. Самоуверенность или просто глупость? Вин улыбнулась, мрачные предчувствия мгновенно уступили место возбуждению. Проверила запасы металлов. Отлично, теперь она готова.

«Этой ночью, дружище, я тебя поймаю...»

Вин повернулась, бросая веером монеты. Рожденный туманом или знал, что его заметили, или подготовился к нападению, но уклонился с легкостью. Ор-Сьер вскочил, завертелся волчком, и Вин сорвала с себя пояс, избавляясь от металла.

– Следуй за мной, если сумеешь, – шепнула она кандре и прыгнула в темноту следом за своей жертвой.

У Вин было мало опыта в погоне за другим рожденным туманом – единственный раз это произошло во время занятий с Кельсером. Вскоре она поняла, что с трудом успевает за Наблюдателем, и ощутила укол совести за эксперимент над Ор-Сьером. Теперь она на собственной шкуре почувствовала, как трудно следовать за рожденным туманом в его родной стихии. К тому же у нее не было собачьего нюха.

Правда, имелось олово. Оно делало ночь светлее и утончало слух. С его помощью Вин следовала за Наблюдателем, который явно двигался к центру города. В конце концов рожденный туманом нырнул в один из центральных скверов с фонтанами – Вин устремилась следом. Ударившись о скользкую брусчатку, воспламенила пьютер, увернулась от брошенной в ее сторону горсти монет.

Взорвав ночную тишину, они со звоном разлетелись, рассыпавшись перед статуями. Приземлившись на четвереньки, Вин тут же рванула вперед. Притянутая алломантией, одна из монет скользнула ей в ладонь.

Противник как раз в это время опустился на бордюр ближайшего фонтана. Вин бросила монету и, оттолкнувшись от нее, взмыла в воздух – Наблюдатель чуть пригнул голову, когда та пролетела над ним.

Выбрав одну из бронзовых статуй в центре самого фонтана, Вин притянула себя к ее верхней части и припала к неровной опоре. Наблюдатель, молчаливый, почти черный в клубящемся тумане, балансировал на одной ноге. В его позе явно чувствовался... вызов. Словно спрашивал: «Ну что, поймал меня?»

Вин мгновенно ответила: выхватила кинжалы и прыгнула – прямо к Наблюдателю, используя бронзовую фигуру как якорь.

Не тут-то было! Наблюдатель тоже использовал статую. Прошмыгнув понизу, он, подобно плоскому камню, с бешеной скоростью пронесся прямо по гладкой поверхности воды. Затем прыгнул на мостовую, оттолкнулся и вихрем понесся к площади. А Вин приземлилась на чашу фонтана. Зарычала, когда прохладная вода брызнула ей в лицо, и прыгнула следом.

Едва Вин оказалась рядом, противник выхватил кинжалы. Увернувшись от первой атаки, она подняла собственные, готовясь нанести два коротких прямых удара. Наблюдатель мгновенно отпрыгнул. Лезвия его кинжалов роняли блестящие капли, исполненное грациозной силы тело умелого бойца напряглось...

Вин улыбнулась. Как давно она этого не чувствовала... с тех давних ночей, когда сражалась с Кельсером. Оставаясь в низкой стойке, она ждала, наблюдая, как между ней и противником вьется, причудливо переплетаясь, туман.

«Почему он без плаща?» – вдруг спохватилась Вин.

Туманные плащи были знаком ее собратьев, символом их гордости и безопасности.

Было слишком далеко, чтобы Вин могла разглядеть лицо противника. Но ей померещилась тень улыбки, когда она отпрыгнула назад и оттолкнулась от другой статуи. Погоня началась заново.

Вин летела над городом, жгла сталь, прыгала по крышам и улицам. Скачками противники пронеслись через Лютадель, как носятся дети по детской площадке. Вин пыталась подрезать, но Наблюдатель оказался достаточно умен и ловок, чтобы все время оставаться немного впереди.

Он был удивительно хорош. Намного лучше любого другого рожденного туманом, с которым Вин когда-либо сталкивалась или о котором знала. За исключением Кельсера. Впрочем, она многому научилась с тех пор, как дралась с Выжившим. Мог ли этот неизвестный оказаться лучше? От подобной мысли становилось страшно. Вин всегда считала Кельсера воплощением алломантического мастерства, хотя... он ведь стал алломантом всего за несколько лет до Крушения.

«У Кельсера было столько же опыта, сколько у меня сейчас», – опутившись на маленькую тесную улицу, только сейчас сообразила Вин.

Она прыгнулась, стараясь двигаться как можно тише. Наблюдатель приземлился где-то поблизости.

Узенькая запущенная улица – почти переулок, ограниченный с обеих стороны трех- и четырехэтажными домами. Ни малейшего движения. Наблюдатель или ускользнул, или прятался. Вин воспламенила железо, но это не помогло: линии, указывающие на убежище противника, не появились.

Впрочем, существовал и другой способ...

Притворяясь, что все еще оглядывается по сторонам, она разожгла бронзу. Если Наблюдатель притаился внутри медного облака, бронза должна была помочь.

Так и вышло. Он прятался за неплотно запертыми ставнями в одной из комнат заброшенного дома. Теперь, когда Вин знала, где искать, она заприметила кусочек металла, который противник, возможно, использовал, чтобы запрыгнуть на второй этаж; видела замок, кото-

рый он должен был потянуть, чтобы закрыть за собой ставни. Предполагая здесь спрятаться, Наблюдатель наверняка изучил эту улицу заранее.

«Умно, – подумала Вин. – И очень предусмотрительно».

Невозможно было вычислить ее способность видеть сквозь медное облако. А вот стоит атаковать, и Вин себя мгновенно выдаст. Она представляла, как Наблюдатель скорчился наверху в ожидании. Напрасно, уходить Вин не собиралась.

С улыбкой она потянулась внутрь, изучая запас дюралюминия. Вот он шанс определить, создавало ли его горение какие-то внешние изменения, ощутимые для другого рожденного туманом! Наблюдатель, ожидая ее следующего хода, наверняка воспламенил большинство своих металлов.

Посчитав себя необыкновенно догадливой, Вин подожгла четырнадцатый металл.

И едва не оглохла. Потрясенная, она упала на колени, почти задыхаясь. Все вокруг стало нестерпимо ярким, будто некая вспышка энергии осветила улицу. И еще холод – леденящий, обездвиживающий холод.

Застонав, Вин попыталась понять, что это был за звук. Нет, не взрыв... скорее, множество взрывов. Ритмичное грохотание, словно где-то рядом били в барабан. Ее собственное сердце! Ночной бриз выл, словно ураган. Чесался голодный пес. Кто-то храпел. Слух Вин будто усилился в тысячу раз.

А потом... все пропало. Вин упала спиной на брусчатку, и внезапный натиск света, холода и звука исчез. Неясная фигура возникла поблизости, но разглядеть ее было невозможно – Вин больше не могла видеть в темноте. Значит, олово...

«Закончилось, – постепенно приходя в себя, поняла она. – Весь мой запас олова сгорел. Я... жгла его, когда воспламенила дюралюминий. Я зажгла их одновременно. В этом и секрет».

Дюралюминий спалил все олово в одной мощной вспышке. На очень короткое время это невероятно обострило чувства, но украло весь запас. Проверив, Вин убедилась, что бронза и пьютер – другие металлы, которые она жгла в тот момент, – также закончились. Наплыв чувственной информации был столь огромен, что девушка не заметила остального.

«Подумаю об этом позже», – тряхнув головой, сказала себе Вин.

Казалось, она почти оглохла и ослепла. Нет, не так... просто ощущала себя немного оглушенной.

Темная фигура двигалась сквозь туман. Вот она уже рядом – и совсем не осталось времени, чтобы... Усилием воли Вин заставила себя подняться; пошатываясь, с трудом удержалась на ногах. Нет, для Наблюдателя фигура казалась слишком маленькой. Это был...

– Госпожа, вам нужна помощь?

Ор-Сьер опустил на задние лапы.

– Ты... догнал меня, – поразила Вин.

– Это было непросто, госпожа. – Голос Ор-Сьера звучал спокойно и ровно. – Вам нужна помощь?

– Что? Нет, помощь не нужна. – Вин снова потрясла головой, надеясь, что мысли наконец прояснятся. – Кажется, кое о чем я не подумала, когда сделала тебя собакой. Теперь ты не сможешь носить для меня металлы.

Наклонив голову, кандра удалился обратно в переулок. Вернулся он буквально через несколько секунд, сжимая что-то в зубах. Ее пояс! Пояс, где хранились запасные флаконы с металлами...

– Спасибо, – вытащив один из них, улыбнулась Вин. – Это очень... предусмотрительно с твоей стороны.

– Я лишь выполняю Договор, госпожа, – уточнил кандра. – Только и всего.

«Ну, это больше того, что ты делал раньше», – подумала Вин, опустошая фиал.

Силы стали немедленно возвращаться. Первым делом она подожгла олово, восстанавливая ночное зрение, и сразу вздохнула свободнее: с тех пор как Вин открыла в себе силу, ей ни разу не приходилось выходить по ночам в полной темноте.

Ставни в комнате Наблюдателя были открыты: видимо, он удрал во время ее приступа.

– Госпожа! – рявкнул Ор-Сьер.

Вин повернулась. Позади нее бесшумно приземлился мужчина. Он выглядел... странно знакомым. Узкое лицо, темные волосы, голова чуть наклонена, словно в растерянности, и в глазах вопрос. Вин улыбнулась.

– Может быть, я просто хотела подманить тебя поближе, – прошептала она чуть слышно, но достаточно громко, чтобы слова достигли чутких из-за олова ушей.

Рожденный туманом улыбнулся в ответ и кивнул.

– Кто ты такой? – спросила Вин, делая шаг вперед.

– Враг, – выставя ладонь в предупреждающем жесте, ответил он.

Вин помедлила. На улице было тихо, лишь туман клубился вокруг.

– Почему ты помог мне победить тех убийц?

– Потому что я тоже безумен.

«Нет», – нахмурившись, подумала Вин, разглядывая стоящего перед ней мужчину.

Она видела безумие на лицах бродяг. Нет, этот человек не выглядел безумцем.

«Что за игру он ведет?»

Интуиция подсказывала, что надо вести себя осторожно. Вин совсем недавно научилась доверять друзьям и не собиралась бездумно бросаться навстречу человеку, с которым повстречалась в ночи.

Но все же прошло больше года с тех пор, как она в последний раз говорила с другим рожденным туманом. Вин раздирали противоречия, о которых она не могла рассказать другим. Даже туманчики вроде Хэма и Бриза не понимали странной двойной жизни рожденного туманом. Отчасти убийца, отчасти телохранитель, отчасти знатная женщина... отчасти робкая тихая девушка. Испытывал ли нечто похожее этот незнакомец?

А вдруг удастся сделать из него союзника, привести второго рожденного туманом на защиту Центрального доминиона? Если и нет, Вин точно не могла сражаться с ним. Тренировочный бой – это одно, но если в дело пойдет атиум, игра станет слишком опасной. Вин неминуемо проиграет.

Наблюдатель следил за ней внимательным взглядом.

– Я могу задать вопрос? – наконец снова заговорил он.

– Да.

– Ты действительно убила Его?

– Да, – прошептала Вин.

Существовал только один человек, о котором он мог говорить. Наблюдатель медленно кивнул:

– Почему ты играешь в их игры?

– Игры? – переспросила Вин.

Он жестом указал в туман, в сторону крепости Венчер.

– Это не игры, – горячо возразила Вин. – Люди, которых я люблю, в опасности.

Словно взвесив услышанное, Наблюдатель только покачал головой. Казалось, он был... разочарован. Потом что-то вытащил из-за пазухи.

Вин тотчас же отпрыгнула, однако он всего лишь бросил монетку. Несколько раз подпрыгнув, та замерла на мостовой, а Наблюдатель оттолкнулся и спиной вперед взлетел в воздух. Вин даже не шелохнулась – просто смотрела ему вслед. Потом подняла руку и потерла лоб: все еще казалось, вот-вот снова разболится голова.

– Вы отпускаете его? – спросил, видимо, слегка удивленный Ор-Сьер.

– На сегодня хватит. Он хорошо сражался.

– Я слышу в вашем голосе уважение, – заметил кандра.

Похоже, ему это здорово не нравилось, однако собачья морда не выражала и тени эмоций.

– Надо будет придумать для тебя упряжь или что-то в этом роде, – повязывая пояс у себя на талии, перевела разговор на другую тему Вин. – Чтобы ты мог носить с собой дополнительные флаконы.

– Упряжь не понадобится, госпожа, – возразил Ор-Сьер.

– Не понадобится? – переспросила Вин.

Ор-Сьер поднялся и подошел ближе:

– Пожалуйста, достаньте один из своих флаконов.

Не догадываясь, к чему это, Вин вытащила маленький стеклянный фиал. Ор-Сьер вернулся к ней плечом, и вдруг прямо на глазах шерсть его разделилась, плоть разошлась, обнажив вены и слои кожи. Вин невольно отпрянула.

– Не нужно беспокоиться, госпожа. Мое тело очень сильно отличается от вашего. Я... если можно так выразиться, лучше себя контролирую. Кладите сюда!

Стоило положить фиал с металлами прямо внутрь раскрытого плеча, как плоть тут же сомкнулась, будто ничего и не было. Для проверки, Вин подожгла железо – не появилось ни единого голубого луча, который указывал бы на спрятанный флакон. Металл в желудке человека не подчинялся другому алломанту; металл, штыри, пронзавшие тела инквизиторов, или собственная сережка Вин не могли притягиваться или отталкиваться кем-то еще. По всей видимости, металлы были так же недоступны и внутри кандры.

– Теперь я всегда смогу доставить вам это в случае необходимости, – пояснил Ор-Сьер.

– Спасибо.

– Договор, госпожа. Не благодарите: я всего лишь делаю то, что должен.

– Ну да, конечно, – задумчиво произнесла Вин. – Пора возвращаться во дворец, – прибавила она. – Надо проверить, как там Эленд.

9

Но позвольте мне начать сначала. Впервые я встретился с Алэнди в Хленниуме. Тогда он был обычным молодым парнем – десятилетия военных походов еще не оставили на нем своего следа.

Марш изменился. Бывший охотник стал... жестче. Он все время таращился на нечто невидимое Сэйзеду, на вопросы отвечал резко, да и вообще разговаривал с большой неохотой.

Конечно, Марш и раньше отличался прямолинейностью. Сэйзед осторожно наблюдал за своим другом, пока они вдвоем шагали по пыльной дороге. Даже если бы и удалось раздобыть лошадей, животные и близко не подпустили бы инквизитора.

«Какое же у Марша было прозвище? – пытался припомнить Сэйзед. – Ах да! Призрак говорил, до превращения его называли... Железный Глаз».

Имя оказалось до дрожи пророческим. Остальным членам шайки Кельсера стало неуютно в присутствии теперешнего Марша, и они старательно его избегали. Тот не возражал, но Сэйзед все же попытался с ним сблизиться, хоть и не был уверен, нужно ли это самому Маршу. Впрочем, они и в самом деле неплохо ладили: оба изучали естественные науки и историю, оба интересовались религиями Последней империи.

«Он искал меня и все-таки нашел, – думал Сэйзед. – Правда, сказал, что помощь ему потребуется, только если не все инквизиторы покинули Обитель Серан...»

Но это всего лишь отговорка. Несмотря на свои ферухимические способности, драться Сэйзед не умел.

– Ты должен вернуться в Лютадель, – заговорил вдруг Марш – как обычно, резко и без предисловий.

– Почему ты так думаешь?

– Ты им нужен.

– Тому, что осталось от Последней империи, я тоже нужен, Марш. Я хранитель, и отдельные люди не в праве распоряжаться мной, как им вздумается.

– Крестьяне забудут, что ты к ним приходил, – продолжал инквизитор. – То же, что вскоре произойдет в Центральном доминионе, будут помнить.

– Сдается мне, ты удивишься, когда узнаешь, что люди способны забыть очень многое. Войны и королевства только на первый взгляд кажутся важными. Даже Последняя империя оказалась не вечной. И теперь, когда она пала, у хранителей нет причин вмешиваться в политику.

«Многие бы сказали, что у нас их никогда и не было».

Марш повернулся. Эти глаза... глазницы, до краев заполненные сталью... Сэйзед не подал виду, но ему сразу стало не по себе.

– А твои друзья? – спросил Марш.

Сэйзед смутился – он ведь поклялся Кельсеру защищать Вин.

«Впрочем, вряд ли ей сейчас нужна моя защита, – размышлял хранитель. – Теперь она более искусный алломант, чем Кельсер».

С другой стороны, защищать кого-то не всегда равносильно тому, чтобы за него драться. Поддержка, совет, доброта важны для любого человека. А особенно для Вин: слишком многое лежало на плечах этой бедной девочки.

– Я... пытался помочь людям. По крайней мере, как мог.

– Этого мало, – не согласился Марш. – Ты недооцениваешь того, что происходит в Лютадели сейчас.

– Я не игнорирую, а всего лишь, насколько это в моих силах, исполняю свой долг.

Наконец-то Марш отвернулся:

– Неправильный долг. Ты вернешься в Лютадель, как только мы закончим тут.

Террисиец уже открыл рот, чтобы возразить, но промолчал. Что он мог сказать? Марш был прав. Сэйзед и сам чувствовал, что в Лютадели происходило нечто необыкновенно важное. Что, по всей видимости, сильно повлияет на будущее территории, называвшейся еще совсем недавно Последней империей. И он должен быть там, должен бороться... Поэтому Сэйзед закрыл рот и поспешил за Маршем. Он вернется в Лютадель и снова станет мятежником. Даже если потом поймет, что никакой угрозы не существовало, что он вернулся просто из-за собственного эгоистичного желания быть рядом с друзьями.

Вообще-то, террисиец очень надеялся на последнее. От мыслей об ином становилось как-то не по себе.

10

Первое, что меня поразило, – рост Аленди. Он возвышался над окружающими и, несмотря на молодость и скромную одежду, внушал уважение.

Зал Ассамблеи находился в бывшем здании Кантона финансов Стального братства. Помещение с низким потолком больше напоминало просторный читальный зал, чем зал собраний. В правой части сцены по приказу Эленда поставили скамейки для членов Ассамблеи, слева возвышалась трибуна для выступающих.

И хотя обращена она была не к зрителям, а к членам Ассамблеи, присутствие на заседаниях обычных людей всячески поощрялось. Эленд не понимал, как можно не интересоваться работой правительства, и искренне расстраивался, что на еженедельных заседаниях обычно собирается очень мало публики.

Место Вин было на сцене, но в задней ее части, прямо напротив зрителей. Вместе с другими телохранителями она наблюдала за толпой. Еще несколько подчинявшихся Хэму стражников – в обычной одежде – сидели в первом ряду зрительного зала, создавая первую линию защиты. Разумеется, это ужасно не нравилось Эленду. Уверенный, что телохранители за спиной ораторов будут отвлекать внимание, он пробовал сопротивляться, однако Хэм и особенно Вин настояли на своем. Во время выступления Эленда она непременно должна видеть и его самого, и всех, кто будет смотреть и слушать.

Таким образом, чтобы добраться до своего кресла, Вин приходилось пересекать сцену под пристальными взглядами публики. Кое-кто из зрителей любил скандальные новости. Вин считали любовницей Эленда, и то, что король спит со своим личным наемным убийцей, являлось отличным поводом для сплетен. Других интересовала политика – они задавались вопросом, насколько сильное влияние оказывает Вин на Эленда и можно ли использовать ее, чтобы добраться до ушей короля. Остальные просто не могли удержаться от любопытства и пялились на живую легенду, спрашивая себя, как могла девчонка вроде Вин расправиться с самим Вседержителем.

Ускорив шаг, Вин прошла мимо членов Ассамблеи и опустилась в кресло рядом с Хэмом. Несмотря на официальность мероприятия, громила, по своему обыкновению, надел жилет прямо на голое тело. Простые брюки и блуза Вин рядом с ним не так бросались в глаза.

Улыбнувшись, Хэм ласково похлопал ее по плечу – Вин едва не подскочила. Не потому, что Хэм ей не нравился, – совсем наоборот, Вин любила его, как и всех бывших членов шайки Кельсера. Просто... ей казалось, людям не следует столь небрежно прикасаться друг к другу. Вин взяла себя в руки: надо стать такой же, как все. Эленд заслуживает, чтобы его спутница была нормальной.

Отмечая ее прибытие, Эленд ласково кивнул – Вин улыбнулась в ответ, – потом вернулся к разговору с лордом Пенродом, знатным членом Ассамблеи. Беседовали они вполголоса.

– Эленд будет счастлив, – шепнула Вин. – Зал полон.

– Они волнуются, – тихо ответил Хэм. – А взволнованные люди больше внимания уделяют таким событиям. Не могу сказать, что очень уж рад: вся эта толпа осложняет нам работу.

Вин кивнула, разглядывая собравшихся. Публика была на удивление разношерстной; во времена Последней империи эти люди никогда не собрались бы под одной крышей. Большинство, конечно, составляли аристократы. Вин нахмурилась, вспомнив, сколь часто знатные горожане пытались манипулировать Элендом; вспомнила и обещания, которые он им давал...

– Чего так смотришь? – легонько толкнул ее локтем Хэм.

Глаза громилы азартно поблескивали на прямоугольном, с жесткими чертами лице. Хэм всегда чувствовал, когда кому-то хотелось поговорить о чем-то важном.

– Я не знаю, Хэм, как ко всему этому относиться, – со вздохом призналась Вин.

– Этому?

– Этому, – повторила Вин, махнув рукой в сторону Ассамблеи. – Эленд изо всех сил пытается сделать так, чтобы все были довольны: делится властью, деньгами...

– По-моему, он всего лишь добивается, чтобы у всех были равные возможности.

– Не только, Хэм, – возразила Вин. – Эленд будто решил превратить всех в аристократов.

– Разве это плохо?

– Если любой желающий сможет стать аристократом, то аристократия потеряет смысл. Все не могут быть богатыми, и все не могут нести ответственность. Так не бывает – мир устроен совсем по-другому.

– Возможно, – задумчиво произнес Хэм. – Но разве гражданский долг не обязывает Эленда всячески заботиться о справедливости, стремиться к ней?

«Гражданский долг? – подумала Вин. – Зря я затеяла этот разговор...»

Она с досадой опустила глаза:

– Просто я думаю, Эленд мог бы и понять, что было бы хорошо и без Ассамблеи. Депутаты только спорят и пытаются отнять у него власть. А он им потакает.

Хэм смолчал. Разговор увял, и Вин вернулась к наблюдению за публикой. Большая группа фабричных работников, видимо, прибыла первой и заняла лучшие места. В самом начале существования Ассамблеи – примерно десять месяцев назад – аристократы посылали слуг, чтобы те придерживали для них скамьи, или платили за места. Пока Эленд не запретил и то и другое.

Кроме аристократов и фабричных работников, присутствовало еще довольно много представителей «нового» класса. Торговцы и ремесленники-скаа, которым теперь позволялось самостоятельно определять цены на свои услуги. Именно они больше всех выиграли в результате экономических преобразований, устроенных Элендом. Под деспотичной властью Вседержителя лишь несколько самых талантливых скаа сумели добиться хоть отчасти приемлемых жизненных удобств. С отменой же прежних ограничений эти люди быстро доказали, что способностей и сообразительности у них ничуть не меньше, чем у знатных коллег. Их фракция в Ассамблее была по меньшей мере столь же влиятельной, как и фракция аристократов.

Правда, в толпе попадались и скаа, выглядевшие точно так же, как и до прихода к власти Эленда. Они, похоже, и не собирались, подобно аристократам, обзаводиться респектабельными костюмами и по-прежнему обходились без головных уборов и плащей. Более того, некоторые пришли прямо с работы в поношенной, покрытой пятнами сажи одежде.

И все-таки что-то в них и впрямь переменялось. Спины они держали немного прямее, головы поднимали немного выше. Но главное, у них появилось достаточно свободного времени, чтобы прийти на собрание Ассамблеи.

Наконец Эленд поднялся. Этим утром он позволил слугам себя одеть, в результате чего его наряд практически утратил признаки небрежности. Костюм сидел хорошо, все пуговицы застегнуты, и даже жилет подобран соответствующего темно-голубого цвета. Короткие каштановые кудри были аккуратно зачесаны назад.

Обычно король начинал заседание с вызова ораторов – членов Ассамблеи, которые часами монотонно бормотали о налогах или городской канализации. Однако на этот раз имелись более важные проблемы.

– Господа, – заговорил Эленд. – Прошу вас сегодня отойти от обычной повестки дня в связи с... текущим состоянием дел в городе.

Все двадцать четыре члена Ассамблеи закивали, лишь некоторые что-то пробурчали себе под нос. Эленд не обратил внимания. Он не боялся толпы – в этом они с Вин сильно отличались друг от друга. Пока король говорил, рожденная туманом краем глаза следила за зрителями, высматривая тех, кто мог создать проблемы.

– Ни для кого не секрет, что наше положение весьма неприятно, – перешел Эленд к заготовленной речи. – Мы столкнулись с угрозой, доселе этому городу неведомой. Нас держит в осаде чужеземный захватчик.

Мы новое государство – королевство, основанное на идеях, неизвестных в дни Вседержителя. Но в то же самое время мы уже успели стать королевством с собственными традициями. Свобода для скаа. Правление по нашему собственному выбору и по нашим собственным правилам. Аристократы, которые не должны прогибаться перед поручителями и инквизиторами Вседержителя.

Господа, одного года недостаточно. Мы познали вкус свободы, и, чтобы насладиться им, требуется время. На протяжении последнего месяца мы часто обсуждали, что делать, если наступит этот день. Очевидно, по данному вопросу у нас наблюдаются расхождения. Поэтому я прошу проголосовать единодушно. Давайте пообещаем себе и народу, что не сдадим город врагу без должных размышлений. Давайте будем собирать сведения, искать другие выходы из положения, даже сражаться, если это станет необходимым...

Речь продолжалась, но Вин слышала ее уже десятки раз, когда Эленд готовился. Поэтому, пока он говорил, наблюдала за толпой. Особое опасение вызывали сидевшие в заднем ряду поручители. Они словно и не заметили, в каком негативном свете их выставил Эленд.

Вин так и не поняла, почему он не распустил Стальное братство. Это было последнее, что осталось от власти Вседержителя. Большинство поручителей упрямо отказывались делиться с людьми Эленда опытом в управлении государством, да и на скаа они до сих пор смотрели пренебрежительно.

Но все-таки Эленд их пощадил. Он строго-настрого запретил поручителям заниматься подстрекательством к восстанию или иным насильственным действиям, однако даже не изгнал из города, как предлагала Вин. Хотя, будь ее воля, она бы их, пожалуй, всех казнила.

Между тем речь короля подошла к концу, и Вин вновь сосредоточилась на нем самом.

– Господа, – перешел к самому главному Эленд, – выношу на ваше рассмотрение документ, основанный на вере в наше общее дело, и поступаю так от лица всех, кого мы представляем. Я прошу дать мне время и предлагаю воздержаться от любых решений, затрагивающих будущее города, до тех пор, пока соответствующая королевская делегация не встретится с армией за пределами городских стен и не определит, насколько успешными могут быть переговоры, если они вообще возможны.

Эленд опустил лист с речью и выжидающе посмотрел на делегатов.

Первым откликнулся лорд Филен, представлявший в собрании торговцев. Роскошный костюм сидел на нем абсолютно естественно – постороннему человеку даже в голову не пришло бы, что подобную одежду Филен впервые примерил всего около года назад.

– Итак, вы просите, чтобы мы предоставили вам возможность решать судьбу Лютадели.

– Разве? – парировал Эленд. – Я просил дать мне время, чтобы встретиться со Страффом.

– Если Страфф отверг все наши предыдущие послания, – вмешался другой член Ассамблеи, – почему вы решили, что он будет слушать нас теперь?

– У нас неправильный подход к делу! – безапелляционно заявил один из аристократов. – Мы должны четко понимать, чего хотим. Не просто встретиться со Страффом Венчером и поточить лясы, а добиться от него обещания не атаковать. Необходимо как можно быстрее договориться о сотрудничестве. Все вы видели его войско. Да он собирается нас просто уничтожить!

– Попрошу! – Эленд поднял руку. – Попрошу не отклоняться от темы!

Его будто не слышали.

– Вы так говорите, – указывая на коллегу по Ассамблее, которого прервал Эленд, выкрикнул делегат от скаа, – потому что вы из знати! Вам легко рассуждать о сотрудничестве со Страффом, вы же почти ничего не теряете!

– Почти ничего не теряю? – переспросил аристократ. – Да за то, что я выступил на стороне Эленда, меня и весь мой род могут казнить!

– Чушь! – выкрикнул один из торговцев. – Мы должны были, как я предлагал еще несколько месяцев назад, нанять войско.

– И где бы мы нашли для этого деньги? – поинтересовался лорд Пенрод, старейшина знатных делегатов Ассамблеи.

– Налоги, – махнув рукой, пояснил торговец.

– Господа! – снова вмешался Эленд. – Господа! – повысив голос, повторил он еще раз.

Ненадолго, но делегаты все же обратили на него внимание.

– Нам необходимо принять решение, – напомнил Эленд. – Сосредоточьтесь, прошу вас. Что вы скажете о моем предложении?

– Оно бессмысленно, – ответил Филен. – Зачем ждать? Давайте просто пригласим Страффа в город, и дело с концом. Он же все равно возьмет Лютадель.

Когда мужчины снова заспорили, Вин откинулась на спинку кресла. Проблема заключалась в том, что Филен, к которому она не испытывала особой симпатии, был в чем-то прав. Сражение представлялось весьма непривлекательной альтернативой. У Страффа огромная армия, так стоит ли тянуть с решением вопроса?

– Подождите, – попытался вновь привлечь к себе внимание Эленд. – Страфф все-таки мой отец. Очень может быть, я сумею найти с ним общий язык. Лютадель была его домом на протяжении многих лет. Возможно, я уговорю его не устраивать штурм городских стен.

– А как быть с продовольствием? – перебил короля делегат-скаа. – Вы видели, сколько торговцы просят за зерно? Прежде чем беспокоиться об армии, не мешало бы разобраться с ценами.

– Вы всегда вините нас во всех своих проблемах! – возмутился один из торговцев.

И ссора возобновилась. Увы, подобное на заседаниях Ассамблеи происходило довольно часто.

Король стоял за трибуной, чуть ссутулившись. Вин только покачала головой. С одной стороны, она не могла не сочувствовать, с другой же – отлично понимала, что отчасти Эленд сам виноват в происходящем. Разве не он провозгласил делегатов равными себе? Неудивительно, что они теперь не оказывают того уважения, которого он явно заслуживает.

Когда страсти наконец поутихли, Эленд вытащил лист бумаги, явно собираясь записать результаты голосования по своему предложению. Было заметно, что настроение у него неважное.

– Итак, – снова заговорил король, – приступаем к голосованию. Только, пожалуйста, помните: если вы дадите мне время, это вовсе не означает, что мы раскрываем свои карты. У нас просто появится шанс. Шанс, что мой отец пойдет на переговоры и даже пересмотрит свои планы по завоеванию города.

– Эленд, мой юный друг, – вмешался лорд Пенрод. – Все мы жили здесь во время правления Вседержителя. Все мы знаем, на что способен твой отец. Если он захочет этот город, он

его получит. Вольны мы лишь в одном – решить, как лучше сдать. Возможно, нам удастся договориться, чтобы у людей под его властью сохранилась хоть какая-то свобода.

Собравшиеся слушали молча, впервые никто не затеял новую грызню. Некоторые повернулись к говорившему, который сохранял спокойный и уверенный вид. Вин ничего не знала о Пенроде, кроме того, что он аристократ, из могущественных, оставшихся в городе после Крушения, и у него консервативные политические взгляды. Однако Вин ни разу не слышала, чтобы лорд Пенрод говорил о скаа пренебрежительно. Вероятно, это и объясняло его популярность среди простого народа.

– Я говорю все как есть, – продолжал Пенрод, – потому что такова истина. Мы не в том положении, чтобы торговаться.

– Согласен, – как обычно, одним из первых отреагировал Филен. – Если Эленд хочет встретиться со Страффом Венчером, это его право. Насколько я понимаю, королевская власть позволяет ему вести переговоры с другими монархами. Однако мы не обязаны обещать, что не сдадим Страффу город.

– Мастер Филен, – возразил лорд Пенрод, – кажется, вы неверно поняли мои намерения. Я сказал, что сдача города неизбежна, но мы должны извлечь из этого все, что только можно. Встреча со Страффом необходима хотя бы затем, чтобы оценить его настрой. Если мы просто проголосуем сейчас за сдачу города, то раскроем наши планы слишком быстро.

Эленд поднял глаза, и в его взгляде впервые с того момента, как собрание вышло из-под контроля, появилась надежда.

– Значит, вы поддерживаете мое предложение? – уточнил он.

– Это неуклюжий способ получить передышку, которую я считаю необходимой, – сказал Пенрод. – Но... поскольку войско уже здесь, сомневаюсь, что у нас есть время для чего-то другого. Поэтому – да, ваше величество. Предложение я поддерживаю.

Пока лорд Пенрод говорил, несколько других членов Ассамблеи кивали, словно услышали о предложении впервые.

«У этого Пенрода слишком много власти, – думала Вин, устремив на пожилого государственного мужа взгляд прищуренных глаз. – Его слушают охотнее, чем Эленда».

– Тогда будем голосовать? – спросил один из членов Ассамблеи.

И они проголосовали. Эленд писал, фиксируя волеизъявление каждого делегата. Восемь аристократов – семеро и Эленд – поддержали предложение, доказывая значительное влияние Пенрода. Большая часть из восьми скаа были «за», зато торговцы – «против». В конце концов Эленд все же получил необходимые две трети.

– Предложение принято, – с легким удивлением подвел он итог. – Ассамблея не воспользуется правом сдать город, пока король не встретится со Страффом Венчером и не проведет официальные переговоры.

Откинувшись на спинку кресла, Вин пыталась понять, как ей следует оценивать результаты голосования. Хорошо, что Эленд добился своего, но вызывал сомнения способ, с помощью которого он это сделал.

Король наконец-то оставил трибуну, сел и позволил недовольному Филену вести заседание дальше. Тот зачитал предложение передать контроль за городскими складами с продовольствием в руки торговцев. Однако на этот раз сам Эленд выразил несогласие, и спор разгорелся с новой силой. Вин с интересом наблюдала. Понимал ли Эленд, насколько походил сейчас на остальных, когда выступал против их предложений?

Король и несколько депутатов-скаа сумели затянуть прения настолько, что до обеденного перерыва голосование так и не состоялось. Люди в зале поднимались, потягиваясь; Хэм повернулся к ней:

– Хорошее заседание, правда?

Вин только плечами пожала. Хэм усмехнулся:

– Малыш, надо что-то делать с твоим неопределенным отношением к гражданскому долгу.

– Я уже свергла одного правителя, – хмыкнула Вин. – Думаю, это на какое-то время решает проблему моего «гражданского долга».

Хэм улыбался, продолжая, как и Вин, внимательно следить за толпой. Теперь, когда все двигались туда-сюда, настало самое подходящее время для покушения на жизнь Эленда. Одна фигура привлекла внимание Вин, и рожденная туманом нахмурилась.

– Вернусь через пару секунд, – бросила она Хэму, вставая.

* * *

– Вы все правильно сделали, лорд Пенрод, – негромко проговорил Эленд, подойдя к пожилому аристократу во время перерыва. – Нам нужно больше времени. Вы же знаете, что может сотворить с городом мой отец, если возьмет его.

– Я сделал это не для тебя, юноша, – покачал головой лорд Пенрод. – Я сделал это, желая убедиться, что глупец Филен не сдаст город до того, как знать добьется от твоего отца гарантий сохранения наших титулов.

– Послушайте, но ведь должен существовать и другой путь! Выживший никогда бы не сдал этот город без боя.

Пенрод нахмурился, и Эленд, мысленно отругав себя, смолк. Старый лорд был традиционалистом – упоминая при нем о Выжившем, не стоило надеяться на благосклонность. Многие аристократы чувствовали угрозу, зная, какое влияние имя Кельсера оказывало на скаа.

– Просто подумайте об этом, – попросил Эленд и тут заметил Вин. Она явно хотела, чтобы он подошел.

Извинившись, король пересек сцену.

– Что случилось? – едва слышно спросил он, приблизившись.

– Женщина в дальнем углу, – так же тихо откликнулась Вин. – Высокая, в голубом.

Отыскать ту, на которую указала Вин, было нетрудно: ярко-голубая блуза и пестрая юбка сразу бросались в глаза. Средних лет, худощавая, с косой до пояса. Люди передвигались по залу, а она стояла неподвижно, будто ждала.

– Что с ней не так? – удивился Эленд.

– Террис, – пояснила Вин.

Эленд помедлил:

– Уверена?

Вин кивнула:

– Эти цвета... и так много украшений. Она террисийка, точно.

– И что?

– А то, что я ее впервые вижу, – начала раздражаться Вин. – И она смотрит прямо на тебя.

– Люди часто смотрят на меня, Вин. Я все-таки король. Кроме того, почему ты обязательно должна была встречать ее раньше?

– Все другие террисийцы приходили ко мне сразу же после прибытия в город. Я убила Вседержителя, и они считают, что я освободила их родину. Но эту я не узнаю. Она не приходила благодарить меня.

Эленд мягко взял Вин за плечи и развернул к себе:

– Мой долг чести вынуждает кое-что тебе сказать.

– Что? – нахмурилась Вин.

– Ты великолепна.

– И какое отношение это имеет к происходящему?

– Абсолютно никакого, – улыбнулся Эленд. – Просто я пытаюсь тебя отвлечь.

Неохотно расслабившись, Вин едва заметно улыбнулась в ответ.

– Не знаю, говорил ли тебе кто, Вин, но иногда ты кажешься слегка одержимой.

– Да?

– Понимаю, поверить трудно, и тем не менее. В каком-то смысле это даже лестно. Нет, ты действительно веришь, что мне угрожает опасность от террисийки?

– Видимо, нет, – призналась Вин. – Старые привычки...

Продолжая улыбаться, Эленд повернулся к депутатам. Большинство разговаривало вполголоса, разбившись на группы. Причем аристократы говорили с аристократами, торговцы – с торговцами, рабочие-скаа – с другими рабочими-скаа. Они никогда не смешивались. По-прежнему были так разобщены, так упрямы. Простейшие предложения порой вызывали целые споры, которые могли продолжаться часами.

«Мне нужно больше времени!» – подумал Эленд.

Однако он понимал, что дело не только в этом. Больше времени для чего? Пенрод и Филен расправились с его предложением весьма аккуратно.

Правда заключалась в том, что ни один человек в городе не был в безопасности. Никто настоящему не знал – и Эленд в их числе, – что делать с превосходящими силами захватчика. Он просто понимал, что они не могут сдаться. Пока не могут. Должен найтись какой-то способ, чтобы бороться.

Вин все еще смотрела куда-то в толпу. Эленд проследил за ее взглядом:

– По-прежнему наблюдаешь за этой террисийкой?

– Кое-что еще... – возразила Вин, – нечто странное. Это ведь один из людей Колченога?

Помедлив, Эленд все же повернулся. В самом деле, несколько солдат пробирались сквозь толпу, приближаясь к сцене. В задней части зала люди начали перешептываться, кое-кто спешно продвигался к выходу.

Эленд почувствовал, как напряженно замерла Вин, и ощутил укол страха.

«Мы опоздали. Армия идет в атаку».

Один из солдат наконец-то достиг сцены, и Эленд ринулся навстречу:

– Что? Страфф нападает?

– Нет, мой господин.

– Тогда что?

– Второе войско, мой господин. Оно только что появилось в окрестностях города.

11

Странное дело, но именно непосредственность Аленди стала первой причиной, по которой я с ним подружился. Я нанял его в качестве своего ассистента, когда Аленди еще был всего лишь провинциалом в большом городе.

Во второй раз за два дня Эленд стоял на крепостной стене Лютадели, изучая армию, которая прибыла, чтобы завоевать его королевство. Король жмурился от красного полуденного солнечного света, но он не был ищейкой и не мог ничего разглядеть как следует.

– Есть ли шанс, что они на нашей стороне? – с надеждой спросил Эленд, повернувшись к стоявшему рядом Колченогу.

Тот сразу нахмурился:

– Они несут знамя Сетта. Помнишь такого? Парень, который подослал к тебе восемь алломантов-наемников два дня назад.

Эленд вздрогнул на холодном осеннем ветру и снова посмотрел на второе войско. Оно устраивало лагерь на порядочном расстоянии от армии Страффа, ближе к каналу Лут-Дан, который на востоке соединялся с рекой Каннерал. Вин стояла возле Эленда, а на галерее, неподалеку от хозяйки, расположился Ор-Сьер. Не было лишь занятого делами городской стражи Хэма.

– Как же мы пропустили их приближение? – Эленд выглядел потрясенным.

– Из-за Страффа, – пояснил Колченог. – Наши разведчики его проглядели, потому что Сетт пришел с той же стороны. Страфф, вероятно, знал о приближении другого войска еще несколько дней назад, а у нас не было ни малейшего шанса увидеть их заранее.

– Страфф выставил дозорных для наблюдения за чужаками, – заметила вдруг Вин. – Непохоже, что они настроены дружелюбно по отношению друг к другу.

Она легко запрыгнула на зубец крепостной стены и шагнула к самому краю.

– Может быть, они нападут друг на друга? – В голосе Эленда слышалась надежда.

Колченог фыркнул:

– Не думаю. Они равны друг другу по силе, хотя Страфф, может быть, чуть сильнее. Сомневаюсь, что Сетт рискнет его атаковать.

– Зачем же тогда он пришел?

– Возможно, надеялся, – пожал плечами старый генерал, – что опередит Венчера на пути к Лютадели и возьмет ее первым.

Он говорил о захвате Лютадели как о решенном деле. Желудок Эленда свело; облокотившись на парапет, он выглянул наружу сквозь бойницу. Вин и остальные члены шайки Кельсера – воры, алломанты-скаа – были изгоями и большую часть жизни провели, скрываясь от преследователей. Они, вероятно, умели справляться со страхом, но Эленд к такому не привык.

Как жить, когда ты не властен над событиями, когда тобою управляют безжалостные силы? Эленд чувствовал себя беспомощным. Что он мог сделать? Сбежать и позволить городу заботиться о себе самостоятельно? Об этом, конечно, не стоило и думать. Но, оказавшись между двумя армиями, готовыми уничтожить его город и отнять его трон, Эленд обнаружил,

что избавиться от дрожи в пальцах, которыми он вцепился в каменный парапет, не так уж просто.

«Кельсер бы нашел выход из положения».

– Смотрите! – прервал размышления Эленда голос Вин. – Что это?

Эленд повернулся. Вин глядела на войско Сетта при помощи олова и видела то, что было скрыто от обычных глаз.

– Кто-то отделился от армии, – продолжала она. – Всадник.

– Посланник? – предположил Колченог.

– Может быть. Едет он довольно быстро... – Не договорив, Вин вдруг сорвалась с места и помчалась вдоль стены, прыгая с одного каменного зубца на другой.

По пролежавшей ниже галерее к хозяйке с топотом присоединился кандра. Обменявшись недоуменными взглядами, Эленд и Колченог двинулись следом.

Вин они нашли возле одной из башен, откуда рожденная туманом по-прежнему наблюдала за приближавшимся всадником. Во всяком случае, Эленд предполагал, что она за ним наблюдала, – сам он этого видеть не мог.

«Алломантия», – подумал Эленд, с досадой тряхнув головой.

Почему у него нет хотя бы одной силы – пусть даже слабейшей, как медь или железо?

– Это же Бриз!

– Что? – не сразу понял Эленд. – Ты уверена?

– Да! Его преследуют. Конные лучники. – Вин выругалась.

– Послать всадников! – выругавшись в свою очередь, крикнул Колченог. – Скакать на перехват!

Гонец со всех ног кинулся исполнять приказ.

– Не успеют, – ни к кому конкретно не обращаясь, покачала головой Вин. – Лучники его поймают или подстрелят. И я не успею. Хотя...

– Тут слишком высоко, чтобы прыгать, – нахмурился Эленд. – Даже для тебя.

Загадочно улыбнувшись, Вин бросилась вниз.

* * *

Четырнадцатый металл, дюралюминий, был наготове.

«Надеюсь, это сработает. – Вин высматривала подходящий якорь... На глаза попался усиленный железом больверк. – То, что надо!»

Потянувшись к нему, Вин рывком закинула себя на вершину башни. Тотчас же прыгнула снова, подталкивая себя вверх и в сторону, и под углом взмыла в воздух. Продолжая отталкиваться от больверка и погасив все металлы, кроме стали и пьютера, воспламенила дюралюминий.

Она не ожидала волны такой мощи. Лишь равная по силе вспышка пьютера не дала телу Вин разорваться на части. Она метнулась прочь от крепости, просвистев в небе, словно брошенный рукой невидимого великана снаряд. Воздух ревел, навалившаяся тяжесть от внезапного ускорения мешала думать.

Вин попыталась восстановить контроль. К счастью, она хорошо выбрала траекторию: ее несло прямо к Бризу и его преследователям. Интересно, что гасильщик такого натворил? В любом случае разозлил он кого-то здорово, потому что два десятка человек гнались за ним, целясь из луков.

Сталь и пьютер полностью выгорели за одну-единственную вспышку дюралюминия. Вин выхватила флакон с металлами и выпила до дна. Отбросив флакон, она почувствовала странное головокружение. Слишком непривычно было прыгать днем – видеть, как надвигается не скрытая туманом земля, не ощущать на себе туманного плаща...

Всадник, возглавлявший преследователей, вскинул лук, целясь в Бриза. Никто не заметил Вин, которая пикировала, словно хищная птица.

Или, правильнее сказать, падала.

Спохватившись в последний момент, Вин разожгла пьютер и бросила монету на стремительно летевшую навстречу земле. Оттолкнулась, ослабляя инерцию и направляя себя в сторону. Приземлилась с оглушительным ударом – точно между Бризом и лучниками, – взметнув пыль и комья земли. Лучник спустил тетиву, но Вин, словно взведенная пружина, прыгнула прямо на стрелу и оттолкнулась. Под воздействием алломантической силы наконечник в щепки расколол древко и с треском врезался в лоб выпустившего стрелу.

Лучник свалился с лошади, а Вин опустилась на землю. Вновь применив алломантию – на этот раз к подковам двух лошадей, – рожденная туманом заставила животных споткнуться и упасть. Звуки упавших тел, жалобное лошадиное ржание... Однако Вин, отброшенная силой отдачи, уже отлетела назад. Алломантическими толчками промчалась вдоль дороги в нескольких футах от земли и наконец догнала несущегося галопом Бриза.

Тот буквально обомлел, заметив прямо над своей головой парившую в воздухе Вин; ее одежда трепетала на ветру. Подмигнув, рожденная туманом потянула за доспех ближайшего всадника. Тело запротестовало от внезапной смены направления, но Вин не обратила внимания на боль. Зато всадник сумел удержаться в седле ровно до той минуты, пока Вин не врезалась в него ногами. Мужчина кувырком полетел из седла – рожденная туманом опустилась на черную от сажи землю рядом. Остальные всадники натягивали вожжи, осаживая лошадей в нескольких футах от нее.

Их было много, все в доспехах, лошади подкованы. Кельсер бы атаковал, однако Вин решила довольствоваться тем, что задержала преследователей и Бриз сумел удрать. Этого ей вполне хватало. Оттолкнувшись от доспеха одного из солдат, Вин бросила себя назад. Однако всадники, вместо того чтобы подбирать раненых, проворно вытащили стрелы с каменными наконечниками и натянули тетивы.

Вин зашипела от досады: «Ну что ж, друзья, сами запросились!»

Она легко оттолкнулась от них всех и подожгла дюралюминий. На этот раз Вин была готова к внезапному приливу силы. Щемящая боль в груди, вспышка в желудке, свист ветра в ушах. Чего она не ожидала, так это эффекта, который проявился на ее якорях: людей и лошадей раскидало взрывом в разные стороны, словно листья на ветру.

«Мне надо быть осторожнее с этой штукой. – Прокрутившись в воздухе, Вин стиснула зубы. Сталь и пьютер закончились опять – пришлось опустошить последний флакон с металлами. – Нужно будет брать с собой побольше...»

Благополучно приземлиться удалось только благодаря пьютеру, погасившему ужасающую скорость. Вин немного замедлилась, чтобы поравняться с Бризом, и снова увеличила темп. Она бежала стремительно, полагаясь на силу и равновесие пьютера, держась рядом с утомленной лошастью. Явно раздосадованное тем, что двуногое существо оказалось столь сильным, животное недобро косило глазом.

Через несколько секунд они достигли города, и Бриз направил лошадь к Железным воротам, как только они начали открываться. Вин не стала ждать: бросила монету и полетела к стене, а когда ворота отворились, оттолкнулась от заклепок, и второй алломантический толчок послал ее прямо вверх. Двое стражников, когда рожденная туманом пролетала над самым краем парапета, проводили ее удивленным взглядом. Во внутреннем дворе она оказалась как раз в тот же момент, когда Бриз въезжал в ворота.

Гасильщик вытирал вспотевший лоб. Хотя Бризу перевалило уже за сорок, волосы его еще не поседел. Сейчас они отросли почти до плеч, и Бриз зачесывал их назад. Шляпу, похоже, сдуло ветром, но он, как всегда, был в роскошном костюме и шелковом жилете. И то и другое во время безумной скачки покрылось слоем черного пепла.

– Ох, Вин, моя дорогая! – воскликнул Бриз. Дышал он почти так же тяжело, как и его лошадь. – Должен сказать, это было очень вовремя. И также очень эффектно. Ненавижу, когда меня спасают, но если уж нет другого выхода, пусть меня спасают со вкусом.

Вин улыбнулась. Бриз спешился, показав, что едва ли является самым ловким человеком на площади, и конюхи увели измученную лошадь. Гасильщик снова вытер лоб. Эленд, Колченог и Ор-Сьер торопливо спустились с крепостной стены во двор. Один из адъютантов наконец-то отыскал Хэма, и тот бежал теперь через двор.

– Бриз! – Они с Элендом пожали друг другу руки.

– Ваше величество, – церемонно начал Бриз. – В добром здравии и расположении духа, я полагаю?

– В здравии, да, – согласился Эленд. – Дух... с поправкой на то, что под стены моего города прибыла армия...

– Вообще-то, целых две, – подхрюмав ближе, проворчал Колченог.

– Ах, и дорогой мастер Кладент. – Бриз аккуратно сложил платок. – Полон радости, как всегда.

Колченог, по своему обыкновению, фыркнул. Ор-Сьер тихонько приблизился и сел рядом с Вин.

– И Хэммонд. – Бриз перевел взгляд на широко улыбающегося громилу. – Я почти заставил себя забыть о том, что обязательно встречусь с тобой, когда вернусь.

– Признайся, ты же рад меня видеть!

– Видеть – возможно. Слышать – никогда. Мне понравилось проводить время вдали от твоей вечной псевдофилосовской болтовни.

Улыбка Хэма стала еще шире.

– Рад видеть тебя, Бриз, – снова заговорил Эленд. – Но ты бы мог выбрать чуть более подходящее время для появления. Я надеялся, ты сумеешь остановить одну из армий, что идут на нас.

– Остановить? – поразился Бриз. – Ну зачем же мне за такое браться, мой дорогой? Между прочим, я провел целых три месяца в попытках убедить Сетта, чтобы он привел свое войско сюда.

Эленд застыл, Вин нахмурилась. Бриз же выглядел довольным – что, в общем-то, было его обычным состоянием.

– Так, значит... лорд Сетт на нашей стороне? – с надеждой спросил Эленд.

– Конечно нет, – засмеялся Бриз. – Он пришел, чтобы разорить город и украсть твой предполагаемый запас атиума.

– Ты, – вмешалась Вин, – это ведь ты распространял слухи о том, что у Вседержителя был клад с атиумом, верно?

– Конечно, – подтвердил Бриз, разглядывая Призрака, который тоже подошел к воротам.

– Но... – От волнения Эленд запнулся. – Зачем?

– Глянь за стену, мой дорогой друг, – с ленцой в голосе пустился в объяснения Бриз. – Я знал, что твой отец рано или поздно пойдет войной на Лютадель, – даже мой талант убеждать не помог бы отговорить его. Поэтому я начал распространять слухи в Западном доминионе, а потом сделал себя одним из советников лорда Сетта.

– План хорош, – одобрительно проворчал Колченог. – Безумен, но хорош.

– Безумен? – переспросил Бриз. – Мои ментальные способности не подвергаются сомнению, мастер Кладент. Не безумен, а блестящ!

Эленд выглядел смущенным.

– Не хочу оскорбить тебя, Бриз. Но... как появление вражеской армии под стенами города может быть хорошей идеей?

– Это основная стратегия переговоров, мой дорогой. – Гасильщик принял у слуги снятую с седла дуэльную трость и направил ее на запад, в сторону армии Сетта. – Когда в переговорах только два участника, один обычно сильнее другого. Это здорово усложняет дело для слабой стороны, то есть в данном случае для нас.

– Разумеется, – согласился Эленд. – Но даже если армий три, мы все равно слабейшие.

– Ага. – Бриз поднял трость. – Но два других участника примерно равны друг другу по силам. Страфф сильнее, зато у Сетта очень большое войско. Если один из военачальников рискнет атаковать Лютадель, его армия понесет потери – достаточные потери, чтобы он не смог защитить себя от третьей армии. Атаковав нас, он подставит себя под удар.

– Поэтому военных действий не будет, – подытожил Колченог.

– Точно, – кивнул Бриз. – Поверь мне, Эленд, мой мальчик. В нашем случае две большие вражеские армии – это намного лучше, чем одна большая вражеская армия. В трехсторонних переговорах слабейшая сторона часто обладает большей властью, потому что ее присоединение к одному из двух других участников решит исход дела.

– Но мы не хотим присоединяться ни к одному из них, Бриз.

– Я так и понял, однако наши противники этого не знают. Приведя сюда вторую армию, я выиграл для нас время. Оба военачальника не сомневались, что доберутся первыми. Теперь, когда они пришли почти одновременно, им придется пересмотреть стратегию. Думаю, мы получили затяжную осаду. По меньшей мере на несколько месяцев.

– Это не решает главную проблему: как от них избавиться, – нахмурился Эленд.

– Я привел их сюда – вы разбирайтесь, что с ними делать, – пожал плечами Бриз. – И скажу я вам, было совсем нелегко заставить Сетта прибыть вовремя. Он намеревался явиться за пять дней до Венчера. К счастью, некий... недуг распространился по лагерю несколько дней назад. Видимо, кто-то отравил главный запас воды и наградил все войско диареей.

Призрак, стоявший позади Колченога, тихонько заржал.

– Я знал, что ты это оценишь, – развернулся к парнишке Бриз. – Ты остался таким же невразумительным надоедой, мальчик?

– Вроде бы как бы не совсем.

Услыхав до боли знакомый жаргон восточных улиц, Бриз фыркнул.

– И все же смысла в твоих речах, как правило, больше, чем у Хэммонда, – пробормотал он, снова поворачиваясь к Эленду. – Итак, собирается ли кто-нибудь послать за каретой, чтобы отвезти меня во дворец? Я гасил вас, неблагодарные, уже добрых пять минут! Показывал себя в самом усталом и жалком виде, и никто даже из чистой любезности меня не пожалел!

– Теряешь хватку, – подначила Вин.

Бриз был гасильщиком – алломантом, который воспаляет латунь, чтобы успокаивать чувства других людей. Очень умелый гасильщик – а Вин не знала никого талантливее Бриза – мог заглушить все эмоции человека, усилив одну. Умел заставить его чувствовать именно то, что было необходимо.

– Вообще-то, – Эленд развернулся к стене и посмотрел вверх, – я рассчитывал, что мы поднимемся обратно на стену и еще немного поизучаем войска. Раз уж ты столько времени провел с армией лорда Сетта, ты мог бы нам многое о ней рассказать.

– Могу. И расскажу, но я не собираюсь карабкаться по ступенькам. Друг, разве ты не видишь, как я устал?

– Ты устал? – Хэм хлопнул Бриза по плечу, выбивая облачко пыли. – Да за тебя всю дорогу бежала бедная лошадка.

– Я вымотался до полного бесчувствия, Хэммонд. – Бриз отпихнул руку громилы тростью. – Мой уход восприняли как... не совсем подходящий.

– И что же произошло? – заинтересовалась Вин. – Сетт понял, что ты шпион?

– Скажем так, лорд Сетт и я... – Бриз явно смутился, – поссорились.

– Уж не поймал ли он тебя в постели со своей дочкой?

От предположения Хэма собравшиеся дружно прыснули от смеха.

Бриз мог быть кем угодно, только не дамским угодником. Несмотря на свою способность играть чувствами, он не выразил романтического интереса ни к кому за все время, что Вин была с ним знакома. Доксон однажды заметил, что Бриз слишком сосредоточен на себе, чтобы уделять внимание подобным вещам.

Прежде чем ответить, Бриз картинно закатил глаза:

– Честно скажу тебе, Хэммонд. С возрастом твои шутки становятся все хуже. Подозреваю, тебя слишком часто били по голове во время тренировочных боев.

Громила ухмыльнулся, а Эленд послал за каретами. Пока они ждали, Бриз пустился в повествование о своих странствиях. Вин смотрела на Ор-Сьера. Ей все еще не представился случай рассказать остальным о том, что с ним произошло. Возможно, теперь, когда вернулся Бриз, и Эленд соберет всех своих друзей? А пока лучше о случившемся помалкивать: Вин хотела, чтобы дворцовые слуги считали, что она отослала Ор-Сьера.

Бриз продолжал свою историю, а рожденная туманом смотрела и улыбалась. Он был не только талантливым оратором, но еще и очень деликатно применял алломантию. Вин почти не чувствовала его «прикосновений». Когда-то вторжение гасильщика казалось оскорбительным, но теперь она наконец доросла до понимания, что прикосновение к чужим человеческим эмоциям просто часть природы Бриза. Как красивая женщина требовала внимания к своему лицу и фигуре, так и Бриз притягивал его почти бессознательным использованием своей силы.

Разумеется, от этого он не становился в меньшей степени плутом. Заставлять других плясать под его дудку оставалось одним из главных занятий Бриза. Просто Вин не испытывала теперь к нему отвращения из-за того, что он использовал для этого алломантию.

Карета наконец-то подъехала, и Бриз облегченно вздохнул, потом глянул на Вин и кивнул в сторону Ор-Сьера:

– Это что?

– Собака, – пожала плечами Вин.

– Ты, как всегда, прямолинейна. И зачем же тебе понадобилась собака?

– Я ей подарил, – вмешался Эленд. – Она захотела – я купил.

– Ты выбрал волкодава? – вытаращил глаза Хэм.

– Ты же сам с ней дрался, – рассмеялся Эленд. – А кого, интересно, надо было ей подарить? Пуделя?

Хэм хохотнул:

– Нет, конечно нет. Вообще-то, он ей здорово подходит.

– Правда, он почти с нее ростом, – неодобрительно прибавил Колченог.

Вин положила руку на голову Ор-Сьера. Старый генерал, как всегда, оказался прав: зверь выглядел крупным даже для волкодава – больше трех футов в холке. И Вин отлично знала, сколько он весит, – она ведь тащила его бесчувственное тело на плече до дворца.

– Необыкновенно хорошо воспитан для волкодава, – заметил Хэм. – Хороший выбор, Эл.

– Ладно, – буркнул Бриз. – Только не пора ли нам вернуться во дворец? Армии и волкодавы – это все очень интересно, однако прямо сейчас меня больше всего волнует ужин.

* * *

– И почему же ты не рассказала им про Ор-Сьера? – спросил Эленд, когда их карета катилась к крепости Венчер.

Они ехали втроем: Вин, Эленд и безмолвный Ор-Сьер напротив.

– Я скажу им потом. Бойкая городская площадь не самое подходящее место для откровений, – попыталась объяснить Вин.

– Трудно избавиться от привычки хранить секреты, да? – улыбнулся Эленд.
Вин залилась румянцем.

– Я не храню его в секрете, я просто... – Не договорив, она опустила глаза.

– Не расстраивайся, Вин. Ты слишком долго жила сама по себе, никому не доверяя. Никто не ждет, что ты изменишься за одну ночь.

– Прошла не одна ночь, Эленд, – грустно заметила Вин. – Два года.

– Ты справляешься все лучше. – Он положил ей на колено ладонь. – Все видят, что ты сильно изменилась.

«Другой бы испугался, что у меня есть секреты и от него. Эленд просто пытается сделать так, чтобы я не чувствовала себя такой виноватой», – с благодарностью подумала Вин.

Он был лучшим человеком – гораздо лучше, чем она заслуживала.

– Кандра, – обратился Эленд к Ор-Сьеру, – Вин говорит, ты везде за ней поспеваешь.

– Да, ваше величество. Эти кости хоть и неприятны, но отлично подходят для слежки и быстрого передвижения.

– А если с ней что-то случится? Вдруг ее ранят? Сумеешь перетащить ее в безопасное место?

– К сожалению, не получится сделать этого достаточно быстро, ваше величество. Однако я сумею вызвать помощь. У этих костей много ограничений, но я буду стараться изо всех сил, чтобы выполнить Договор.

Эленд, должно быть, заметил вздернутую бровь Вин и усмехнулся:

– Поверь мне, Вин, он обязательно сделает то, что говорит.

– Договор для меня все, госпожа, – подтвердил Ор-Сьер. – Он требует больше, чем просто службы. Он требует усердия и преданности. Такова суть кандры. Исполняя Договор, мы служим своему народу.

На этом разговор закончился. Эленд вытащил книгу, Вин положила голову ему на плечо. Ор-Сьер лег, заполнив собой все сиденье напротив. В конце концов карета въехала во внутренний двор крепости Венчер, и Вин подумала, что хочет принять теплую ванну. Однако едва Эленд вышел из кареты, к нему подбежал стражник и что-то зашептал.

– Ваше величество, до вас добрался гонец? – Он не учел, что Вин подожгла олово.

– Нет, – нахмурился Эленд.

Когда подошла Вин, солдат замялся и в глазах его промелькнуло сомнение, но он все-таки продолжил: все знали, что Вин – главный телохранитель и доверенное лицо Эленда.

– Мы... э-э... не хотим вмешиваться... поэтому все держали в тайне. Мы просто хотели убедиться... что все в порядке. – Стражник говорил и почему-то продолжал смотреть на Вин.

– О чем речь?

Страж снова повернулся к королю:

– О трупе в покоех леди Вин.

* * *

«Труп» оказался скелетом. Полностью обглоданным, без капли крови или частички плоти, пятнавшей блестящую белую поверхность. Большинство костей были переломаны.

– Простите, госпожа, – достаточно тихо, чтобы его никто больше не услышал, произнес Ор-Сьер. – Я думал, вы от них избавитесь.

Вин кивнула. Именно этот скелет Ор-Сьер использовал до того, как она дала ему тело животного. Обнаружив дверь незапертой – обычный знак, если Вин хотела, чтобы в комнате убрали, – горничные вошли. Кости она сложила в корзину, намереваясь разобраться с ними позднее. Видимо, горничные заглянули туда и оказались весьма удивлены.

– Все в порядке, капитан, – успокоил Эленд.

Дему, заместитель командующего дворцовой стражи, в отличие от Хэма, не только не чурался форменной одежды, а, похоже, ею гордился. Во всяком случае, униформа его выглядела удивительно чисто и опрятно.

– Ты правильно сделал, что не предал это огласке, – продолжал Эленд. – Мы полностью в курсе. Не стоит беспокоиться.

– Мы и предположили, что это не случайность.

«Не случайность, – повторила Вин про себя. – Отлично! Интересно, что такого я, по его мнению, натворила?»

Лишь немногие скаа знали, что такое кандра, и Дему, скорее всего, не имел ни малейшего понятия о том, как следовало расценивать подобные останки.

– Вы не могли бы от них тихонько избавиться? Ради меня, капитан, – попросил Эленд, кивком указывая на кости.

– Конечно, ваше величество.

«Он, должно быть, думает, что я кого-то съела или нечто подобное, – со вздохом подумала Вин. – Да еще и обсосала кости».

Что в принципе было не так уж далеко от истины. Однако Дему почему-то вовсе не торопился исполнять поручение короля.

– Ваше величество, – выждав несколько секунд, снова обратился он к Эленду. – От другого тела также следует избавиться?

Вин замерла.

– Другого тела? – переспросил Эленд.

Страж кивнул:

– Когда мы нашли этот скелет, то привели собак, чтобы они тут хорошенько все обнюхали. Собаки не обнаружили никаких убийц, но нашли другое тело. Такой же набор костей, полностью очищенных от плоти.

Вин и Эленд обменялись недоуменными взглядами.

– Покажи, – приказал Эленд.

Кивнув, Дему вывел их из комнаты и шепотом дал несколько указаний одному из своих людей. Вчетвером – три человека и кандра – они преодолели короткий путь вдоль дворцового коридора к редко используемой части гостевого крыла. Дему отпустил солдат, стоявших возле одной из дверей, и провел своих спутников внутрь.

– Это тело было не в корзине, ваше величество, – пояснил заместитель командующего дворцовой стражей. – Его засунули в чулан. Мы бы никогда его и не нашли, но собаки достаточно легко учуяли запах. Правда, я не понимаю почему: труп полностью лишен плоти.

Эленд посмотрел на кости, сложенные горкой возле стола, глянул на Вин, потом повернулся к Дему:

– Вы не оставите нас наедине, капитан?

Кивнув, молодой стражник вышел из комнаты и закрыл дверь.

– Ну? – обратился Эленд к Ор-Сьеру.

– Я не знаю, откуда оно взялось, – ответил кандра.

– Но это тело, съеденное кандрой, – заметила Вин.

– Без сомнения, госпожа. Собаки нашли его из-за особенного запаха, который наши пищеварительные соки оставляют на недавно исторгнутых костях.

Эленд и Вин молча переглянулись.

– Однако, – продолжал Ор-Сьер, – это, скорее всего, не то, о чем вы думаете. Этого человека, видимо, убили далеко отсюда.

– Что ты имеешь в виду?

– Это брошенные кости, ваше величество, – пояснил Ор-Сьер. – Кости, которые кандра оставляет...

– ...после того, как находит новое тело, – закончила Вин.

– Да, госпожа.

Эленд нахмурился.

– Насколько давно? – спросил он. – Может быть, эти кости лежат тут с прошлого года, оставленные кандрой моего отца.

– Очень возможно, ваше величество.

В голосе Ор-Сьера прозвучала неуверенность. Кандра подошел к костям и понюхал. Вин тоже взяла одну, поднесла к носу. С помощью олова она легко выделила острый запах, напоминавший желчь.

– Очень сильный, – сказала она, глядя на Ор-Сьера.

Тот кивнул:

– Эти кости лежат тут недолго, ваше величество. Всего несколько часов, не больше.

– Значит, во дворце есть еще один кандра. – Голос Эленда чуть дрогнул. – Кого-то из моих слуг... съели и подменили.

– Очень вероятно, ваше величество, – подтвердил Ор-Сьер. – И к сожалению, не существует способа определить по костям, кого именно. Это всего лишь отбросы. Кандра взял новые кости, подобрал в себя их плоть и надел одежду.

По взгляду Вин Эленд понял, что думает о том же, о чем и она. Если заменили кого-то из дворцовых слуг, это еще полбеды. Все могло оказаться намного серьезнее.

Кандра были несравненными актерами: Ор-Сьер, к примеру, так бесподобно имитировал лорда Рену, что даже люди, хорошо знавшие его, не распознали обман. Такой талант можно использовать для создания имитации горничной или слуги, однако врагу ничего не стоило заменить и куда более важного человека. Если враг заслал шпиона в ближний круг Эленда...

«Это должен быть кто-то, кого мы не видели последние несколько часов», – отбросив кость, подумала Вин.

После завершения собрания Ассамблеи она, Эленд и Ор-Сьер провели на стене большую часть дня, но с прибытием второго войска город и дворец погрузились в настоящий хаос. Гонцы с трудом разыскали Хэма, и Вин все еще не знала, где находится Доксон. Фактически она и Колченога не видела, пока он не присоединился к ним с Элендом на стене некоторое время спустя. Призрак же вообще явился последним.

Вин смотрела на кучу костей, ощущая болезненную тревогу. Существовала большая вероятность, что кто-то из их главной команды – бывшей шайки Кельсера – был теперь самозванцем.

Часть вторая

Призраки в тумане

12

Только годы спустя я убедился, что Аленди – Герой Веков. Тот, кого в Хленнице называли Рабзин, Всезнающий. Спаситель.

Перед ними в туманной вечерней мгле возвышалась крепость.

Она располагалась на дне большой низины. Похожая на кратер долина с отвесными стенами была такой широкой, что даже при свете дня Сэйзед едва ли смог бы увидеть другую ее сторону. В наступающей тьме дальний край огромной ямы терялся среди густых теней.

Сэйзед мало знал о тактике и стратегии. В его метапамяти хранились десятки книг на эту тему, однако он не мог быстро перенести их содержание в свой разум. Да и зачем, если и так ясно, что крепость Обитель Серан очень уязвима. Расположена она слишком низко, а на склонах кратера сколько угодно подходящих мест для осадных машин, которые просто забросают стены камнями.

Впрочем, не для защиты эту крепость и строили – Обитель Серан строили для уединения. Кратер прятал ее от посторонних глаз, делал почти невидимой до тех пор, пока не подойдешь ближе. К Обители Серан не вели ни дороги, ни тропинки, да и спускаться по крутым склонам слишком рискованно.

Инквизиторы гостей не жаловали.

– Ну? – спросил Марш.

Они с Сэйзедом стояли на северной стороне кратера перед обрывом в несколько сотен футов.

Сэйзед прикоснулся к своей оловянной метапамяти и почерпнул немного хранившегося там зрения. По краям сразу все будто расплылось, зато расположенное напротив точно приблизилось. Террисиец подавил подкатившую тошноту и прибавил еще зрения.

Теперь Обитель была как на ладони. Сэйзед видел каждую щель, мог различить каждую чешуйку ржавчины на больших стальных пластинах, что крепились на внешней стороне каменных стен – ровных, широких, мрачных, – каждый покрытый лишайником угол и запачканный сажей выступ. Не видел разве что окон. Окон не было вообще.

– Трудно сказать, живет ли кто-то в крепости, – отпуская оловянную метапамять, медленно проговорил Сэйзед. – Движения нет, света тоже не видно. Возможно, инквизиторы просто не высовываются наружу.

– Нет, – возразил Марш, и его жесткий голос прозвучал неприятно громко в вечерней тишине. – Они ушли.

– Но зачем им уходить? По-моему, это сооружение выглядит весьма внушительно. От армии здесь не скроешься, зато от хаоса нынешних времен оно защитит прекрасно.

– Они ушли, – качая головой, повторил Марш.

– Почему ты так уверен?

– Не знаю.

– И куда же они, по-твоему, ушли?

Марш повернул голову и посмотрел через плечо:

– На север.
– К Лютадели? – нахмурившись, предположил Сэйзд.
– И это возможно, – согласился Марш. – Идем. Пока их нет, стоит воспользоваться ситуацией.

Сэйзд кивнул. Разве не за этим они сюда и пришли? И все-таки в душе шевельнулось сомнение. Он посвятил жизнь книгам и служению. Если путешествие по сельской местности и встречи с крестьянами были достаточно далеки от того, чем террисиец занимался обычно, – что уж говорить о проникновении в цитадель инквизиторов...

Марша, судя по всему, не волновала внутренняя борьба его компаньона. Инквизитор повернулся и пошел вдоль кратера. Перебросив через плечо мешок, Сэйзд двинулся следом. В конце концов они добрались до механизма, похожего на клетку. По виду она предназначалась для спуска на дно. Клетка была закреплена у верхнего выступа; Марш остановился возле нее, но не вошел.

– Что? – спросил Сэйзд.
– Подъемник, – ответил Марш. – Клетку наверняка опускают люди, находящиеся внизу. Вероятно, он был прав. Шагнув вперед, Марш потянул рычаг – веревки задымились, блоки закрипели, и массивное устройство камнем ухнуло на дно ущелья. Звук от падения эхом отразился от скал.

«Если там внизу кто-то есть, – подумал Сэйзд, – теперь он знает, что мы пришли».

Марш повернулся – головки штырей в его глазницах слабо поблескивали в свете заходящего солнца.

– Следуй за мной, как сумеешь. – Отвязав веревку, на которой держался противовес, Марш первым начал спуск.

Приблизившись к краю платформы, Сэйзд посмотрел, как инквизитор постепенно погружался в туманную бездну, потом опустился на колени и развязал свой мешок. Большие металлические наручи на плечах и предплечьях – части главной медной метапамяти – террисиец почтительно отложил в сторону. Они хранили знания его предшественников, но сейчас требовалось совсем другое – метапамять воина – браслеты поменьше из железа и пьютера...

Понимал ли Марш, что Сэйзд не дрался еще ни разу в жизни? Ведь одной, пусть и удивительной силы недостаточно. И все-таки он защелкнул браслеты на щиколотках, затем вытащил из мешка два кольца – оловянное и медное – и надел на пальцы.

Закрыв мешок, террисиец подобрал медную метапамять и огляделся. Не сразу, но все же нашел подходящий тайник – укромную полость между валунами – и положил туда свою главную ценность. Что бы ни случилось внизу, метапамятью, которую инквизиторы могли отнять и уничтожить, рисковать нельзя.

Чтобы ее заполнить, Сэйзд слушал, как другой хранитель читал вслух всю свою лекцию историй, фактов и легенд. Каждое предложение террисиец перенес потом в медную метапамять, откуда сведения можно было извлечь при необходимости. Он почти не помнил подробностей, зато мог выделить любую книгу и загрузить в свой разум. Стоило лишь надеть наручи, и содержание мгновенно всплывало в голове.

Без медной метапамяти Сэйзд чувствовал себя тревожно. Горестно качая головой, он вернулся к платформе. Марш двигался очень быстро: все инквизиторы обладали способностями рожденных туманом. Как он эти силы получил и как смог выжить, если штыри проходили прямо через мозг, оставалось загадкой, раскрывать которую Марш явно не собирался.

Сэйзд крикнул, показал и бросил свой мешок – притянутый алломантической силой, тот скользнул прямо в подставленную руку Марша.

Благодарно кивнув, террисиец шагнул с платформы. Начав падение, он мысленно потянулся к железной метапамяти. Чтобы пополнить запас оловянной метапамяти, Сэйзд на

несколько недель становился полуслепым. Излишки зрения сохранялись в оловянном браслете до того дня, когда оно понадобится.

У железа были свои особенности. Оно хранило не зрение, силу, выносливость или воспоминания. Железо хранило вес.

Сейчас Сэйзед не выпускал содержимое железной метапамяти – это бы сделало его тяжелее, – наоборот, начал заполнять ее, отдавая собственную массу. Тело стало практически невесомым, и падение замедлилось.

Ученые из Терриса многое говорили об использовании железной метапамяти. Объясняли, что ее сила меняла не массу человека, а лишь то, как земля на него воздействовала. Падение Сэйзеда замедлилось не потому, что уменьшился вес, оно замедлилось потому, что террисиец стал больше и парил на ветру. На самом деле тело только казалось легким.

Каковы бы ни были настоящие причины, Сэйзед падал не так быстро. Тонкие металлические браслеты на ногах удерживали его в вертикальном положении. Террисиец раскинул руки и слегка изогнулся, позволяя ветру толкать себя. Спуск не походил на падение листа или пера. Не падал Сайзед и подобно камню, а контролировал свое неторопливое движение вниз. Когда террисиец, хлопая одеждами, пролетел мимо Марша, тот проводил его любопытным взглядом.

Приближаясь ко дну кратера, Сэйзед открыл пьютерную метапамять и почерпнул немного силы, чтобы смягчить приземление. Он все же ударился, но, поскольку тело теперь почти ничего не весило, удар вышел совсем слабым – не пришлось даже сгибать колени.

Перестав заполнять железную метапамять, Сайзед отпустил пьютерную и спокойно дождался Марша. Рядом валялось то, что осталось от подъемной клетки, еще террисиец с беспокоеством заметил сломанные железные кандалы. Похоже, не все посетители Обители приходили сюда по доброй воле.

Когда ко дну приблизился Марш, туман уже сгустился. Сэйзед прожил среди туманов всю жизнь, но впервые чувствовал себя так неудобно. Казалось, туман вот-вот начнет душить. Убьет, как убил, похоже, старого Джеда, бедолагу-фермера, чью смерть расследовал Сэйзед.

Преодолев последние десять футов, Марш приземлился с проворством алломанта. Сэйзед провел достаточно времени рядом с рожденными туманом и всегда восхищался способностями, дарованными алломантией, однако по-настоящему никогда не завидовал. Алломанты умели сражаться, но не могли расширять память, получая доступ к мечтам, надеждам и верованиям, накопленным за тысячи лет. Вылечить человека или научить нищую деревню удобрять почву рожденные туманом тоже были не способны. Внешне менее эффектная, метапамять ферухимиков представлялась куда важнее для общества.

Кроме того, Сэйзед знал несколько ферухимических трюков, которые застали бы врасплох даже самого подготовленного воина.

– Идем. – Марш вручил ему мешок.

Кивнув, террисиец последовал за инквизитором. Идти рядом с Маршем было неприятно: Сэйзед редко встречал людей такого же роста, как и он сам, хотя даже среди высоких от природы террисийцев считался долговязым. Слишком длинные руки и ноги стали результатом того, что Сэйзеда кастрировали в очень юном возрасте. Вседержитель умер, но Террису предстояло еще долго ощущать на себе последствия навязанного образа жизни и контроля рождаемости. С их помощью Вседержитель надеялся отнять ферухимические способности у террисийского народа.

Обитель Серан простерлась над ними во тьме; со дна кратера она казалась еще более угрожающей. Марш зашагал прямо к входным дверям – Сэйзед поспешил следом. Ему не было страшно. Тревожило другое: хранителей осталось слишком мало, и если он умрет, станет еще на одного меньше из тех, кто способен путешествовать, восстанавливая утерянные знания и обучая людей.

«Хотя я сейчас этим не занимаюсь...»

Марш смотрел на массивные стальные двери. Потом толкнул плечом одну из створок, явно воспламенив пьютер, чтобы увеличить силу. Сэйзед поспешил на помощь, однако дверь не шелохнулась.

Ничего не оставалось, как обратиться к пьютерной метапамяти. Мышцы тотчас же увеличились в размере. В отличие от алломантии у ферухимии присутствовал и внешний эффект: тело Сэйзед стало телом воина, он сделался в два раза сильнее, шире. Навалившись вдвоем с Маршем, они наконец справились с дверью.

Та даже не скрипнула – повернулась медленно, ровно, открыв длинный и темный коридор.

Отпустив пьютерную метапамять, Сэйзед вернулся к своему нормальному облику. Марш вошел в Обитель, ноги его взбивали начавший просачиваться туман.

– Марш? – окликнул Сайзед. – Я там ничего не увижу.

Инквизитор повернулся:

– Твоя ферухимия...

Террисиец покачал головой:

– Даже с ее помощью я мало что смогу разглядеть в полной темноте. А кроме того, опустошу оловянную метапамять за несколько минут. Мне нужен фонарь.

Немного помедлив, Марш кивнул. Потом повернулся и быстро исчез в темноте.

«Итак, инквизиторам не нужен свет».

Этого следовало ожидать: штыри полностью уничтожили глазные яблоки. Неведомая сила, позволявшая инквизиторам ориентироваться, работала в темноте так же хорошо, как и при дневном свете.

Марш вернулся через несколько минут с лампой в руке. Судя по цепям, которые Сэйзед видел в спускаемой клетке, у инквизиторов должны быть рабы и слуги. Только куда они подевались? Сбежали?

С помощью кремня, который нашелся в мешке, Сэйзед зажег лампу. Призрачный свет озарил пустой коридор. Подняв лампу повыше, террисиец вошел в Обитель и сразу же начал заполнять маленькое медное кольцо.

– Большие помещения, – шептал Сэйзед, – без украшений.

Совсем необязательно было проговаривать вслух, но он заметил, что так воспоминания получались четче. Потом их можно перенести в медную метапамять.

– Инквизиторы, похоже, питали слабость к стали, – продолжил он. – Неудивительно, учитывая, что их орден часто называли Стальным братством. На стенах – массивные стальные плиты без малейших следов ржавчины в отличие от тех, что снаружи. Многие покрыты витиеватыми узорами, которые вытравлены... выбиты...

– Что ты делаешь? – повернувшись, нахмурился Марш.

Сэйзед поднял правую руку, показывая медное кольцо:

– Я должен запомнить все, что вижу. И рассказать другим хранителям, как только представится возможность. Здесь можно многому научиться, по-моему.

– Инквизиторы не стоят твоих стараний, – отвернувшись, бросил Марш.

– Дело не в этом, – разглядывая квадратную колонну, возразил Сэйзед. – Сведения обо всех религиях имеют одинаковую ценность, ничего не должно быть потеряно.

Некоторое время он разглядывал колонну, потом закрыл глаза, сформировал в уме ее образ и тоже перенес в медную метапамять. Визуальные воспоминания, впрочем, были менее полезны, чем слова, произнесенные вслух. Визуализации быстро блекли и искажались, если их изымали из медной метапамяти. Кроме того, их невозможно передать другим хранителям.

Марш не ответил – просто пошел вглубь здания. Сэйзед двигался чуть медленнее, проговаривая вслух, занося сказанное в медную метапамять. Стоило переправить туда произнесен-

ное, и он с трудом вспоминал детали виденного только что. Однако потом эти воспоминания можно будет извлечь и осознать их с четкостью и ясностью.

– Комната с высоким потолком. Есть несколько колонн, также покрытых сталью. Они массивные и квадратные. Я чувствую, что строителям не было дела до утонченности. Они игнорировали мелкие детали, предпочитая широкие линии и геометрические формы...

– Мы идем по главному залу – архитектурный стиль не меняется. По-прежнему лишь длинные широкие коридоры со строгими линиями и блестящими поверхностями. Пол состоит из стальных квадратов со стороной в несколько футов. Они... холодные на ощупь...

– Странно не видеть ни картин, ни гобеленов, ни витражных окон, ни каменных скульптур – вообще никаких украшений. Нет также ни шпилей, ни арок, столь привычных в архитектуре Лютадели. Только квадраты и прямоугольники. Линии... множество линий. И ничего мягкого – ни ковров, ни пледов. Нет окон. Похоже, это место для тех, кто видит мир совсем не так, как обычные люди...

– Марш идет прямо по коридору, не замечая его убранства. Пойду за ним – вернусь позже, чтобы записать побольше. Он как будто следует за чем-то... чем-то, чего я не чувствую. Может быть, это...

Сэйзед повернул за угол и смолк. Марш стоял у входа в большую комнату. Свет лампы неровно замигал, потому что рука Сэйзед затряслась.

Марш нашел слуг.

Они были мертвы достаточно долго, поэтому запах Сэйзед ощутил, только когда подошел совсем близко. Возможно, именно запах и уловил рожденный туманом: чувства человека, воспламенившего олово, необычайно остры.

Инквизиторы поработали с усердием. Глазам вошедших предстали последствия бойни. У дальней стены высилась гора трупов. Поскольку выход отсюда был только один, слуги, видимо, отступали и жались к этой стене, умирая под безжалостными ударами мечей или топоров.

Сэйзед отвернулся.

Марш, однако, продолжал спокойно стоять в дверном проеме и разглядывать.

– Тут плохо пахнет, – наконец сказал он.

– Только сейчас заметил? – спросил Сэйзед.

Марш повернулся, пытаясь поймать его взгляд:

– Здесь нельзя задерживаться. В конце коридора, – он оглянулся, – лестница. Я пойду наверх – поищу комнаты инквизиторов. То, что мне нужно, может находиться только там. Ты или подожди, или спускайся, но за мной не ходи.

– Почему?

– Я должен быть один. Не могу объяснить. Нет, меня не волнует, что ты увидишь очередные зверства инквизиторов. Просто я... не хочу, чтобы ты был рядом, когда это произойдет.

Сэйзед опустил лампу, и ужасающая картина погрузилась во тьму.

– Как скажешь.

Проскользнув мимо Сэйзед, Марш исчез в темноте коридора. Террисиец остался в одиночестве. Стараясь об этом не думать, он повернулся к главному вестибюлю: сначала следовало описать массовое убийство для медной метапамяти и только потом вернуться к подробным рассказам об архитектуре и искусстве. Если, конечно, узоры на стенных панелях можно назвать искусством.

Голос Сэйзед тихим эхом отражался от стен, лампа отбрасывала слабые пятна света на стальные поверхности, однако взгляд террисийца то и дело возвращался к задней части вестибюля. Там был темный омут – лестница, ведущая вниз.

Описывая во всех подробностях очередное настенное украшение, террисиец уже знал, что рано или поздно обнаружит себя идущим по направлению к этой тьме. Его извечное любопытство – необходимость понять неизведанное. Именно оно и сделало его хранителем и при-

вело в компанию Кельсера. Поиск истины бесконечен, но и игнорировать его невозможно. Сопровождаемый лишь собственным шепотом, Сэйзед наконец подошел к лестнице.

– Лестница сродни тем, что я видел в вестибюле. С широкими ступенями. Такие обычно ведут в храм или во дворец. Эти же ведут вниз, во тьму. Высокие, высеченные из камня и закованные в сталь. Предназначенные для решительной поступи...

Я иду и размышляю, что же за секреты инквизиция сочла достойными того, чтобы спрятать под землей, в подвале крепости. Все здание – тайна. Что же происходило здесь, в этих обширных коридорах и пустых комнатах?..

Лестница привела в еще один большой квадратный зал. Заметил, что здесь нет дверей. Все комнаты открыты – можно заглянуть в любую. Продолжаю идти вперед, осматривая подземные помещения: они скудно обставлены и напоминают пещеры. Ни библиотек, ни комнат отдыха. В нескольких имеются металлические блоки, похожие на алтари...

В конце главного коридора нечто... непонятное. Может, камера пыток? Столы – металлические столы – вделаны в пол. Они покрыты кровью, но тел нет. Хлопья крови крошатся в пыль под ногами. Похоже, множество людей умерло в этой комнате. Не вижу пыточных инструментов, кроме...

Штыри. Точно как у инквизиторов в глазах. Массивные, тяжелые штуковины, которые забивают в землю большим молотом. Некоторые покрыты кровью... вряд ли я смогу поднять такой. А есть поменьше... стальные... да, они неотличимы от тех, что в глазах Марша. Но есть и сделанные из других металлов.

Сэйзед положил штырь обратно на стол, металл звякнул по металлу. Невольно вздрогнув, террисиец снова оглядел помещение. Возможно, тут делали новых инквизиторов? Он вдруг с ужасом подумал, что твари – когда-то их было всего несколько десятков – уединились в Обители на много месяцев, чтобы пополнить свои ряды.

Нет, не сходилась. Инквизиторы жили скрытной, замкнутой компанией, и подходил им далеко не каждый. Где бы они могли найти, да еще в достаточном количестве, подходящих людей? Ведь не сделали же они инквизиторами слуг – их просто убили.

Сэйзед всегда подозревал, что человек, которого превращали в инквизитора, должен быть алломантом. Пример Марша только подкреплял это предположение: до трансформации тот был охотником – алломантом, который жег бронзу. Сэйзед снова посмотрел на кровь, на штыри и понял, что совсем не хочет знать, как делали новых инквизиторов. Он уже собирался уйти, когда лампа высветила что-то в дальней части помещения.

Еще один дверной проем. Стараясь не думать о том, что под ногами крошится высохшая кровь, Сэйзед двинулся вперед.

Эта комната совсем не походила на другие помещения Обители. Высеченная прямо в скале очень маленькая лестница уводила вниз. Заинтригованный, террисиец спустился по истертым каменным ступеням. Впервые за все время, проведенное в здании, он чувствовал тесноту: пришлось даже наклониться, чтобы попасть в крохотную каморку. Только здесь он выпрямился, поднял лампу и увидел...

Стену. Сэйзед почти в нее уткнулся; свет лампы отразился от металлической пластины добрых пяти футов шириной и почти столько же высотой. На стальной поверхности просматривались какие-то письмена. Опустив мешок, террисиец подошел ближе, держа лампу так, чтобы рассмотреть слова.

Текст был на террисийском.

Определенно старый диалект, но Сэйзед понял его и без своей медной метапамяти. Лампа в руке невольно задрожала.

* * *

«Я чеканю эти слова на стали, ибо тому, что не врезано в металл, нельзя доверять.

Я начал сомневаться, остались ли в мире, кроме меня, здравомыслящие люди. Неужели они не видят? Они так долго ждали героя, о котором говорилось в террисийских пророчествах, что решили, будто все истории и легенды относятся именно к этому человеку.

Мои собратья ничего не замечают. Они не понимают, что происходящие вокруг странности связаны друг с другом. Они глухи к моим возражениям и слепы к моим открытиям.

Возможно, они правы. Возможно, сошел с ума именно я, или ревную к чужой славе, или просто поглупел. Меня зовут Кваан. Я философ, ученый и предатель. Я тот, кто нашел Аленди, и тот, кто первым провозгласил его Героем Веков. Я тот, из-за кого все началось.

И я тот, кто предал Аленди, потому что теперь уверен: нельзя допустить, чтобы он завершил свои поиски».

* * *

– Сэйзед.

От неожиданности террисиец подпрыгнул, чуть не выронив лампу. Марш возвышался в проеме – грозный, мрачный. Здесь, среди прямых суровых линий, он смотрелся необыкновенно естественно.

– Верхние покои пусты. Все напрасно – мои братья забрали с собой то, что я искал.

– Не впустую, Марш, – возразил Сэйзед, снова поворачиваясь к пластине с текстом.

Он прочитал лишь самое начало, но гравировка, выполненная убористым неразборчивым почерком, покрывала всю стену. Сталь сохранила слова, которым было очень много лет. Сердце Сэйзеда забилося чуть быстрее.

Перед ним находился фрагмент текста из времен, предшествовавших воцарению Вседержителя. Фрагмент, написанный террисийским философом, святым человеком. Несмотря на десять веков поиска, хранители так и не достигли главной цели – не нашли собственную религию Терриса.

Вседержитель уничтожил ее вскоре после своего прихода к власти. Преследования террисийцев – народа, из которого происходил он сам, – были наиболее последовательными за все его долгое правление. Хранителям удалось сберечь лишь разрозненные отрывки из того, во что верили когда-то их предки.

– Я должен это переписать, Марш. – Сэйзед потянулся к мешку.

Визуальный образ тут не поможет – ни один человек не в состоянии запомнить столько текста. Конечно, Сэйзед мог прочитать его и занести в медную метапамять, однако он хотел получить материальную копию, которая бы сохранила структуру линий и пунктуацию.

– Мы здесь не останемся, – покачал головой Марш. – Сомневаюсь, стоило ли нам вообще сюда приходить.

Помедлив, Сэйзед вытащил из мешка несколько больших листов бумаги:

– Ладно, я его скопирую. Пожалуй, даже лучше. Текст будет выглядеть так же, как и оригинал.

Марш кивнул, и Сэйзед достал уголек.

«Такое открытие... – думал он с возбуждением. – В точности как дневник Рашека. Мы все ближе к истине!»

Однако, когда террисиец начал копировать – руки его, несмотря на волнение, двигались аккуратно и точно, – в голову закралась другая мысль. Обладая подобным текстом, он не имел

права странствовать по деревням. Необходимо срочно вернуться на север и поделиться своей находкой, чтобы та не погибла вместе с ним. Он должен идти в Террис.

Или... в Лютадель. А оттуда можно послать сообщение на север. То есть у Сэйзеда появилась серьезная причина, чтобы вернуться в центр событий и снова увидеть друзей.

Только почему он вдруг почувствовал себя еще более виноватым?

13

*Когда я наконец-то понял – соединил все знамена Ожидания и
Аленди, – я был потрясен. Но когда я сообщил о своем открытии другим
Мироносцам, они отнеслись ко мне с пренебрежением.
О, напрасно я их не послушал.*

Туман крутился и вертелся, словно краска, которую смешивал на холсте невидимый художник. На западе умирал свет. Наступала ночь.

Вин хмурилась.

– Тебе не кажется, что туман стал приходить раньше?

– Раньше? – Голос Ор-Сьера, который сидел рядом на крыше, прозвучал глухо.

– Прежде туман не появлялся, пока не становилось совсем темно. Разве не так?

– Но уже темно, госпожа.

– Так ведь и туман уже здесь. Потому что начал собираться, когда солнце еще только клонилось к закату.

– Не думаю, что это важно, госпожа. Возможно, туман, как и любое погодное явление, бывает разным.

– И это совсем не кажется тебе странным?

– Будет казаться, если вы так пожелаете, госпожа.

– Я не это имела в виду.

– Прошу прощения, госпожа. Объясните мне, что конкретно вы имели в виду, и я со всем усердием поверю.

Вин в задумчивости потерла лоб: «Как бы я хотела, чтобы вернулся Сэйзед...»

Впрочем... Даже если бы Сэйзед и находился сейчас в Лютадели, он не был бы ее слугой. Террисийцы больше не считали никого своими хозяевами. Придется довольствоваться Ор-Сьером. Кандра, по крайней мере, мог добыть информацию, которую не отыскал бы Сэйзед, – при условии, конечно, что Вин сумеет эту информацию из него вытянуть.

– Нам надо найти самозванца. Того, кто... подменил одного из нас.

– Да, госпожа, – согласился Ор-Сьер.

Вин уселась удобнее, опершись руками о черепицу наклонной крыши.

– Тогда мне надо больше узнать о тебе.

– Обо мне, госпожа?

– О народе кандра. Если я собираюсь найти самозванца, я должна знать, как он думает, должна понимать его побуждения.

– Его мотивация проста, госпожа: он будет выполнять свой Договор.

– А вдруг он действует без Договора?

Собачья голова Ор-Сьера качнулась.

– У кандры всегда есть Договор. Без Договора они не могут общаться с людьми.

– Никаких исключений?

– Никаких.

– А если это какой-то бродячий кандра?

– Таких не существует, – твердо сказал Ор-Сьер.

«Да неужели?» – мысленно не согласилась Вин.

Однако она решила не углубляться в эту тему. Вряд ли кандра проник во дворец по собственной воле – наверняка тварь подослал кто-нибудь из врагов Эленда. Один из военачальников или кто-то из поручителей. Да и другие аристократы имели все основания шпионить за Элендом.

– Ладно, – кивнула Вин. – Предположим, кандра – шпион, подосланный собирать информацию для некоего человека.

– Да.

– Но, – продолжала Вин, – если он взял чье-то тело во дворце, сам он не убивал. Кандра ведь не могут убивать людей, так?

– Мы все связаны этим правилом, – подтвердил Ор-Сьер.

– Итак, кто-то проник во дворец, убил одного из слуг, потом позволил кандре взять тело. – Она замолчала, обдумывая возникшую проблему. – Самый опасный вариант – кто-то из членов шайки Кельсера – должен быть рассмотрен в первую очередь. К счастью, поскольку убийство произошло вчера, мы можем сразу устранить Бриза, который в это время был за городом.

Ор-Сьер не спорил.

– Мы можем также устранить Эленда, поскольку он вчера был с нами на стене.

– Большая часть шайки все-таки остается под подозрением, госпожа.

Продолжая размышлять, Вин откинулась назад. Она уже пыталась разобраться, где находились во время предполагаемого убийства Хэм, Доксон, Колченог и Призрак. К сожалению, все они по крайней мере несколько часов провели неизвестно где. Вполне достаточно для кандры, чтобы перевернуть кого-то и занять место любого из них.

– Хорошо. Только как же мне отыскать самозванца? Как отличить его от других людей?

Ор-Сьер смолчал.

– Должен быть какой-то способ, – не собиралась сдаваться Вин. – Подделка не может быть совершенной. А если пустить ему кровь?

– Кандра воспроизводит тело с отменной точностью, госпожа, – возразил Ор-Сьер, – кровь, плоть, кожа и мышцы. Вы видели это, когда я сделал отверстие в своем теле.

Туман уже сгустился, и быстро темнело. Со вздохом Вин встала, прошла на вершину заостренной крыши и начала нервно прохаживаться туда-сюда по самому краю, благо алломантическое равновесие не позволяло упасть.

– Может, я могу просто понаблюдать за тем, кто будет вести себя странно, – наконец сказала она. – Все ли кандра так хорошо имитируют людей, как ты?

– По меркам кандра мои способности считаются средними. Есть среди нас и более умелые.

– Однако совершенных актеров не существует.

– Кандра нечасто делают ошибки, госпожа. Но, видимо, лучшего способа у вас нет. Хочу, однако, предупредить: кандра может оказаться кем угодно. Мои соплеменники свое дело знают.

«Это не Эленд, – с нажимом сказала себе Вин. – Он был со мной вчера весь день».

Не считая утра.

«Нет, с утра прошло слишком много времени, – тут же успокоила она себя. – Мы провели на стене много часов, а те кости были свежими. Кроме того, я бы почувствовала... разве не так?»

– Должен существовать другой путь. Скажи, а не могу ли я обнаружить кандру с помощью алломантии? – снова обратилась Вин к Ор-Сьеру.

Пока тот обдумывал ответ, рожденная туманом пыталась понять выражение собачьей морды.

- Что? – наконец не выдержала Вин.
- Мы не разговариваем об этом с чужаками.
- Все равно скажи.
- Вы приказываете?
- Вообще-то, мне совсем не хочется ничего тебе приказывать.
- Значит, я могу уйти? – уточнил Ор-Сьер. – Вы не хотите мною командовать и наш

Договор расторгнут?

- Я не это имела в виду, – с досадой ответила Вин.

Ор-Сьер хмурился – странно было видеть такое выражение на морде собаки.

- Было бы гораздо легче, если бы вы объясняли свои намерения, госпожа.

- Ну почему ты такой вредный? – стиснула зубы Вин.

- Я не вредный, госпожа. Я ваш слуга и выполняю приказы. Это часть Договора.

- Ну да. И ты так себя вел со всеми хозяевами?

– Для большинства я играл конкретные роли. Мне давали кости – я становился человеком, определенной личностью. Вы ничего мне не объяснили, просто дали кости этого... животного.

- «Так вот в чем дело, – подумала Вин. – Все еще злится из-за собачьего тела».

- Послушай, эти кости ничего на самом деле не меняют. Ты тот же самый человек.

– Вы не понимаете. Важно не то, кем кандра является, а то, кем кандра становится. Кости, которые он поглощает, роль, которую играет. Ни один из бывших хозяев не просил меня делать что-то подобное.

– Я не такая, как бывшие хозяева. И вообще-то, я задала вопрос. Есть ли способ обнаружить кандру при помощи алломантии? И да, я приказываю тебе ответить.

В глазах Ор-Сьера сверкнул триумф, как будто он наслаждался тем, что вынудил ее играть по правилам.

- На кандру не действует ментальная алломантия, госпожа.

- Совсем?

– Совсем. Вы можете попытаться разжечь или пригасить наши эмоции, если понадобится, но это не даст ни малейшего результата. Мы даже не поймем, что вы пытаетесь нами манипулировать.

- «Как кто-то, кто жжет бронзу...»

– Это не самая полезная информация, – заметила Вин, прохаживаясь мимо кандры по крыше.

Алломанты не могли читать мысли или чувства: когда они гасили или разжигали эмоции другого человека, они просто надеялись получить нужную реакцию. И все же Вин могла поискать кандру, смягчая чьи-то эмоции. Если это не подействует, человек мог оказаться кандрой... или просто хорошо умел владеть собой.

Не отрываясь, Ор-Сьер следил за каждым движением рожденной туманом.

– Если бы кандру было легко обнаружить, госпожа, из нас бы получались никудышные шпионы, разве не так?

– Видимо, ты прав, – признала Вин. И вдруг до нее дошло. – А кандра может применять алломантию? В смысле, если съест алломанта?

Ор-Сьер покачал головой.

«Вот еще один способ, – подумала Вин. – Если я застану кого-то из команды применяющим металлы, я буду знать, что он не кандра».

С Доксоном или слугами это не сработает, зато позволит устранить Хэма и Призрака.

– Есть кое-что еще. Раньше, когда мы работали с Кельсером, он сказал, что тебя надо держать подальше от Вседержителя и его инквизиторов. Почему?

– Мы об этом не говорим. – Ор-Сьер отвернулся.

– Тогда я тебе приказываю говорить.

– Тогда я вынужден отказаться от ответа.

– Отказаться? – переспросила Вин. – У тебя есть на это право?

Ор-Сьер кивнул:

– Секреты, касающиеся сущности народа кандра, мы не можем раскрывать, даже под принуждением, госпожа. Это...

– Противоречит Договору, – мрачно закончила Вин.

«Мне точно нужно его перечитать...»

– Да, госпожа. Но я, возможно, и так сказал слишком много.

Отвернувшись от Ор-Сьера, Вин посмотрела на город, на клубившийся туман. Потом закрыла глаза, зажгла бронзу и попыталась ощутить красноречивый алломантический пульс металлов, горящих где-то поблизости.

Выждав некоторое время, к хозяйке подошел Ор-Сьер, уселся на задние лапы, устроившись на наклонной крыше.

– Разве вам не следует быть на встрече, которую устроил король, госпожа?

– Может, позже, – откликнулась Вин, открывая глаза.

За пределами города сторожевые костры армий освещали горизонт. Справа сверкала в ночи крепость Венчер, и там, внутри, Эленд держал совет с остальными. Под одной крышей собралось много важных людей. Эленд назвал бы Вин параноиком за настойчивый поиск шпионов и наемных убийц. Ну и ладно, пусть зовет как угодно, главное, он живой.

Она снова присела на крышу. Вин очень обрадовалась, когда Эленд решил сделать дворец из крепости Венчер, а не переехал в Кредикскую Рошу – дворец Вседержителя. Слишком уж Кредикская Роша напоминала о своем прежнем хозяине, да и чересчур она велика, чтобы обеспечить хорошую защиту.

В последнее время Вин достаточно часто думала о Вседержителе – точнее, о Рашеке. Террисиец по рождению, Рашек убил человека, который должен был получить силу в Источнике Вознесения и...

И сделать что? Этого по-прежнему никто не знал. Герой путешествовал в поисках чего-то, что защитит людей от угрозы, называемой Бездной. Однако со временем очень многое было утеряно или искажено. Лучшим источником информации оставался древний путевой журнал, написанный Героем Веков, прежде чем Рашек его убил. Впрочем, даже в этом журнале содержалось лишь несколько ценных ключей к тому, что, по всей видимости, все же отыскал Герой.

«Почему я вообще об этом беспокоюсь? – подумала Вин. – О Бездне никто не вспоминал уже тысячу лет. Эленд и остальные волнуются о насущных делах, и они правы».

Но все же она чувствовала себя до странности безразличной к тому, что волновало Эленда. Может быть, именно поэтому в очередной раз и вышла на разведку. Нет, Вин тоже беспокоили армии, просто она чувствовала себя... в стороне от этой проблемы. Даже сейчас, размышляя об опасности, нависшей над Лютаделью, мыслями постоянно возвращалась к Вседержителю.

«Ты не знаешь, что я делаю для человечества, – сказал он. – Я был вашим богом, даже если вы этого и не понимали. Убив меня, ты погубила всех».

Именно эти слова произнес Вседержитель, умирая на полу тронного зала. И они очень беспокоили Вин. Стоило вспомнить, и она ощущала озноб.

Нужно отвлечься.

– Что тебе нравится, кандра? Что ты любишь, что ненавидишь?

– Не хочу отвечать на этот вопрос.

– Не хочешь или не должен? – нахмурилась Вин.

Ор-Сьер не спешил с ответом.

– Не хочу, госпожа.

Подоплека была очевидна – вам придется мне приказать.

Вин почти уже это и сделала, однако что-то заставило ее помедлить. Что-то в его глазах, какими бы нечеловеческими они ни выглядели. Что-то знакомое.

Ну конечно же, отвращение. Вин часто ощущала его в дни своей юности, когда служила главарям банд. В шайке каждый делал то, что ему приказывали, – особенно это относилось к маленькой бродяжке, с которой и взять-то было нечего.

– Если не хочешь об этом говорить, заставлять не буду. – Вин вдохнула туман, и прохладная влага защекотала глотку и легкие. – А ты знаешь, кандра, что люблю я?

– Нет, госпожа.

– Туман. – Вин раскинула руки. – Силу, свободу.

С помощью бронзы она ощутила поблизости легкую пульсацию. Тихую, странную, беспокойную. Это было то же причудливое биение, которое Вин почувствовала на верхушке крепости Венчер несколько ночей назад, и вдруг она поймала себя на том, что изучать его дальше побаивается.

«Надо что-то с этим сделать...»

– А знаешь, что я ненавижу, кандра? – прошептала Вин, проверяя ножи и металлы.

– Нет, госпожа.

Она повернулась, встретилась с ним взглядом:

– Я ненавижу бояться.

Вин знала, что другие считали ее дерганой. Одержимой. Она жила в страхе так долго, что он стал почти естественным – как пепел, солнце или сама земля. Кельсер уничтожил этот страх. Вин продолжала остерегаться, но уже не чувствовала постоянного ужаса. Выживший показал ей совсем другую жизнь – в которой те, кого она любила, ее не били; научил доверять. И Вин теперь не могла и не хотела отказываться от этой новой жизни даже перед лицом вражеских армий или наемных убийц.

Или даже духов.

– Не отставай, – прошептала она Ор-Сьеру и бросилась вниз на улицу.

Чтобы не дать себе время струсить и передумать, Вин, набирая скорость, понеслась по окутанному туманом городу. Источник аллюмантической пульсации находился близко – в здании на соседней улице. Не на крыше, а скорее всего, в одном из темных окон с открытыми ставнями на третьем этаже.

Вин бросила монету и прыгнула. Взвилась вверх, потом поменяла направление, оттолкнувшись от щеколды на другой стороне улицы. Приземлилась она, схватившись руками за раму у похожего на дыру окна. Подохла олово, чтобы глаза приспособились к густой тьме заброшенной комнаты.

Оно было там – очертания лишь угадывались, – сформированное полностью из тумана, оно меняло форму, кружилось... Оно нашло подходящее место, чтобы наблюдать за крышей, где беседовали Вин и Ор-Сьер.

«Только разве призраки шпионят за людьми?..»

Скаа никогда не говорили о призраках или мертвецах. Это уже пахло религией, а религия существовала лишь для знати. Скаа за подобное карали смертью. Разумеется, не всех подобное останавливало, однако воры вроде Вин были слишком прагматичны.

Лишь одно существо в преданиях скаа походило на клубившееся сейчас в темноте создание. Туманный призрак. Тварь, о которой говорили, будто она ворует души глупцов, выходящих наружу по ночам. Но теперь Вин знала, кто такие туманные призраки. Они находились в родстве с кандра – странные, полумозговые монстры, которые использовали кости тех, кого

проглатывали. Они и в самом деле вели себя странно, но едва ли представляли серьезную опасность. Нет никаких темных духов – ни бродячих привидений, ни вампиров.

Если верить Кельсеру.

Существо же в темной комнате – нематериальная форма, извивавшаяся в тумане, – явно доказывало обратное. Вин вцепилась обеими руками в оконную раму, страх – ее старый друг – вернулся.

Беги. Удирай. Прячься.

– Почему ты следишь за мной? – вместо этого требовательно спросила она.

Существо не двигалось. Его фигура как будто притягивала к себе туман, который колыхался, как от сквозняка.

«Я чувствую его при помощи бронзы. Значит, оно использует алломантию – именно она притягивает».

Существо шагнуло вперед – Вин напряглась.

А потом дух исчез.

Вин замерла, хмурясь. Что это было? Неужели она...

Что-то схватило ее за руку. Что-то холодное, что-то ужасное, но очень реальное. Боль прошла голову от уха до основания черепа. Вин закричала, но тут же потеряла голос и с тихим стоном, вся дрожа, спиной вперед выпала из окна.

Собственная рука стала какой-то чужой и словно источала холод. Вин летела в тумане, похожем на густое облако. Она зажгла олово – вспыхнувшая боль немедленно очистила сознание. Перекувырнувшись, зажгла пьютер перед самым падением на землю.

– Госпожа? – кинулся из тумана Ор-Сьер.

Вин потрянула головой и, упираясь ладонями в скользкую брусчатку, поднялась на колени. Левая рука по-прежнему была точно ледяной.

– Я отправлюсь за помощью? – спросил волкодав.

Снова потрянув головой, Вин заставила себя подняться, хотя ноги подгибались. Глянула вверх, на полускрытое завихрениями тумана черное окно, и тело пробил крупная дрожь.

Плечо, которым рожденная туманом ударилась о землю, болело, покрытый старыми синяками бок пульсировал, но сила постепенно возвращалась. Вин отступила от здания, продолжая смотреть вверх. Густой туман над головой казался... зловещим. В нем что-то скрывалось.

«Нет, – с яростью подумала Вин. – Туман – моя свобода, ночь – мой дом! Я должна быть здесь. Я не боялась ночи с тех пор, как меня этому научил Кельсер».

Она не откажется, ни за что на свете не вернется назад – к страху. И все же Вин рванулась прочь от здания, едва махнув Ор-Сьеру. Объяснять ничего не стала – он и не спрашивал.

* * *

Эленд водрузил на стол третью стопку книг, и она тут же завалилась на две другие, угрожая обрушить все на пол. Поправив их, король поднял глаза.

Бриз, одетый в строгий костюм, смотрел на стол с интересом, потягивая вино. Хэм и Призрак играли в камни в ожидании начала собрания, Призрак выигрывал. Доксон, устроившись в углу комнаты, что-то писал в учетной книге, а Колченог сидел в глубоком бархатном кресле, устремив на Эленда один из своих знаменитых взглядов.

«Любой из них может оказаться самозванцем», – подумал Эленд.

Это какое-то безумие... Что же делать? Никому не доверять? Но без них ему просто не справиться!

Единственный выход – вести себя как обычно и наблюдать. Вин посоветовала поискать несообразности в поведении. Эленд собирался попробовать, но совсем не был уверен, сможет

ли заметить хоть что-нибудь подозрительное. Нет, с этим куда лучше справится она сама, а его дело – разбираться с армиями.

Подумав о Вин, Эленд посмотрел в витражное окно в задней части кабинета и с удивлением обнаружил, что стемнело.

«Уже так поздно?»

– Мой дорогой друг, – обратился к нему Бриз. – Когда ты сказал, что хочешь «пойти и подобрать кое-какие важные материалы», мог бы добавить, что собираешься отсутствовать добрых два часа.

– Да, но... – замялся Эленд. – Я немного потерял счет времени.

– На целых два часа?

– Это все из-за книг. – Эленд смущенно кивнул.

– Если бы судьба Центрального доминиона не стояла на кону и если бы не было столь фантастически приятно смотреть, как Хэммонд отдает мальчишке все, что заработал за месяц, я бы ушел уже час назад.

– Да, но теперь мы можем начинать, – заметил Эленд.

– Вообще-то, мне это напоминает старые добрые дни. – Хэм со смешком поднялся. – Кел тоже вечно опаздывал – ему нравилось устраивать собрания по ночам. Это время рожденных туманом.

Призрак улыбался, глядя на свой набитый до отказа кошелек.

«Мы все еще используем меры – империялы Вседержителя, – подумал Эленд. – Надо будет что-то с этим сделать».

– Не хватает только угольной доски, – поддакнул Призрак. – Я по ней соскучился.

– А я нет, – скривился Бриз. – У Кела был ужасный почерк.

– Абсолютно кошмарный, – с улыбкой уточнил Хэм. – Но все же необычный, признайся.

– Да я и не спорю.

«Кельсер, Выживший в Хатсине, – думал Эленд. – Даже его почерк вошел в легенду».

– Как бы то ни было, – сказал он вслух, – пора бы приниматься за работу. Две армии по-прежнему поджидают снаружи. Мы не разойдемся, пока не придумаем, что с ними делать!

Члены шайки обменялись взглядами.

– Вообще-то, ваше величество, – подал голос Доксон, – мы уже некоторое время работаем над этой проблемой.

– Да? – удивился Эленд.

«Ну, значит, не зря я их оставил на пару часов».

– Так расскажите.

Доксон поднялся, подвинул свой стул поближе к остальным, но заговорил Хэм:

– Вот такая штука получается, Эл. С двумя армиями нам не нужно беспокоиться о внезапной атаке. И тем не менее мы в серьезной опасности. Видимо, осада затянется, поскольку каждая из армий постарается продержаться дольше, чем другая.

– Они захотят взять нас измором, – прибавил Колченог. – Ослабить нас и своих врагов перед тем, как атаковать.

– Из-за чего, – подхватил Хэм, – у нас связаны руки, потому как надолго нас не хватит. Город уже на грани голода, и вражеские короли, скорее всего, в курсе.

– К чему ты ведешь? – медленно проговорил Эленд.

– Нам придется заключить союз с одной из армий, ваше величество, – ответил за Хэма Доксон. – Они оба это знают. В одиночку ни один из них не может с уверенностью победить другого. Однако с нашей помощью чаши весов можно вывести из равновесия.

– Они окружают нас, – продолжал сгущать краски Хэм. – Будут держать в блокаде до тех пор, пока мы не отчаемся настолько, чтобы встать на одну из сторон. В конце концов нам придется это сделать – или наши люди будут голодать.

– Решение принимать нам, – вступил в разговор Бриз. – Мы не выдержим их натиска, поэтому придется выбирать, кому из них мы позволим захватить город. И я бы предложил выбирать быстро, не ожидая, пока наши запасы истощатся.

Эленд стоял не шевелясь, лишь переводил взгляд с одного говорившего на другого.

– Но ведь, заключая сделку с одной из этих армий, мы, в сущности, уступаем власть, – наконец возразил он.

– Несомненно. – Бриз постучал ногтем по чашке. – Однако что я выиграл для нас, приведя вторую армию, так это возможность поторговаться. Видишь ли, мы хотя бы сможем требовать что-то в обмен на наше королевство.

– Что в этом хорошего? – не согласился Эленд. – Мы ведь все равно проиграем.

– Это лучше, чем ничего, – покачал головой Бриз. – Думаю, мы могли бы убедить Сетта оставить тебя временным правителем Лютадели. Ему не нравится Центральный доминион, он считает его пустынным и плоским.

– Временный правитель города, – нахмурился Эленд. – Это не совсем то же самое, что король Центрального доминиона.

– Верно, – кивнул Доксон. – Но любому императору нужны хорошие люди, чтобы править городами, которые находятся в его власти. Ты не будешь королем, но ты и, кстати, наше войско переживете следующие несколько месяцев, а Лютадель не разграбят.

Хэм, Бриз и Доксон были полны решимости. Эленд бросил взгляд вниз, на стопку книг, вспоминая о своих исследованиях и теориях. Бесплезно. Как давно шайка знала, что у них не осталось выбора?

Они истолковали молчание Эленда как согласие.

– Сетт – наилучший выбор, не так ли? – спросил Доксон. – Возможно, Страфф с большей вероятностью пошел бы на договор с Элендом – они, в конце концов, семья.

«Он бы заключил договор, да, – подумал Эленд. – А потом нарушил бы его в удобный момент. Но... альтернатива? Отдать город Сетту? Что случится с этой землей, этими людьми, если он будет всем заправлять?»

– Сетт больше подходит, по-моему, – согласился Бриз. – Он охотно позволит другим править, если ему дадут славу и деньги. Проблема будет с атиумом. Сетт уверен, что он здесь, и если он его не найдет...

– Мы просто позволим ему обыскать город, – предложил Хэм.

Бриз кивнул:

– Объясним, что я ввел его в заблуждение по поводу атиума. Это совсем не трудно, учитывая, что он обо мне думает. Еще одна незначительная проблема – уверить его, что со мной разобрались. Думаю, он поверит, будто меня казнили, как только Эленд узнал, что я поднял против него армию.

Остальные закивали.

– Бриз, – наконец снова подал голос Эленд, – как лорд Сетт относится к скаа в своих землях?

– Боюсь, нехорошо.

– Послушайте, – обращаясь ко всем, заговорил король. – Мы обязаны придумать, как защитить наш народ. Если мы отдадим все Сетту, мы спасем мою шкуру, но ценой всех скаа в доминионе!

– Это не предательство, Эленд, – возразил Доксон. – У нас просто нет другого выхода.

– Легко сказать, – с горечью произнес Эленд. – Но меня будет мучить совесть. Я не говорю, что это предложение следует отвергнуть, но у меня есть несколько идей, которые мы могли бы обсудить...

Члены бывшей шайки Кельсера переглянулись. Как обычно, Колченог и Призрак в разговоре не участвовали: генерал вмешивался, только если это было совершенно необходимо,

а Призрак старался держаться от разговоров подальше. Наконец Бриз, Хэм и Доксон снова посмотрели на Эленда.

– Это ваша страна, ваше величество, – осторожно заговорил Доксон. – Мы тут просто для того, чтобы давать советы.

Он произнес это с интонацией, подразумевавшей, что советы весьма хороши.

– Да, я знаю, – выбирая книгу, кивнул Эленд.

В спешке он задел одну из стопок – книги с грохотом посыпались... Закатив глаза, Бриз положил обратно на стол книгу, которая свалилась ему на колени.

– Извини. – Эленд наконец-то нашел ту, что искал. – Так вот, в этом томе, – он посмотрел на присутствующих, – есть интересная информация о движении и обустройстве военных подразделений...

– Эге, Эл? – нахмурился Хэм. – Это же книга о перевозке зерна.

– Знаю. В библиотеке маловато книг о военных действиях. Думаю, из-за того, что мы прожили тысячу лет без войн. Однако тут написано, сколько зерна понадобилось, чтобы заполнить склады разных гарнизонов в Последней империи. Вы знаете, сколько продовольствия требуется армии?

– Ты кое в чем прав, – неожиданно поддержал короля Колченог. – Прокорм солдат – та еще заноза в заднице. У нас довольно часто возникали проблемы с поставками продовольствия, когда мы сражались на границе. А ведь мы были маленькими отрядами, которые высылали на подавление случайных восстаний.

Эленд кивнул. Колченог нечасто говорил о былых сражениях в армии Вседержителя, а остальные нечасто расспрашивали его об этом.

– Как бы то ни было, – продолжал король, – я могу поспорить, что оба – и Сетт, и мой отец – не привыкли руководить перемещением больших отрядов людей. У них будут проблемы со снабжением, особенно у Сетта, раз уж он маршировал так быстро.

– Может, и нет, – задумался Колченог. – Войска имеют защищенный доступ к каналам, ведущим в Лютадель. Это облегчит им доставку провизии.

– Кроме того, – добавил Бриз, – хоть большая часть земель Сетта сейчас бунтует, у него все же остался город Хаверфрекс, где расположен один из главных консервных заводов Вседержителя. Сетту принадлежат огромные запасы продовольствия, которые находятся на расстоянии короткого путешествия по каналу.

– Вот и надо прервать сообщение по каналам, – сказал Эленд. – Отыскать способ остановить эти поставки. Каналы позволяют получить провизию быстро, но они уязвимы, потому что мы точно знаем, каким путем осуществляется перевозка. Если мы отнимем у них провиант, возможно, они будут вынуждены вернуться домой.

– Или, – вмешался Бриз, – просто возьмут Лютадель штурмом.

Эленд помедлил.

– Такая возможность существует, – после некоторого раздумья согласился он. – Но я изучил и то, как защищают города. – Он потянулся через стол за следующей книгой. – Вот, это «Управление городом в современную эпоху» Дженделла. Он пишет о том, как трудно поддерживать порядок в Лютадели из-за ее необыкновенного размера и большого количества трущоб скаа. И предлагает использовать передвижные отряды городских стражников. Думаю, его методы мы могли бы применить и к сражению – наша стена слишком длинная, чтобы защитить каждую пядь, но если бы у нас были мобильные отряды солдат, которые...

– Ваше величество, – перебил Доксон.

– Э-э, да?

– У нас войско из мальчишек и мужчин, которые и года не учились, а противостоит нам не одна превосходящая армия, а две. Мы не можем выиграть эту битву, если в ход пойдет сила.

– О да, – согласился Эленд. – Конечно. Я говорил лишь о том, что делать, если нам все-таки придется сражаться. У меня есть кое-какие стратегии...

– Если мы будем сражаться, мы проиграем, – твердо сказал Колченог. – Но скорее всего, мы в любом случае проиграем.

– Да, но я просто... – осекся Эленд.

– Однако идея с нападением на каналы хорошая, – признался вдруг Доксон. – Мы могли бы сделать это тайно, наняв, к примеру, каких-нибудь местных бандитов, чтобы те захватили баржи с провизией. Этого наверняка не хватит, чтобы отослать Сетта или Страффа домой, но мы могли бы поубавить их пыл и вынудить заключить с нами союз.

Бриз кивнул:

– Сетт уже беспокоится о беспорядках в его родном доминионе. Мы должны заранее отправить к нему гонца, дать понять, что мы заинтересованы в альянсе. В результате, как только у него начнутся проблемы с поставками, он подумает о нас.

– Можно даже послать ему письмо, в котором будет говориться о казни Бриза, – предложил Доксон. – В знак честных намерений. Это...

Эленд демонстративно прокашлялся:

– Я, вообще-то, еще не все сказал.

– Прошу прощения, ваше величество, – немедленно отреагировал Доксон.

Эленд набрал побольше воздуха:

– Вы правы: мы не можем позволить себе сражаться с этими армиями. Но я уверен, мы отыщем способ заставить их сражаться друг с другом.

– Это очень мило с твоей стороны, мой дорогой друг, – заметил Бриз. – Но заставить этих двоих атаковать друг друга гораздо сложнее, чем вынудить Призрака налить мне еще вина.

Он повернулся, протягивая пустой бокал. Призрак помедлил, но потом все же поднялся, чтобы взять бутылку.

– Да, конечно, – согласился Эленд. – Но хоть книг о ведении войн немного, есть другие – о политике. И их полным-полно. Бриз, ты говорил вчера, что быть самой слабой стороной в трехстороннем тупике выгодно для нас.

– Точно. Мы можем решить исход битвы для любой из сильных сторон.

– Так вот, поскольку теперь в деле три стороны, – продолжал Эленд, – это уже не война, а политика. В точности как соревнование между Домами, где даже самые влиятельные не могут обходиться без союзников. Малые Дома по отдельности слабы, но они превращаются в силу, если действуют сообща. Мы сейчас подобны одному из малых Домов. Если мы хотим чего-то добиться, надо сделать так, чтобы враги о нас забыли – или, по крайней мере, посчитали неопасными. Пусть оба решат, что разобрались с нами и что нас можно использовать для победы над войском противника. Использовать, а потом присвоить то, что останется. Если мы их в этом убедим – они оставят нас в покое и сосредоточатся друг на друге.

Хэм в сомнении потер подбородок:

– Ты говоришь об игре на два фронта, Эл. Это очень опасно.

– Нам придется переходить на сторону того, кто будет слабее в отдельно взятый момент, чтобы они продолжали кусать друг друга. И нет гарантий, что победитель будет достаточно ослаблен, чтобы мы с ним разобрались сами, – поддержал Хэма Бриз.

– Не говоря уже о проблемах с продовольствием, – прибавил Доксон. – То, что вы предлагаете, потребует времени, ваше величество. Времени, на протяжении которого мы будем в осаде и наши запасы будут истощаться. Сейчас осень, а скоро придет зима.

– Будет трудно, – согласился Эленд. – И рискованно. Но, думаю, мы справимся. Заставим обоих думать, что мы на их стороне, но помощь никому оказывать не будем. Мы настроим их друг против друга, истощим их запасы и боевой дух, подтолкнем к конфликту. Когда пыль уляжется, выжившая армия может оказаться достаточно слабой, чтобы мы ее победили.

Идея Эленда явно произвела впечатление на Бриза.

– В этом есть шик. И это, пожалуй, будет весело.

– Ты имеешь в виду, что кому-то придется делать за нас нашу работу, – улыбнулся Доксон.

– Манипуляция отлично работает с отдельными людьми, поэтому не вижу причин, по которым она не годилась бы для государственной политики, – пожал плечами гасильщик.

– Так, вообще-то, и действуют правители в большинстве случаев, – задумчиво проговорил Хэм. – Что такое правительство, как не узаконенный способ заставлять других делать всю работу?

– Э-э, и каков наш план? – уточнил Эленд.

– Не знаю, Эл. – В голосе Хэма слышалось сомнение. – Пока что все похоже на один из планов Кела – безрассудно, отважно, немного безумно.

Кажется, он был удивлен тем, что подобное предложение поступило от Эленда.

«Я могу быть столь же безрассудным, как любой другой человек», – с негодованием подумал Эленд. И замер, неуверенный, что хотел бы продолжать эту мысль.

– Мы можем навлечь на себя серьезные неприятности, – предостерег Доксон. – Если любой стороне надоест играть...

– Они уничтожат нас, – спокойно договорил Эленд. – Но... ладно, господа, вы же игроки. Не верю, что этот план привлекает вас меньше, чем простой поклон перед лордом Сеттом.

Хэм и Бриз обменялись взглядами – они явно обдумывали идею. Доксон закатил глаза, но было видно, что возражает он просто по привычке.

Нет, они не хотели выбирать безопасный выход из положения. Эти люди бросили вызов Вседержителю, а прежде зарабатывали на жизнь, дурача аристократов. Они зачастую были очень осторожны, проявляя скрупулезное внимание к деталям, аккуратность в сокрытии следов и защите своих интересов. Однако, если на кону оказывался большой приз, они не могли его не возжелать.

Нет, они не просто желали. Они теряли покой.

«Отлично, – подумал Эленд. – Мой тайный совет состоит из любителей острых ощущений. Хуже того, я сам стал таким же».

Но разве у него был выход?

– Мы можем хотя бы подумать об этом, – предложил Бриз. – Звучит увлекательно.

– Послушайте-ка, я ведь предложил это не потому, что оно увлекательно, Бриз, – горячо заговорил Эленд. – Я всю юность потратил на то, чтобы спланировать, как улучшить жизнь в Лютадели, когда наконец стану главой своего Дома. И я не откажусь от своей мечты, столкнувшись с первыми же трудностями!

– А как насчет Ассамблеи? – поинтересовался Хэм.

– Это наилучшая часть, – улыбнулся Эленд. – Они проголосовали за мое предложение на собрании два дня назад. Они не смогут открыть ворота города любому завоевателю, пока я не встречу с отцом на переговорах.

Некоторое время все сидели молча. Наконец Хэм повернулся к Эленду:

– Даже не знаю, Эл. Звучит заманчиво. Мы, вообще-то, пока ждали тебя, обсуждали несколько более рискованных планов. Но...

– Но что? – спросил Эленд.

– Здесь очень многое зависит от тебя, мой дорогой друг, – потягивая вино, ответил Бриз. – Тебе придется встречаться с королями и убеждать обоих, что мы на их стороне. Не обижайся, но в аферах ты ничего не смыслишь. Трудно согласиться на подобный смелый план, который всецело держится на неопытном новичке в команде.

– Я могу это сделать, – твердо сказал Эленд. – Правда.

Хэм посмотрел на Бриза, потом оба повернулись к Колченогу. Сварливый генерал пожал плечами:

– Если парень хочет попробовать, пусть пробует.

– Кажется, я согласен, – со вздохом признался Хэм. – До тех пор, пока ты в этом участвуешь, Эл.

– Думаю, да, – пряча волнение, подтвердил Эленд. – Я уверен, что мы не можем сдать просто так. Возможно, это не сработает, возможно, после нескольких месяцев осады мы все равно отдадим город. Однако у нас будет несколько месяцев, во время которых что-то может измениться. Стоит подождать, а не отказаться от игры сразу. Подождать – и спланировать.

– Ладно, – кивнул Доксон. – Дайте нам время подумать и предложить идеи и варианты, ваше величество. Встретимся через несколько дней и обговорим детали.

– Хорошо, – выдохнул Эленд. – Звучит неплохо. Теперь, если мы можем перейти к другим вопросам, я бы хотел...

Договорить он не успел, потому что в дверь постучали.

Появившийся на пороге капитан Дему выглядел немного растерянным.

– Ваше величество, я прошу прощения, но... мы поймали кое-кого за подслушиванием вашего собрания.

– Что? – нахмурился Эленд. – Кого?

По знаку Дему стражники ввели женщину, которая показалась Эленду смутно знакомой. Высокая, как большинство террисийцев, одетая в яркое, но практичное платье. В длинных мочках ушей болтались многочисленные серьги.

– Я узнал тебя: ты следила за мной во время последнего заседания Ассамблеи...

Женщина не ответила. Высокомерно, несмотря на связанные руки, оглядела других обитателей комнаты. Террисийских женщин Эленд видел впервые – раньше встречал лишь слугевнухов, которых с рождения учили служению. Видимо, поэтому король ожидал, что и террисийка будет стараться ему во всем угодить.

– Она пряталась в соседней комнате, – не без некоторой растерянности докладывал Дему. – Прошу прощения, ваше величество, но я не представляю, как ей удалось пройти мимо нас. Мы нашли ее у стены, поэтому я сомневаюсь, что она что-то услышала. То есть... я хотел сказать, раз стены каменные...

Эленд встретился взглядом с женщиной. Немолодая, лет пятидесяти, она не была красивой, но и невзрачной не выглядела. Крепкая, с открытым лицом и грубоватыми чертами, со спокойным и уверенным взглядом. Эленд понял, что не сможет выдерживать долго этот взгляд.

– Что же ты хотела услышать, женщина?

Террисийка не обратила на вопрос короля никакого внимания. Она повернулась к остальным и произнесла с легким акцентом:

– Я буду говорить с королем наедине. Вы можете идти.

– А она не лыком шита, – улыбнулся Хэм.

– С чего ты взяла, что мы оставим короля наедине с тобой? – поинтересовался Доксон.

– Его величеству и мне есть о чем поговорить, – словно забыв о своем положении пленницы, деловым тоном ответила женщина. – Не стоит беспокоиться о его безопасности: будьте уверены, юная рожденная туманом, что прячется за окном, справится со мной без труда.

Эленд посмотрел в сторону маленького вентиляционного окна за большим витражом. Откуда террисийка знала, что Вин наблюдает за ними? Должно быть, слух у нее необыкновенно острый. Возможно, даже достаточно острый, чтобы подслушивать совещание через каменную стену.

– Ты хранительница, – снова повернувшись к незнакомке, констатировал Эленд.

Та кивнула.

– И тебя послал Сэйзед.

- Я здесь из-за него, – отчасти согласилась террисийка. – Но меня никто не посылал.
- Хэм, все в порядке, – медленно проговорил Эленд. – Вы можете идти.
- Уверен? – нахмурился громила.

– Можете оставить меня связанной, если хотите, – заметив его сомнения, предложила террисийка.

«Ферухимику веревки не помеха, – подумал Эленд. – Разумеется, если она и в самом деле, как Сэйзед, ферухимик-хранитель, бояться ее не следует. Теоретически...»

В конце концов члены бывшей команды Кельсера вышли из комнаты. Правда, удаляясь, всем своим видом демонстрировали, что они думают о решении короля. Ничего не поделаешь, профессиональное воровство, даже если ты и перестал им заниматься, оставляет отпечаток на всю жизнь.

– Мы будем снаружи, Эл, – закрывая за собой дверь, со значением произнес Хэм, который шел последним.

14

И все же любой, кто знает меня, поймет, что я не мог просто взять и сдаться. Когда я обнаруживаю что-то стоящее, я неотступно слеую за своей целью.

Террисийка порвала свои путы, и веревки упали на пол.

– Э-э, Вин? – Эленд начал подозревать, что остаться один на один с этой женщиной было не таким уж правильным решением. – Кажется, тебе пора войти.

– На самом деле ее там нет, – приблизившись, небрежно бросила террисийка. – Несколько минут назад она как раз отправилась делать обход. Поэтому я и позволила себя поймать.

– Ясно, – кивнул Эленд. – Сейчас позову охрану.

– Не будьте дураком! Если бы я собиралась вас убить, я бы сделала это до того, как сюда кто-то успеет войти. А теперь помолчите немного.

Эленд замер в неудобной позе, а высокая женщина медленно обошла стол, изучая молодого короля, как торговец изучает выставленную на аукцион мебель. Наконец остановилась, упрекнув руки в бока, и скомандовала:

– Выпрямитесь.

– Простите?

– Вы сутулитесь. А король должен вести себя достойно все время, даже среди друзей.

– Я, конечно, ценю совет, но... – нахмурился Эленд.

– Не так, – покачала головой террисийка. – Что вы ходите вокруг да около. Приказывайте!

– Что, простите? – опять не понял Эленд.

Вместо ответа женщина шагнула к нему, положила руку на плечо и заставила выпрямить спину. Потом отступила и легонько кивнула самой себе.

– Послушайте... я не...

– Нет, – перебила террисийка. – В каждом вашем слове должна чувствоваться сила. Внешность – слова, действия, осанка – определяет то, как люди станут судить о вас и к вам относиться. Если вы каждое предложение будете начинать мягко и неуверенно, то и выглядеть будете мягким и неуверенным. Будьте убедительнее!

– Да что тут происходит? – сердито и требовательно спросил Эленд.

– Вот! Совсем другое дело. Уже лучше.

– Вы сказали, что знаете Сэйзеда? – ощущая сильное желание ссутулиться, спросил Эленд.

– Мы с ним знакомы. Меня зовут Тиндвил, и я, как вы верно догадались, террисийская хранительница. – Женщина принялась постукивать ногой по полу, потом покачала головой. – Сэйзед предупреждал меня о вашем внешнем виде, но, честно говоря, я была убеждена, что ни один король не может запустить себя до такой степени.

– О моем внешнем виде? – переспросил Эленд. – Прошу прощения?

– Прекратите! – резко бросила Тиндвил. – Не отвечайте вопросом на вопрос, говорите прямо. Если возражаете, то возражайте – не заставляйте меня истолковывать ваши речи.

– Понятно. – Эленд поднялся. – Все это необыкновенно увлекательно, – продолжал он, направляясь к двери. – Однако на сегодня с меня довольно! Столько оскорблений за один вечер... Так что прошу меня извинить...

– Ваши люди думают, что вы дурак, Эленд Венчер.

Эленд замер.

– Ассамблея – орган, который вы сами учредили, – игнорирует вашу власть. Скаа уверены, что вы не сумеете их защитить. Даже ваши собственные друзья-советники строят планы в ваше отсутствие, предполагая, что толку от вас все равно никакого.

Закрыв глаза, Эленд медленно и глубоко вздохнул.

– У вас есть хорошие идеи, Эленд Венчер, – продолжала Тиндвил, – идеи, достойные короля. Однако вы не король. Человек может руководить, только если все принимают его руководство. У него ровно столько власти, сколько подданные ему предоставляют. Все блестящие идеи мира не смогут спасти ваше королевство, если никто не будет к ним прислушиваться.

– Об управлении и лидерстве за этот год я прочел все, что только смог найти в четырех библиотеках. Можете быть уверены, я не упустил ни одной дельной книги!

– Тогда, я подозреваю, – Тиндвил вздернула бровь, – вы провели огромное количество времени в комнате, вместо того чтобы находиться снаружи – на виду у народа – и учиться быть правителем.

– Книги обладают великой ценностью, – горячо возразил Эленд.

– Действия ценнее.

– И как же я должен научиться нужным действиям?

– От меня.

Ничего подобного Эленд не ожидал.

– Вам наверняка известно, – воспользовалась его замешательством террисийка, – что у каждого хранителя своя область интересов. Поскольку все мы можем хранить лишь определенный объем информации, каждый выбирает какую-нибудь одну область знаний. Наш общий друг Сэйзед, к примеру, занимается религиями.

– И чем же занимаетесь вы?

– Жизнеописаниями. Я изучала жизни генералов, королей и императоров, чьих имен вы наверняка даже никогда не слышали. Понимать теорию политики и лидерства, Эленд Венчер, совсем не то что понимать жизни людей, которые воплощали эти принципы в реальность.

– И... вы можете научить меня, как стать таким же?

– Возможно, – задумчиво произнесла Тиндвил. – Я еще не решила, насколько вы безнадежны. Но раз уж я здесь, сделаю все, что смогу. Несколько месяцев назад я получила письмо от Сэйзеда, в котором он описал ваше затруднительное положение. Он не просил, чтобы я пришла и научила вас; между нами говоря, Сэйзеду и самому не помешало бы научиться быть более настойчивым.

Эленд посмотрел террисийке прямо в глаза и медленно кивнул.

– Так вы согласны у меня учиться? – спросила она.

«Если она хоть немного похожа на Сэйзеда, то... что ж, я и впрямь могу рассчитывать на кое-какую помощь с ее стороны», – подумал Эленд.

– Да, – подтвердил он вслух.

– Сэйзед также упомянул о вашем смирении, – снова заговорила Тиндвил. – Это может оказаться полезным – если только не помешает в главном. А теперь, по-моему, ваша рожденная туманом вернулась.

Эленд повернулся к боковому окну. Ставень распахнулся, позволив туману литься в комнату, и открыл приоткрытую к подоконнику фигуру в плаще.

– Как ты узнала, что я здесь? – негромко спросила Вин.

Тиндвил улыбнулась – Эленд впервые увидел на ее лице подобное выражение.

– Сэйзед и о тебе упоминал, дитя. Нам с тобой тоже придется поговорить с глазу на глаз. Вин скользнула в комнату, потянув за собой туман, потом закрыла ставни. Приближаясь к Эленду и Тиндвил, она даже не пыталась скрыть переполнявшие ее враждебность и недоверие.

– Почему ты здесь? – требовательно произнесла Вин.

Лицо Тиндвил снова озарила улыбка.

– Твоему королю понадобилось несколько минут, чтобы добраться до этого вопроса, ты же задаешь его едва ли через несколько секунд. Интересная вы пара, как я погляжу.

В ответ Вин только прищурилась.

– Как бы то ни было, мне пора уходить, – примирительно сказала Тиндвил. – Мы еще поговорим, я думаю, ваше величество?

– Да, конечно, – подтвердил Эленд. – Э-э... может, мне стоит уже сейчас начать в чем-то тренироваться?

– Несомненно. – Тиндвил остановилась на полпути к двери. – Перестаньте говорить «э-э».

– Хорошо.

Хэм просунул голову в дверь, едва Тиндвил ее открыла. Он тотчас же заметил разорванные веревки, но ничего не сказал, видимо предположив, что террисийку освободил от них Эленд.

– Думаю, на сегодня хватит. Хэм, позаботишься о том, чтобы госпожу Тиндвил разместили во дворце? Она подруга Сэйзеда.

– Как пожелаете, – пожал плечами громила и, кивнув Вин, исчез.

Скрывшаяся за дверью Тиндвил даже не пожелала спокойной ночи.

Продолжая хмуриться, Вин перевела взгляд на Эленда. Тот машинально перекладывал книги и выглядел... сбитым с толку.

– Она мне не нравится.

– Тебе все при первой встрече не нравятся, Вин, – продолжая возиться с книгами, улыбнулся Эленд.

– Ты понравился.

– Это лишний раз доказывает, что ты не разбираешься в людях.

Вин помолчала, потом улыбнулась и перевела взгляд на корешки книг. Только сейчас она заметила, что они не похожи на те, что Эленд читал обычно: судя по названиям, в этих было гораздо меньше теории.

– Как все прошло сегодня вечером? – спросила она. – У меня не было времени слушать.

Эленд ответил не сразу: присел на край стола и задумчиво посмотрел на большое окно-розу в дальней части комнаты. Сейчас цвета лишь угадывались в темных стеклах.

– Думаю, неплохо.

– Я же говорила, что им понравится твой план. Они не могли устоять перед таким вызовом.

– Видимо, да, – согласился Эленд.

– Видимо? – переспросила Вин, запрыгивая на стол и садясь рядом. – Что случилось? Эта женщина что-то сказала? Что она вообще хотела?

– Просто передать кое-какие знания. Ты ведь в курсе, что хранители всегда ищут свободные уши, чтобы преподать парочку уроков.

– Полагаю, да, – медленно проговорила Вин.

Она еще ни разу не видела Эленда подавленным, хотя он и бывал расстроен. Его всегда переполняло столько идей, столько планов и надежд, что иногда Вин просто удивлялась, как он в них не запутается. На ее взгляд, ему не хватало сосредоточенности – Рин всегда говорил, что сосредоточенность спасает вору жизнь. Мечты Эленда слишком много для него значили, – правильное сказать, они составляли всю его жизнь. Трудно было даже представить, что он мог

бы от них отказаться. Во всяком случае, Вин бы это не понравилось – они являлись частью того, что она в нем любила.

– Они согласились с планом, Вин, – продолжая смотреть в окно, рассказывал Эленд. – Они даже выглядели вдохновленными, как ты и говорила. Просто... я не могу отделаться от мысли, что их предложение было куда рациональнее моего. Они хотели заключить союз с одной из армий, дать им нашу поддержку в обмен на то, чтобы меня оставили наместником в Лютадели.

– Но тогда мы бы сдались, – заметила Вин.

– Иногда сдаться лучше, чем потерпеть поражение. Я только что обрек город на длительную осаду. Для многих это означает голод, а для кого-то – голодную смерть до того, как все закончится.

Вин неуверенно положила руку ему на плечо. Обычно все было наоборот – он успокаивал ее.

– И все-таки это лучший выбор. Уверена, остальные предложили более мягкий план только из опасений, что ты не согласишься на нечто рискованное.

– Нет, – возразил Эленд, – они мне не потакали. Они действительно думали, что стратегический альянс был бы хорошим, безопасным вариантом. Он помедлил, потом наконец повернулся. – С каких пор эти люди стали такими разумными?

– Они выросли, – улыбнулась Вин. – Они просто не могли оставаться прежними – слишком велика ответственность.

– Я скажу тебе, что меня беспокоит. Возможно, их план не был разумным; допускаю, он был даже немного безрассудным и заключение соглашения оказалось бы сложной задачей. Если это и впрямь так, тогда мое предложение – суцая нелепица.

Вин стиснула его плечо:

– Мы победили Вседержителя, Эленд.

– Но тогда с тобой был Кельсер.

– Только не начинай опять.

– Извини. Но честное слово, Вин. Очень может быть, что мой план – простая самонадеянность. Помнишь, ты мне рассказывала о своем детстве? В воровской шайке, где все вокруг были больше, сильнее и злее тебя, что ты делала? Неужели бросалась драться с главарями?

Да, она помнила. Отлично помнила, что такое не поднимать глаз, быть слабой.

– Это было раньше, – мысленно отталкивая накатившие воспоминания, возразила Вин. – Нельзя позволять, чтобы другие все время тебя побеждали. Вот чему меня научил Кельсер, потому мы и одолели Вседержителя. Потому в Последней империи на протяжении многих лет скаа поднимали восстания, хотя не было ни малейшего шанса на победу. Рин говорил, что повстанцы дураки. Но Рин умер, и Последняя империя тоже умерла. И... – Вин наклонилась, заглядывая в глаза Эленду. – Ты не можешь сдать город. Сомневаюсь, что мне понравится, как это на тебя повлияет.

Немного помедлив, Эленд слабо улыбнулся:

– Ты иногда бываешь очень мудрой, Вин.

– Ты правда так считаешь?

Он кивнул.

– Что ж, – усмехнулась Вин, – тогда ты так же плохо разбираешься в людях, как и я.

Эленд рассмеялся, потом обнял ее одной рукой и прижал к себе.

– Патрулирование сегодня обошлось без происшествий, как я погляжу?

Туманный дух. Падение. Холод в предплечье, который она все еще чувствовала, хотя уже едва помнила.

– Верно, – согласилась Вин.

В последний раз, когда она обмолвилась о туманном призраке, Эленд тотчас же решил, что у нее видения.

– Знаешь, Вин, надо было тебе прийти на собрание. Мне лучше, когда ты рядом.

Она не ответила.

Несколько минут они сидели молча, любясь странной завораживающей красотой темного окна. Из-за отсутствия снаружи света особенно четко проступали узоры на стекле – осколки, большие и малые, длинные и короткие, были словно сшиты друг с другом металлическими нитями...

– Эленд? – первой заговорила Вин. – Я волнуюсь.

– Я бы удивился, если бы ты не волновалась. От присутствия этих армий у меня даже мысли путаются.

– Нет, я волнуюсь совсем о другом.

– Например?

– Ну... я думаю о том, что сказал перед смертью Вседержитель. Ты помнишь?

Эленд кивнул. Его там не было, но она все рассказала.

– Вседержитель говорил о том, что сделал для человечества, – продолжала Вин. – О том же говорят и легенды: что он спас всех нас. От Бездны.

Эленд снова кивнул.

– Но что же такое Бездна? – рассуждала Вин. – Ты ведь аристократ, и религия для вас не была под запретом. Что говорило братство о Бездне и Вседержителе?

– Немногое, если честно, – пожал плечами Эленд. – Религия не запрещалась, но и не поощрялась. Было что-то собственническое в братстве – что-то, говорившее, будто они сами позаботятся о религии и нам не стоит даже в эти сферы соваться.

– Но что-то же они вам говорили, так?

– В большинстве случаев объясняли, почему аристократы благословенны, а скаа прокляты. Думаю, хотели дать понять, как нам повезло, хотя, если честно, меня всегда немного беспокоило их учение. Видишь ли, они утверждали, что мы знатные, потому что наши предки поддержали Вседержителя перед Вознесением. То есть привилегий для нас добились другие. Разве это справедливо?

– Не менее справедливо, как все остальное, я бы сказала.

– Неужели это тебя никогда не злило? – удивился Эленд. – Неужели не раздражало, что у знати было все, а у вас практически ничего?

– Все, что было у знати, мы могли отнять, – пожала плечами Вин. – Какая разница, откуда они это получили? Предположим, у меня была еда, которую другие воры потом отняли. Не все ли равно, откуда я ее взяла, раз у меня ее забрали.

– Ты знаешь, – после некоторого раздумья ответил Эленд, – я пытаюсь представить, что сказали бы политические теоретики, которых я читаю, повстречай они тебя. Подозреваю, они бы подняли руки в знак своего полного бессилия.

Вин легонько ударила его в бок:

– Хватит политики. Расскажи мне о Бездне.

– Ну, думаю, это был какой-то монстр – темная и злая тварь, которая почти уничтожила мир. Вседержитель совершил путешествие к Источнику Вознесения, где получил силу, после чего победил Бездну и объединил человечество. В городе есть несколько памятников, посвященных...

– Да, но по ним неясно, как выглядела Бездна, – перебила Вин. – Ее изображают в виде бесформенной туши у ног Вседержителя.

– Поскольку последний человек, который на самом деле видел Бездну, умер год назад, нам придется довольствоваться памятниками.

– Если только она не вернется, – негромко заметила Вин.

– Так вот в чем дело... – Эленд было нахмурился, но его лицо тут же смягчилось. – Двух армий, я вижу, тебе недостаточно? Нужно еще беспокоиться о судьбе всего мира?

Вин робко опустила глаза, и Эленд, рассмеявшись, обнял ее покрепче:

– Ах, Вин. Я знаю, ты немного параноик – по правде говоря, учитывая положение вещей, я и сам становлюсь таким же, – но думаю, что уж об этой проблеме тебе не стоит беспокоиться. Никогда не слышал о чудовищных порождениях зла, бесчинствующих на земле.

Вин не спорила, и Эленд расслабился, решив, что ответил на ее вопрос.

«Герой Веков отправился к Источнику Вознесения, чтобы победить Бездну, – думала рожденная туманом. – Пророчества утверждают, что Герой должен не забирать силу, а отдавать. Что она сама по себе сможет уничтожить Бездну. Однако Рашек забрал силу. Разве это не означает, что Бездну не победили? Только почему тогда мир не был уничтожен?»

– Красное солнце и коричневые растения – это все Бездна?

– Все еще не успокоилась? – нахмурился Эленд. – Красное солнце и коричневые растения? А какого еще цвета они могут быть?

– Кельсер говорил, что когда-то солнце было желтым, а растения зелеными.

– Вот уж странная картина.

– Сэйзед согласен с Кельсером, – настаивала Вин. – Легенды говорят, будто в первые дни правления Вседержителя солнце изменило цвет и с неба посыпался пепел.

– Что ж, – согласился Эленд, – возможно, Бездна как-то с этим и связана. Не знаю, честно говоря.

Несколько секунд он сидел, погруженный в раздумья.

– Зеленые растения? Почему не пурпурные или синие? Странно...

«Герой Веков отправился на север, к Источнику Вознесения...» – продолжала размышлять Вин.

Она чуть повернулась, глядя на далекие Террисские горы. Был ли он все еще там, этот Источник Вознесения?

– Кстати, удалось что-нибудь вытянуть из Ор-Сьера? – прервал ее размышления Эленд. – Что могло бы нам помочь в поисках шпиона?

– Он сказал, кандра не могут применять алломантию.

– Значит, ты сможешь найти нашего самозванца? – сразу оживился Эленд.

– Возможно. По крайней мере, я могу проверить Призрака и Хэма. С обычными людьми труднее. Правда, кандру нельзя пригасить... Может быть, это позволит мне найти шпиона.

– Звучит многообещающе, – еще больше воодушевился Эленд.

Вин кивнула. Воровка в ней, одержимая девчонка, которую Эленд всегда дразнил, изнывала от желания использовать алломантию на нем, проверить его, увидеть, как он отреагирует на разжигание и гашение эмоций. Вин себя остановила. Только этому человеку она могла доверять. Других она проверит, но ни за что не будет допрашивать Эленда. Лучше поверить ему и ошибиться, чем справиться с тревожным недоверием.

«Вот теперь я наконец-то понимаю, – подумала Вин и невольно вздрогнула. – Кельсер. Я догадалась, что произошло у тебя с Мэйр. Я не повторю твоей ошибки».

Эленд смотрел вопросительно.

– Что? – спросила Вин.

– Ты улыбаешься. Расскажешь, что тебя повеселило.

Вин обняла его.

– Нет, – просто сказала она.

– Хорошо, – улыбнулся Эленд. – Можешь проверять Призрака и Хэма, но я совершенно уверен, что самозванец не проник в шайку: я со всеми сегодня говорил, и они вели себя как обычно. Надо искать среди слуг во дворце.

«Он не знает, какие кандра хорошие актеры».

Вражеский кандра, должно быть, много месяцев изучал свою жертву, узнавая и запоминая все ее повадки.

– Я говорил с Хэмом и Дему, – продолжал Эленд. – Они члены дворцовой охраны и знают о костях, к тому же Хэм догадался, что они означают. Значит, смогут без шума проверить слуг и определить самозванца.

Вин чуть не взорвалась от досады: как же он доверчив!

«Нет, – решила она. – Пусть думает о хорошем. У него и так достаточно забот. Кроме того, может быть, кандра и в самом деле имитирует кого-то не из шайки Кельсера. Пусть Эленд проверит все сам. А если самозванец – член шайки... что ж, в этой ситуации моя одержимость очень даже пригодится».

– Ну ладно, – Эленд поднялся, – мне надо еще кое-что сделать, пока не стало совсем поздно. – И, подарив Вин долгий поцелуй, ушел.

Некоторое время рожденная туманом продолжала сидеть на столе, глядя не на большое окно-розу, а на маленькое окошко сбоку, которое оставила приоткрытым. За ним была ночь. Туман колыхался в темноте, протягивая осторожные щупальца в комнату. Они потихоньку испарялись в тепле.

– Я тебя не боюсь, – прошептала Вин. – И я узнаю твой секрет.

Спрыгнув со стола, она выскользнула в окно, чтобы встретиться с Ор-Сьером и еще раз проверить окрестности дворца.

15

Я определил, что Аленди – Герой Веков, и вознамерился это доказать. Мне следовало покориться воле остальных, а не настаивать, чтобы меня взяли в путешествие в качестве хрониста Аленди.

Аленди, как и должно было случиться, догадался, кем я его считаю.

На восьмой день после того, как они покинули Обитель, Сэйзед проснулся в одиночестве: под деревом, где спал инквизитор, осталось лишь пятно чистой земли.

Отбросив одеяло, покрытое тонким слоем выпавшего за ночь пепла, Сэйзед поднялся. Немногочисленные деревья в этих краях росли кривыми и узловатыми. Зато под их плоскими, густо усеянными коричневыми иголками ветками можно было укрыться от пепла. Впрочем, пепел мог проникнуть в любое убежище, на открытых пространствах его намело аж целые холмы. Щурясь от ярко-красного солнечного света, террисиец долго оглядывал продуваемые всеми ветрами окрестности. Никаких признаков инквизитора.

В ожидании, что Марш все-таки объявится, Сэйзед приготовил завтрак – Марш не вернулся. Постирал в близлежащем ручье дорожную одежду, зашил дыру на рукаве, смазал дорожные ботинки, побрил голову. Потом достал рисунок, который скопировал в Обители, разобрал несколько слов и заставил себя отложить лист: от частых прикосновений и пепла буквы могли размазаться. Нет, лучше уж подождать, пока у него будет подходящий стол и чистая комната.

Марш так и не появился.

Наконец ушел и Сэйзед. Он чувствовал, что надо торопиться. Отчасти это было возбуждение от обладания знаниями, которыми необходимо поделиться, отчасти – желание посмотреть, как Вин и молодой король Эленд Венчер справляются с управлением Лютаделью.

Марш знает дорогу. Он догонит.

* * *

Сэйзед поднял руку, заслоняясь от красного солнечного света, и посмотрел вниз с вершины холма. На горизонте, к востоку от главной дороги, что-то темнело. Террисиец прикоснулся к своей географической медной метапамяти, выискивая описание Восточного доминиона, и знания потекли в сознание.

Темное пятно оказалось деревней под названием Урбене. Сэйзед поискал в одном из указателей подходящий географический справочник. Указатель выглядел нечетким: слишком часто приходилось им пользоваться – перекидывать сведения туда и обратно. Знания внутри медной метапамяти оставались нетронутыми, но все, что попадало в голову хранителя даже на несколько мгновений, искажалось. Придется потом заново запоминать указатель.

Наконец Сэйзед нашел что искал и загрузил нужные воспоминания. В справочнике Урбене значилось как «живописное место». Не иначе какой-нибудь важный аристократ построил там замок. Скаа в Урбене, судя по записям, занимались пастушеством.

Набросав нужные сведения на клочке бумаги, Сэйзед отправил справочник на место. Как и указатель, он потихоньку портился. Ничего страшного: в Террисе хранился второй набор медной метапамяти. Та же, что Сэйзед носил с собой, была рабочей и предназначалась для каждодневного использования. Знания без применения на практике никому еще пользы не приносили.

Однако знания знаниями, а желудок уже давно расправился с жидкой утренней похлебкой и требовал чего-нибудь посущественнее. Посещение деревни представлялось очень заманчивым. Времени на это уйдет немного, а заодно можно будет узнать новости о событиях в Лютадели.

Водрузив на плечо мешок, Сэйзед спустился по невысокому холму, на маленькой развилке свернул на восток. Когда-то в Последней империи путешествовали мало. Вседержитель запретил скаа покидать предназначенные им земли, и только воры и мятежники осмеливались ему не повиноваться. Впрочем, большинство аристократов зарабатывали торговлей, так что деревня вроде Урбене должна была привыкнуть к чужакам. Неладное Сэйзед заметил сразу же: по окрестностям неприкаянно бродили козы. Он помедлил, потом раскопал в мешке медную метапамять и принялся изучать ее прямо на ходу. Одна из книг по сельскому хозяйству утверждала, что иногда пастухи оставляют стада пастись самостоятельно. Однако оставленные без присмотра животные беспокоили. Сэйзед ускорил шаг.

«К югу отсюда скаа голодают, – подумал он. – Неужели тут поголовье домашнего скота столь многочисленно, что никто не бережет его от бандитов или хищников?»

Впереди показалась маленькая деревня. Сэйзед почти убедил себя, что тишина на улицах, качающиеся на ветру приоткрытые двери и ставни – все это связано с его приближением. Может быть, люди так испугались, что попрятались. Или просто вышли в поля. Пасти скот...

Террисиец остановился. Порыв ветра принес красноречивый запах со стороны деревни. Скаа не спрятались и не сбежали. Это был запах разлагающихся тел.

С внезапной поспешностью Сэйзед вытащил маленькое кольцо – оловянную метапамять для обоняния – и надел его на большой палец. Принесенный ветром запах свидетельствовал не о массовом убийстве. Это был затхлый, грязный запах – запах не только смерти и разложения, но еще и немытых тел, мусора. Террисиец начал заполнять, а не осушать оловянную метапамять, и его обоняние сразу ухудшилось, избавив от рвотных позывов.

Урбене ничем не отличалась от большинства поселений скаа: десять больших лачуг располагались вокруг площади с колодцем. Сами постройки были из дерева, а для кровли использовались покрытые иголками ветки с уже знакомых Сэйзеду деревьев. Хижина надсмотрщика вместе с красивым домом аристократа стояла чуть дальше в долине.

Если бы не запах и ощущение населенной призраками пустоты, террисиец мог бы согласиться с описанием Урбене в справочнике. Лачуги выглядели ухоженными для домов скаа, а сама деревня находилась в уютной ложине посреди холмов.

Лишь приблизившись, Сэйзед обнаружил первые тела – они распростерлись у дверей ближайшей лачуги. Их было примерно с полдесятка, и, похоже, люди умерли по меньшей мере несколько дней назад. Террисиец присел возле тела какой-то женщины, но не обнаружил видимых причин смерти. Остальные выглядели так же.

Преодолевая невольную дрожь, Сэйзед заставил себя подойти и открыть дверь лачуги. Вонь изнутри оказалась столь сильна, что почувствовалась даже сквозь оловянную метапамять.

Лачуга состояла из одной комнаты, которую заполняли... трупы. Большинство лежало, завернувшись в тонкие одеяла; некоторые сидели, прислонившись к стенам, безвольно опустив гниющие головы. Изможденные, почти лишенные плоти тела с тонкими конечностями и выступающими ребрами, с безумными, невидящими глазами на иссушенных лицах.

Эти люди явно умерли от голода и обезвоживания.

На улицу Сэйзед вышел пошатываясь. Он не надеялся найти что-то другое в соседних постройках, но все равно проверил – и увидел повторяющуюся снова и снова картину: тела без ран снаружи на земле и множество скученных тел внутри. Мухи роились над лицами. В нескольких лачугах обнаружили обглоданные человеческие кости.

Из последней хижины Сэйзед выбрался, глубоко дыша ртом. Десятки людей – в целом больше сотни – умерли по неизвестной причине. Что же могло заставить их всех просто сидеть, спрятавшись по домам, пока не закончилась пища и вода? Как они могли умереть от голода, раз животные бегали вокруг? И что убило тех, кого он нашел снаружи лежащими в пепле? На первый взгляд они выглядели не столь истощенными, как те, что внутри, однако, учитывая уровень разложения, разобраться было трудно.

«Нет, это не голод, – сказал себе Сэйзед. – Должно быть, чума или другая болезнь. Такое объяснение более логично».

Он порылся в своей медицинской медной метапамяти. Конечно, существовали эпидемии, которые могли нагрянуть быстро, оставляя жертвы обессиленными. А выжившие могли сбежать. Оставив близких. Не забрав животных с пастбищ...

Скорбные размышления прервали какие-то шорохи.

Сэйзед повернулся, черпая слух из оловянной метапамяти. Звуки не померещились – дыхание, движение в одной из лачуг, где он уже побывал. Террисиец метнулся назад, распахнул дверь... Тела лежали так же, как и когда он их видел в последний раз. Сэйзед высматривал тех, чья грудная клетка двигалась.

«Ради забытых богов...»

Этому человеку не нужно было стараться, изображая мертвого. Абсолютно лысый, с запавшими глазами, он не выглядел совсем уж истощенным, и Сэйзед пропустил его, должно быть, из-за того, что тело скаа было грязным и походило на труп.

Террисиец приблизился.

– Я друг, – сказал он негромко.

Незнакомец не шевельнулся. Сэйзед нахмурился, прошел вперед и положил руку ему на плечо. Крестьянин распахнул глаза, закричал, вскочил на ноги; перепрыгивая через трупы, рванулся в дальний угол и скорчился там, устремив на хранителя безумный взгляд.

– Пожалуйста, не бойся, – мягко заговорил Сэйзед, опуская мешок. Кроме пряностей для похлебки, у него оставалось несколько пригоршней муки. Он достал немного. – Хочешь есть?

Человек покачал головой.

– Нет еды, – прошептал он. – Мы все съели. Кроме...

Его глаза метнулись к центру комнаты. К костям, которые Сэйзед заметил раньше. Сырые, обглоданные, сложенные горкой под тряпьем. Их как будто хотели спрятать.

– Я их не ел.

– Знаю. – Сэйзед шагнул вперед. – Но снаружи...

– Не могу наружу, – перебил скаа.

– Почему?

Прежде чем ответить, крестьянин помедлил и отвел взгляд:

– Туман.

Сэйзед оглянулся на дверь. Солнце приближалось к горизонту, но до заката оставался еще час или около того. Тумана не было. По крайней мере, не было сейчас. Почувствовав озноб, террисиец медленно повернулся к крестьянину:

– Туман... днем?

Тот кивнул.

– И он остался? Не уходил в течение нескольких часов?

Скаа покачал головой:

– Дней... недель... все в тумане...

«Вседержитель!» – подумал террисиец, но взял себя в руки.

Он уже давно не поминал имени этого монстра, даже в мыслях.

Но туман, приходящий днем и остававшийся – если только этот человек говорил правду – на недели... Сэйзед понимал, почему перепуганные скаа забились в лачуги: тысячи лет ужаса и суеверий не давали им выйти на разведку.

Но оставаться внутри, пока не умрешь? Разве мог даже сидящий глубоко в душе страх перед туманом быть настолько силен, чтобы заставить уморить самих себя голодом?

– Почему ты не вышел? – спросил Сэйзед.

– Некоторые вышли, да... Джелл. Догадайся, что с ним случилось.

– Умер? – нахмурился Сэйзед.

– Туман забрал его. О, как он трясся! Он был упрямый, да-да. Старик Джелл. О, как он затрясся! Как он корчился, когда его забирал туман...

Сэйзед прикрыл глаза: «Тела, которые я нашел снаружи».

– Некоторые ушли...

– Что? – встрепнулся Сэйзед, снова открывая глаза.

– Некоторые ушли, да-да. – Сумасшедший крестьянин закивал. – Они нас звали, когда вышли из деревни. Говорили, что все хорошо. Их не забрали. Не знаю почему. Но других он убил. Некоторые упали на землю, но потом встали. Некоторых он убил.

– Туман позволил некоторым выжить, но убил остальных?

Скаа не ответил. Теперь он не сидел, а лежал, устремив рассеянный взгляд в потолок.

– Пожалуйста, – попросил Сэйзед. – Ответь мне. Кого он убил, а кому позволил уйти? Какая связь?

Крестьянин повернулся.

– Пора поесть, – сказал он, поднимаясь.

И побрел к одному из трупов. Потянул его за руку, отрывая гнилое мясо. Было нетрудно понять, почему этот скаа не умер от голода, как остальные.

Поборов тошноту, Сэйзед метнулся через комнату и перехватил руку готового вгрызться в лишенную плоти кость крестьянина.

– Это не мое! – заорал тот, бросив кость, и ринулся в дальний угол.

«Я должен торопиться, – подумал Сэйзед. – Должен попасть в Лютадель. В этом мире есть проблемы посерьезнее бандитов и армий».

Сумасшедший смотрел с животным ужасом. Сэйзед поднял свой рюкзак, вытащил самую большую пьютерную метапамять, закрепил на предплечье широкий металлический наруч и пошел к крестьянину.

– Нет! – закричал тот, пытаясь увернуться.

Сэйзед коснулся пьютерной метапамяти, черпая силы; почувствовал, как растут мышцы, а одежда становится тесной. Он схватил крестьянина, когда тот пробегал мимо, и, стиснув так, чтобы не причинить вреда ни себе, ни ему, вынес наружу.

Несчастный перестал сопротивляться, как только оказался на свету. Посмотрел вверх, словно впервые увидев солнце. Сэйзед отпустил его, освобождая пьютерную метапамять.

Опустившись на колени, крестьянин продолжая глядеть на солнце, потом повернулся к хранителю:

– Вседержитель... почему он нас бросил? Почему ушел?

– Вседержитель был тираном.

– Он любил нас, – покачал головой скаа. – Он правил нами. Теперь его нет, и туман может убивать. Туман ненавидит нас... – С удивительной ловкостью он вдруг вскочил на ноги и побрел по дороге, ведущей из деревни.

Сэйзед шагнул было следом, но остановился. Что ему делать? Тянуть безумца за собой в Лютадель? Тут есть колодец и животные – в общем, от голода и жажды не умрет. Оставалось только надеяться, что бедолага справится.

Вздыхнув, террисиец вернулся в лачугу и забрал свой мешок. Выходя, он помедлил, потом вытащил одну из стальных метапамятей. Сталь содержала, наверно, самое сложное качество, какое только можно было собрать, – физическую скорость. Сэйзед потратил месяцы, заполняя эту метапамять на случай, если придется очень-очень быстро бежать.

И надел.

16

Да, именно Аленди стал распускать слухи после того, как это произошло. Я бы не сумел убедить весь мир поверить в то, что он действительно Герой. Не знаю, верил ли в это сам Аленди, но остальных он поверить заставил.

Вин проводила в своих покоях мало времени. Эленд выделил ей просторные комнаты – в этом, наверное, и заключалась проблема. С ранних лет будущая рожденная туманом привыкла отсыпаться в укромных уголках, норах или переулках. Три отдельные комнаты ее слегка пугали.

Пока Вин бодрствовала, она находилась с Элендом или в тумане. Комнаты существовали для того, чтобы в них спать. Или чтобы устраивать в них беспорядок. Дворецкий Эленда, обеспокоенный тем, что здесь нет никакой мебели, настоял на обустройстве комнат. Этим утром Вин отпихнула кое-что из предметов обстановки в сторону, свалила в кучу ковры и стулья, чтобы устроиться с книгой в центре главной комнаты на холодных камнях.

На самом деле это были просто неплотно сшитые листы, что очень устраивало Вин: простой переплет позволял с легкостью вытаскивать, переставлять страницы, раскладывая их в отдельные стопки.

До чего же их много! Вин просмотрела содержимое одной из них, покачав головой, переползла к другой, пролистала страницы и в конце концов отобрала одну.

«Иногда я думаю, что схожу с ума, – читала Вин. – Возможно, меня угнетает осознание того, что я каким-то образом должен нести груз, равный целому миру. Возможно, это связано со смертями, которые я видел, с друзьями, которых потерял. С друзьями, которых я вынужден был убить.

Как бы то ни было, я иногда вижу, что за мной следуют тени. Темные создания, которых я не понимаю и не хочу понимать. Быть может, они лишь плод моего перенапряженного ума?»

Некоторое время Вин сидела, вновь и вновь перечитывая эти два абзаца, потом переложила лист в другую стопку. Ор-Сьер лежал у стены, опустив голову на лапы, и наблюдал.

– Госпожа, – сказал он, когда она отложила страницу, – я слежу за вами последние два часа и должен признать, что совершенно растерян. В чем суть ваших действий?

Вин подползла к другой стопке бумаг:

– А я думала, тебе безразлично, как я провожу время.

– Отчасти да, – согласился Ор-Сьер. – Но мне бывает скучно.

– И еще, похоже, ты способен сердиться.

– Я предпочитаю понимать, что происходит вокруг меня.

– Это дневник Вседержителя. – Вин махнула рукой на стопки бумаги. – Или, точнее, дневник не того Вседержителя, которого мы знали, но человека, который должен был стать Вседержителем.

– Должен был стать? – переспросил Ор-Сьер. – Вы хотите сказать, он должен был покорить мир, но не сделал этого?

– Нет, – возразила Вин. – Я хочу сказать, что он должен был взять силу из Источника Вознесения. Человек, написавший книгу, – мы не знаем, как его на самом деле звали, – являлся кем-то вроде Героя из пророчества. Или... все думали, что это он. В любом случае тот, который стал Вседержителем – Рашек, – был всего лишь носильщиком Героя. Помнишь, мы говорили об этом, когда ты играл роль Рену?

Ор-Сьер кивнул:

– Теперь вспоминаю, что вы об этом обмолвились.

– Так вот, эту книгу Кельсер и я нашли, когда проникли во дворец Вседержителя. Мы думали, ее писал Вседержитель, но на самом деле она написана человеком, которого Вседержитель убил и чье место занял.

– Да, госпожа. Но почему же вы теперь рвете ее на части?

– Я не рву. Просто я разняла листы и сложила их по-другому. Это помогает мне думать.

– Я... понимаю, – сказал Ор-Сьер. – И что же вы на самом деле ищете? Вседержитель мертв, госпожа. Насколько я знаю, вы его и убили.

«Что я ищу? – подумала Вин, принимаясь за другую страницу. – Призраков в тумане».

Она внимательно прочитала написанное: «Это не тень.

Темное создание, что следует за мной, существо, которое только я могу видеть, – это на самом деле не тень. Оно черноватое, полупрозрачное, но у него нет четких очертаний, как у тени. Оно нематериальное, легкое и бесформенное. Как будто создано из черного дыма.

Или, возможно, из тумана».

«Оно и за ним следило». Вин опустила страницу.

Она помнила, как, читая эти слова год назад, решила, что Герой, должно быть, начал сходить с ума. Неудивительно, учитывая все, что на него свалилось.

Теперь, однако, Вин гораздо лучше понимала безымянного автора дневника. Она знала, что он не стал Вседержителем. Вин представляла человека неуверенного в себе и в своем призвании, но втянутого в важные события. Полного решимости сделать все, что возможно. Отчасти идеалиста.

И его преследовал туманный дух. Что это означает? Что будет с ней, раз и она тоже его видит?

Все утро Вин провела, просматривая дневник, в поисках ключей к туманному существу. Однако не нашла ничего, кроме этих двух уже знакомых отрывков.

Она собрала вместе страницы, на которых говорилось о чем-то странном или сверхъестественном. Отдельную маленькую стопку сложила из страниц, где упоминался туманный дух. И еще одну – с упоминаниями Бездны. Последняя, как ни парадоксально, получилась самой большой и самой бесполезной. Автор дневника часто вспоминал Бездну, ничего конкретного при этом о ней не сообщая.

Понятно, что Бездна была опасна. Она разоряла земли, убивала тысячи людей. Чудовище сеяло хаос везде, где появлялось, неся разрушения и страх, и армии ничего не могли с этим поделать. Только терриссийские пророчества и Герой Веков давали надежду.

«Что ему стоило написать яснее!» – раздраженно подумала Вин, быстро перелистывая страницы.

Однако интонация дневника была скорее меланхоличной, чем информативной. Герой вел его для себя, чтобы не сойти с ума, чтобы перенести свои страхи и надежды на бумагу. Эленд сказал, что иногда пишет по тем же причинам. Вин подобный метод борьбы с проблемами казался глупым.

Со вздохом она повернулась к последней стопке – той, чьи страницы еще только предстояло изучить. Рожденная туманом улеглась на каменный пол и начала читать, выискивая полезные сведения.

Это заняло немало времени. Мало того что она читала медленно, так еще и все время отвлекалась. Некоторые фразы и даже отдельные слова напоминали о времени, когда Вин читала дневник в первый раз. Два года и целый мир назад в Феллисе она как раз приходила в себя после нападения Стального инквизитора, который едва ее не убил. Вин притворялась тогда Валетт Рену, молодой и неопытной провинциальной аристократкой.

Тогда она еще не верила в план Кельсера по обрушению Последней империи. Вин оставалась с шайкой не потому, что ценила их устремления, а потому, что общение с этими людьми давало совершенно удивительное: дружбу, доверие и уроки по алломантии. Она никогда бы не догадалась, к чему все это в итоге приведет. К балам и званым ужинам, к тому, что Вин постепенно стала – пусть лишь чуть-чуть – той самой аристократкой, которой притворялась.

Но это был всего лишь балаган – несколько месяцев игры в фантазию. Вин заставила себя забыть о платьях с оборками и танцах, чтобы сосредоточиться на вещах, имевших практическое значение.

«Неужели в этом есть... смысл? – Вин машинально положила страницу поверх стопки. – Изучать необъяснимое, остерегаться опасности, которую никто другой даже не замечает?»

Лежа на животе, она со вздохом сложила руки под подбородком. О чем же она на самом деле беспокоилась? Что Бездна вернется? Предположим, призрачные видения в тумане, как считает Эленд, всего лишь прихоть ее измученного сознания. Куда важнее другой вопрос. Если Бездна – реальность, что Вин собиралась делать? Ведь она не герой, не генерал и не королева.

«Ох, Кельсер, – подумала она, берясь за другую страницу. – Как бы ты нам сейчас пригодился».

Кельсер не признавал условностей... даже как-то умудрялся пренебрегать реальностью. Он думал, что, отдав жизнь для победы над Вседержителем, обеспечит свободу для скаа. Но что, если его жертва открыла путь более серьезной угрозе, чему-то столь разрушительному, что гнет Вседержителя показался бы предпочтительной альтернативой?

Наконец-то дочитав страницу, Вин уже собиралась положить ее к тем, которые не содержали полезной информации, но рука остановилась на полудвижении... Она же совсем не помнила свежепрочитанного. Интересно, как с подобным справлялся Эленд? Он ведь мог изучать те же самые книги снова и снова. Нет, для Вин это было слишком трудно...

Она все же взялась перечитывать страницу и замерла.

«Значит, я не сумасшедший. Если я в это не поверю, то нет никакой разумной причины продолжать путешествие. Существо, которое преследует меня, просто обязано быть настоящим».

Вин очень смутно помнила эту часть дневника. Записи в нем шли друг за другом, но не были датированы. Автор часто перескакивал с одной мысли на другую и постоянно скатывался к унылым размышлениям о собственных слабостях. Здесь Вин и не рассчитывала встретить что-то полезное.

Но прямо посреди жалоб оказался лакомый кусочек.

«Думаю, оно убьет меня, если сможет. В создании из теней и тумана чувствуется что-то злое, его прикосновения отвратительны. Впрочем, оно, похоже, ограничено в своих действиях, особенно по отношению ко мне.

И тем не менее оно может воздействовать на этот мир. Нож, который оно направило в грудь Федика, хорошее тому подтверждение. Я все еще не уверен, что более опасно для него – сама рана или то существо, которое ее нанесло.

Рашек пустил слух, будто это именно я ударил Федика ножом, потому что лишь Федик и я были свидетелями случившегося ночью. Однако нужно принять решение. Я должен убедиться, что не сошел с ума. Или мне придется признать, будто я сам и держал тот нож.

Каким-то образом, зная мнение Рашека, я могу с большей легкостью поверить в обратное».

Дальше шел рассказ о Рашеке, и следующие несколько записей не содержали упоминаний о туманном духе. Однако Вин даже эти абзацы показались увлекательными.

«Он принял решение, – подумала она. – Мне надо сделать то же самое».

Вин никогда не беспокоилась, что могла сойти с ума, но в словах Эленда чувствовалась логика. Теперь Вин ее отвергла. Туманный дух не был видением, вызванным напряжением и подспудными воспоминаниями о дневнике. Он был настоящим.

Это еще не означало, что Бездна возвращалась или что Лютадели угрожала сверхъестественная опасность. Но и то и другое являлось возможным.

Переложив страницу к двум другим, содержавшим конкретную информацию о туманном духе, Вин продолжила свои изыскания, стараясь читать внимательнее.

* * *

Солдаты строили укрепления.

Эленд наблюдал со стены, как его план, зыбкий и неопределенный, начал принимать форму. Страфф строил защитный периметр с севера, удерживая канал, представлявший собой сравнительно короткую дорогу до Урто, его родного города и столицы. Сетт копал к западу от города, держась поблизости от канала Лут-Дан, который вел к его консервному заводу в Хаверфрексе.

Консервный завод. Хотел бы Эленд иметь у себя в городе что-то подобное. Технологию разработали лет пятьдесят назад с целью обеспечить легкую доставку провизии солдатам, сражавшимся на границе империи. Разумеется, никто и словом не обмолвился о возможности собрать запасы продовольствия на случай осады, особенно в Лютадели. Разве кто-то мог такое себе вообразить?

Пока Эленд наблюдал, со стороны армий выдвинулись патрули. Одни направились к границе между двумя силами – действия других были направлены на обеспечение безопасности каналов, мостов через реку Каннерал и дорог, ведущих из Лютадели. За удивительно короткое время город оказался полностью окружен. Отрезан от мира и от остального маленького королевства Эленда. Все, больше никаких передвижений сюда или отсюда. Армии рассчитывали, что болезни, голод и другие беды вынудят Эленда встать на колени.

Осада Лютадели началась.

«Это хорошо, – сказал себе Эленд. – Чтобы план сработал, они должны считать, что я в отчаянии и готов заключить союз. Им и в голову не должно прийти, будто я могу договариваться и с их врагами».

Пока Эленд наблюдал, по ступенькам неторопливо взбирался Колченог.

– Поздравляю, – сказал генерал, наконец доковыляв до пребывавшего в одиночестве короля. – Ты добился настоящей, без дураков, осады.

– Именно.

– Думаю, это даст нам передышку. – Колченог оглядел Эленда с обычной своей придирчивостью. – Надеюсь, ты справишься, мальчик.

– Я тоже надеюсь.

– Все внимание сейчас сосредоточено на тебе, – продолжал Колченог. – Ассамблея не сможет прервать осаду, пока ты не встретишься со Страффом, а короли не склонны встре-

чатся с кем-то из нашей шайки, кроме тебя. Ты теперь главный. Таким и должен быть король. Если он, конечно, хороший король.

Колченог смолк. Эленд продолжал смотреть на разделенные войска. Слова, которые произнесла террисийка Тиндвил, не выходили у него из головы.

«Ты дурак, Эленд Венчер...»

Пока ни один из королей не ответил на просьбу Эленда о встрече, хотя шайка была уверена, что скоро это произойдет. Его враги, разумеется, не торопятся – чтобы он немного помучился. А Ассамблея, вероятно рассчитывая уговорами и угрозами заставить его освободить их от данного ранее обещания, созвала новое совещание. Однако Эленд нашел подходящий повод туда не идти.

Он посмотрел на генерала:

– А я хороший король, Колченог? Как считаешь?

В ответном взгляде, который бросил генерал, Эленд увидел всю жестокую мудрость.

– Видал я командиров и похуже. Но и на тех, кто был намного лучше, тоже насмотрелся.

– Я вот в чем хочу быть хорошим, Колченог. Никто другой не будет заботиться о скаа так, как надо. Сетт, Страфф. Они просто снова сделают людей рабами. Но я... я хочу быть чем-то большим, чем мои идеи. Я хочу... нет, я должен быть человеком, который станет примером для других.

Колченог пожал плечами:

– Мой опыт подсказывает, что человека создают обстоятельства. Кельсер был самовлюбленным щеголем, пока Ямы его чуть не сломали. – Генерал посмотрел на Эленда. – Станет ли эта осада Ямами Хатсина для тебя, Эленд Венчер?

– Не знаю, – честно признался король.

– Тогда, думаю, надо подождать. А сейчас кое-кто хочет с тобой поговорить.

Колченог указал вниз, на высокую фигуру в разноцветных террисийских одеждах.

– Велела мне прислать тебя, – пояснил генерал. – Нечасто попадают люди, которые могут мне приказывать. А тут еще и террисийка! До сих пор я был уверен, что все террисийцы спокойные и добрые.

– Это Сэйзед нас испортил, – улыбнулся Эленд.

– Вот тебе и тысяча лет улучшения породы! – фыркнул Колченог. И, снова став серьезным, добавил: – Уверен, что она неопасна?

– Да. Ее историю подтвердили несколько террисийцев – Вин привела их из города. Они узнали Тиндвил. Похоже, у себя на родине она довольно-таки важная персона.

К тому же Тиндвил продемонстрировала ферухимию, увеличив силу, чтобы освободить руки. Значит, она не кандра. Другими словами, этой женщине можно было доверять, и даже Вин это признала, хотя террисийка ей по-прежнему не нравилась.

Удовлетворенный объяснениями, Колченог кивнул. Эленд же, глубоко вздохнув, зашагал вниз по ступенькам, чтобы Тиндвил смогла преподать ему еще несколько уроков.

* * *

– Сегодня мы займемся вашей одеждой, – объявила террисийка, закрывая дверь в кабинет Эленда.

Кроме нее, там уже была полноватая портниха с белыми, стриженными под горшок волосами и несколько ее молодых помощниц. Все они замерли в почтительном ожидании.

Эленд оглядел свой наряд. Он был, в общем-то, неплох. Камзол и жилет сидели неплохо. Брюки, правда, обтягивали не так туго, как предпочитала имперская знать, но ведь он король – кому же, как не ему, еще быть законодателем моды?

– Не понимаю, что не так. Разумеется, моя одежда выглядит не столь официальной, как у других, но она меня устраивает.

– Она безвкусная, – отрезала Тиндвил.

– Странно, я не...

– Не спорьте!

– Но вы же раньше говорили, что...

– Короли не спорят, Эленд Венчер. Они командуют. А способность отдавать приказы происходит от вашей манеры держаться. Небрежная одежда порождает небрежные привычки – такие, как осанка, которую я, кажется, уже упоминала.

Эленд лишь закатил глаза. Тиндвил щелкнула пальцами – портниха и ее помощницы начали распаковывать пару больших сундуков.

– Нет необходимости, – попытался остановить их Эленд. – У меня есть несколько более строгих костюмов, которые я ношу по особым случаям.

– Вы больше не будете носить костюмы.

– Прошу прощения?

Вместо ответа Тиндвил одарила его повелительным взглядом.

– Объяснитесь! – Эленд постарался, чтобы голос прозвучал внушительно.

Тиндвил кивнула:

– Традиции, которым вы следовали в одежде, были введены Последним Императором и восприняты аристократией. В каком-то смысле неплохая идея – она связывала вас с предыдущим правителем и придавала более или менее пристойный вид. Однако теперь положение изменилось. Вверенные вам люди в опасности, и время дипломатии окончено. Вы на войне. И одежда должна этому соответствовать.

Портниха выбрала костюм и поднесла его Эленду, тогда как ассистентки установили ширму для переодевания.

Эленд нерешительно принял наряд. Он был из плотной белой ткани; передняя часть куртки или, скорее, френча застегивалась на пуговицы до самого жесткого воротничка. В общем и целом напоминал...

– Мундир, – нахмурился Эленд.

– Именно, – согласилась Тиндвил. – Вы хотите, чтобы люди поверили в вашу способность их защитить? Король ведь не просто законодатель, король – это еще и генерал. Пришло время действовать так, чтобы быть достойным своего титула, Эленд Венчер.

– Я не воин, – покачал головой Элен. – Этот мундир лжет.

– Первое мы скоро изменим, – возразила Тиндвил. – А по поводу второго вы ошибаетесь. Вы командующий войсками Центрального доминиона. Что делает вас военным, даже если вы не умеете держать в руках меч. Теперь идите и переоденьтесь.

И Эленд сдался. Обошел ширму, чтобы освободить место, отпихнул стопку книг... Белые брюки оказались тесными и прямыми. Рубашка хоть и имелась, но ее почти не было видно под длинной жесткой курткой военного образца. Деревянные пуговицы шли сверху донизу, а с правой стороны груди размещался рисунок в форме геральдического щита, на котором красовалось что-то вроде стрелы или, возможно, копья.

Учитывая жесткость, покрой и стиль, Эленд был приятно удивлен тому, как хорошо сидел мундир.

– Размер правильный, – заметил он, надевая пояс и расправляя полы френча, которые закрывали бедра.

– Мы взяли мерки у вашего портного, – объяснила Тиндвил.

Едва Эленд вышел из-за ширмы, к нему сразу кинулись несколько помощниц портнихи. Одна вежливым жестом попросила надеть пару блестящих черных ботинок, другая прикрепила белый плащ к застегкам на плечах. Последняя помощница подала полированную дуэльную

трость из твердого дерева и ножны. Эленд прикрепил их к поясу и продел сквозь разрез во френче, чтобы они были снаружи, – так, по крайней мере, он делал раньше.

– Хорошо, – оглядев его с головы до ног, кивнула Тиндвил. – Когда научитесь держаться прямо, будет еще лучше. Теперь садитесь.

Эленд открыл рот, чтобы возразить, но передумал. Однако, когда он сел и ассистентка накинула на плечи простыню, а затем достала ножницы...

– Нет, постойте, – остановил Эленд. – Я понял, к чему это.

– Тогда возражайте. Не будьте таким туманным!

– Ладно. Мне мои волосы нравятся.

– За короткими волосами легче ухаживать, чем за длинными, – назидательно произнесла Тиндвил. – А вы уже доказали, что в вопросах ухода за внешностью вам доверять нельзя.

– Волосы стричь не будем, – твердо сказал Эленд.

Тиндвил помедлила, потом кивнула. Ассистентка отошла, а Эленд встал, стянул простыню и подошел к большому зеркалу.

И замер.

Разница была удивительная. Всю жизнь он считал себя ученым и светским львом и еще совсем немного шутком. Это же Эленд – дружелюбный, спокойный малый с забавными идеями. Его легко не принимать во внимание, но трудно ненавидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.